

По этой книге
новые русские поколения
познакомятся с прошлым своей
страны. Пусть эта книга станет
настоьной у каждого человека,
считающего себя русским
и болеющего за свою
Родину.



ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

— Сергей Ольденбург —

Сергей Ольденбург

**Царствование
императора Николая II**

«Центрполиграф»

УДК 93/94
ББК 63.3

Ольденбург С. С.

Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-06592-6

Сергей Сергеевич Ольденбург был эрудитом и знатоком истории, и именно поэтому Высший монархический совет поручил ему написать историю царствования императора Николая II. Автор имел доступ к уникальным документам. Копии оригиналов подлинных исторических актов Российской империи в целях предосторожности стали отправлять на хранение в русское посольство в Париже еще задолго до Первой мировой войны. Глубокое исследование истории России конца XIX – начала XX в. создает многогранный законченный образ мощной державы со всеми ее экономическими, политическими, социальными потрясениями.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-06592-6

© Ольденбург С. С.
© Центрполиграф

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	52
Глава 5	72
Глава 6	84
Глава 7	104
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Сергей Ольденбург

Царствование императора Николая II



© «Центрполиграф», 2016

Книга первая
Самодержавное правление
1894–1904



Николай II и императрица Александра Федоровна. 1896 г.

Глава 1

Манифест о восшествии государя на престол. – Оценка царствования императора Александра III (В. О. Ключевский, К. П. Победоносцев). – Общее положение в 1894 г. – Российская империя. – Царская власть. – Чиновничество. – Тенденции правящих кругов: «демофильская» и «аристократическая». – Внешняя политика и франко-русский союз. – Армия. – Флот. – Местное самоуправление. – Финляндия. – Печать и цензура. – Мягкость законов и суда. – Культурный уровень. – Литература к началу 90-х гг. – Искусство. – Положение сельского хозяйства. – Рост промышленности. – Постройка железных дорог; Великий Сибирский путь. – Бюджет. – Внешняя торговля. – Рознь между властью и образованным обществом. – Отзыв К. Н. Леонтьева

«Богу Всемогущему угодно было в неисповедимых путях своих прервать драгоценную жизнь горячо любимого родителя нашего, государя императора Александра Александровича. Тяжкая болезнь не уступила ни лечению, ни благодатному климату Крыма, и 20 октября Он скончался в Ливадии, окруженный августейшей семьей своей, на руках ее императорского величества государыни императрицы и наших.

Горя нашего не выразить словами, но его поймет каждое русское сердце, и мы верим, что не будет места в обширном государстве нашем, где бы не пролились горячие слезы по государю, безвременно отошедшему в вечность и оставившему родную землю, которую он любил всею силою своей русской души и на благоденствие которой он полагал все помыслы свои, не щадя ни здоровья своего, ни жизни. И не в России только, а далеко за ее пределами никогда не перестанут чтить память царя, олицетворявшего непоколебимую правду и мир, ни разу не нарушенный во все его царствование».

Этими словами начинается манифест, возвестивший России о восшествии императора Николая II на прародительский престол.

Правление императора Александра III, получившего наименование царя-мироотворца, не изобиловало внешними событиями, но оно наложило глубокий отпечаток на русскую и на мировую жизнь. За эти тринадцать лет были завязаны многие узлы – и во внешней, и во внутренней политике, – развязать или разрубить которые довелось его сыну и преемнику, государю императору Николаю II Александровичу.

И друзья, и враги императорской России одинаково признают, что император Александр III значительно повысил международный вес Российской империи, а в ее пределах утвердил и возвеличил значение самодержавной царской власти. Он повел русский государственный корабль иным курсом, чем его отец. Он не считал, что реформы 60-х и 70-х гг. – безусловное благо, а старался внести в них те поправки, которые, по его мнению, были необходимы для внутреннего равновесия России.

После эпохи Великих реформ, после войны 1877–1878 гг., этого огромного напряжения русских сил в интересах балканского славянства, России во всяком случае была необходима передышка. Надо было освоить, «переварить» произошедшие сдвиги.

В императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете известный русский историк, профессор В. О. Ключевский, в своем слове памяти императора Александра III через неделю после его кончины сказал:

«В царствование императора Александра III мы на глазах одного поколения мирно совершили в своем государственном строе ряд глубоких реформ в духе христианских правил, следовательно, в духе европейских начал – таких реформ, какие стоили Западной Европе вековых и часто бурных усилий, – а эта Европа продолжала видеть в нас представителей монгольской косности, каких-то навязанных приемышей культурного мира...

Прошло 13 лет царствования императора Александра III, и чем торопливее рука смерти спешила закрыть Его глаза, тем шире и изумленнее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования. Наконец и камни возопили, органы общественного мнения Европы заговорили о России правду, и заговорили тем искреннее, чем непривычнее для них было говорить это. Оказалось, по этим признаниям, что европейская цивилизация недостаточно и неосторожно обеспечила себе мирное развитие, для собственной безопасности поместилась на пороховом погребе, что горящий фитиль не раз с разных сторон приближался к этому опасному оборонительному складу, и каждый раз заботливая и терпеливая рука русского царя тихо и осторожно отводила его... Европа признала, что царь русского народа был государем международного мира, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по ее политической организации, в воле царя выражается мысль Его народа, и воля народа становится мыслью его царя. Европа признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на ее страже, понимает, ценит и оберегает ее основы не хуже ее творцов; она признала Россию органически необходимой частью своего культурного состава, кровным, природным членом семьи своих народов...

Наука отведет императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что Он одержал победу в области, где всего труднее достаются эти победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное самосознание, и сделал все это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его уже нет, Европа поняла, чем Он был для нее».

Если профессор Ключевский, русский интеллигент и скорее западник, останавливается больше на внешней политике императора Александра III и, видимо, намекает на сближение с Францией, – о другой стороне этого царствования в сжатой и выразительной форме высказался ближайший сотрудник покойного монарха, К. П. Победоносцев: «Все знали, что не уступит он русского, историей завещанного интереса ни на Польской, ни на иных окраинах инородческого элемента, что глубоко хранит он в душе своей одну с народом веру и любовь к Церкви православной; наконец, что он заодно с народом верует в непоколебимое значение власти самодержавной в России и не допустит для нее, в призраке свободы, гибельного смешения языков и мнений».

В заседании Французского сената его председатель Шалльмель-Лакур сказал в своей речи (5 ноября 1894 г.), что русский народ переживает «скорбь утраты властителя, безмерно преданного его будущему, его величию, его безопасности; русская нация под справедливой и миролюбивой властью своего императора пользовалась безопасностью, этим высшим благом общества и орудием истинного величия».

В таких же тонах отзывалась о почившем русском царе большая часть французской печати: «Он оставляет Россию более великой, чем ее получил», – писал *Journal des Debats*; а *Revue des deux Mondes* вторила словам В. О. Ключевского: «Это горе было и нашим горем; для нас оно приобрело национальный характер; но почти те же чувства испытали и другие нации... Европа почувствовала, что она теряет арбитра, который всегда руководился идеей справедливости».

* * *

1894 г. – как вообще 80-е и 90-е гг. – относится к тому долгому периоду «затишья перед бурей», самому долгому периоду без больших войн в новой и средневековой истории. Эта пора наложила отпечаток на всех, кто вырос в эти годы затишья. К концу XIX в. рост

материального благосостояния и внешней образованности шел с возрастающим ускорением. Техника шла от изобретения к изобретению, наука – от открытия к открытию. Железные дороги, пароходы уже сделали возможным «путешествие вокруг света в 80 дней»; вслед за телеграфными проволоками по всему миру уже протягивались нити телефонных проводов. Электрическое освещение быстро вытесняло газовое. Но в 1894 г. неуклюжие первые автомобили еще не могли конкурировать с изящными колясками и каретами; «живая фотография» была еще в стадии предварительных опытов; управляемые воздушные шары были только мечтой; об аппаратах тяжелее воздуха еще не слыхали. Не было изобретено радио, и не был еще открыт радий...

Почти во всех государствах наблюдался один и тот же политический процесс: рост влияния парламента, расширение избирательного права, переход власти к более левым кругам. Против этого течения, казавшегося в то время стихийным ходом «исторического прогресса», никто на Западе, в сущности, не вел реальной борьбы. Консерваторы, сами постепенно линия и левея, довольствовались тем, что временами замедляли темп этого развития – 1894 г. в большинстве стран как раз застал такое замедление.

Во Франции, после убийства президента Карно и ряда бессмысленных анархических покушений, вплоть до бомбы в палате депутатов и пресловутого Панамского скандала, которыми ознаменовалось начало 90-х гг. в этой стране, произошел как раз небольшой сдвиг вправо. Президентом был Казимир Перье, правый республиканец, склонный к расширению президентской власти; управляло министерство Дюпюи, опиравшееся на умеренное большинство. Но «умеренными» уже в ту пору считались те, кто в 70-х гг. были на крайней левой позиции Национального собрания; как раз незадолго перед тем – около 1890 г. – под влиянием советов папы Льва XIII значительная часть французских католиков перешла в ряды республиканцев.

В Германии после отставки Бисмарка влияние рейхстага значительно возросло; социал-демократия, постепенно завоевывая все большие города, становилась самой крупной германской партией. Консерваторы, со своей стороны, опираясь на прусский ландтаг, вели упорную борьбу с экономической политикой Вильгельма II. За недостаток энергии в борьбе с социалистами канцлер Каприви в октябре 1894 г. был заменен престарелым князем Гогенлоэ; но какой-либо заметной перемены курса от этого не получилось.

В Англии в 1894 г. на ирландском вопросе потерпели поражение либералы, и у власти находилось «промежуточное» министерство лорда Розбери, которое скоро уступило место кабинету лорда Солсбери, опиравшемуся на консерваторов и либералов-унионистов (противников ирландского самоуправления). Эти унионисты во главе с Чемберленом играли настолько видную роль в правительственном большинстве, что вскоре имя унионистов вообще лет на двадцать вытеснило название консерваторов. В отличие от Германии английское рабочее движение еще не носило политического характера, и мощные тред-юнионы, уже устраивавшие весьма внушительные забастовки, довольствовались пока экономическими и профессиональными достижениями – встречая в этом больше поддержки у консерваторов, нежели у либералов. Этими соотношениями объясняется фраза видного английского деятеля того времени: «Все мы теперь социалисты»...

В Австрии и в Венгрии парламентское правление было ярче выражено, чем в Германии: кабинеты, не имевшие большинства, должны были уходить в отставку. С другой стороны, сам парламент противился расширению избирательного права: господствующие партии боялись утратить власть. К моменту кончины императора Александра III в Вене правило недолговечное министерство князя Виндишгреца, опиравшееся на весьма разнородные элементы: на немецких либералов, на поляков и на клерикалов.

В Италии, после периода господства левых с Джолитти во главе, после скандала с назначением в сенат проворовавшегося директора банка Танлонго, в начале 1894 г. пришел

снова к власти старый политический деятель Криспи, один из авторов Тройственного союза, в особых итальянских парламентских условиях игравший роль консерватора.

Хотя 2-й Интернационал был уже основан в 1889 г. и социалистические идеи получали в Европе все большее распространение, к 1894 г. социалисты еще не представляли собою серьезной политической силы ни в одной стране, кроме Германии (где в 1893 г. они провели уже 44 депутата). Но парламентарный строй во многих малых государствах – Бельгии, Скандинавских, Балканских странах – получил еще более прямолинейное применение, чем у великих держав. Кроме России, только Турция и Черногория из европейских стран вовсе не имели в то время парламентов.

Эпоха затишья была в то же время эпохой вооруженного мира. Все великие державы, а за ними и малые увеличивали и усовершенствовали свои вооружения. Европа, как выразился В. О. Ключевский, «для собственной безопасности поместилась на пороховом погребе». Всеобщая воинская повинность была проведена во всех главных государствах Европы, кроме островной Англии. Техника войны не отставала в своем развитии от техники мира.

Взаимное недоверие между государствами было велико. Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии казался наиболее мощным сочетанием держав. Но и его участники не вполне полагались друг на друга. Германия до 1890 г. еще считала нужным «перестраховаться» путем тайного договора с Россией – и Бисмарк видел роковую ошибку в том, что император Вильгельм II не возобновил этого договора, – а с Италией не раз вступала в переговоры Франция, стремясь оторвать ее от Тройственного союза. Англия пребывала в «великолепном одиночестве». Франция таила незажившую рану своего поражения в 1870–1871 гг. и готова была примкнуть ко всякому противнику Германии. Жажда реванша ярко проявилась в конце 80-х гг. успехами буланжизма.

Раздел Африки был в общих чертах закончен к 1890 г., по крайней мере на побережье. Внутрь материка, где еще оставались неисследованные области, отовсюду стремились предприимчивые колонизаторы, чтобы первыми поднять флаг своей страны и закрепить за ней «ничьи земли». Только на среднем течении Нила путь англичанам еще преграждало государство махдистов, фанатиков-мусульман, в 1885 г. одолевших и убивших при взятии Хартума английского генерала Гордона. И горная Абиссиния, на которую начинали свой поход итальянцы, готовила им неожиданно мощный отпор.

Все это были только островки – Африка, как раньше Австралия и Америка, становилась достоянием белой расы. До конца XIX в. преобладало убеждение, что и Азию постигнет та же участь. Англия и Россия уже следили друг за другом через тонкий барьер слабых еще самостоятельных государств, Персии, Афганистана, полунезависимого Тибета. Ближе всего дошло до войны за все царствование императора Александра III, когда в 1885 г. генерал Комаров под Кушкой разгромил афганцев: англичане зорко наблюдали за «воротами в Индию»! Однако острый конфликт был разрешен соглашением 1887 г.

Но на Дальнем Востоке, где еще в 1850-х гг. русские без борьбы заняли принадлежавший Китаю Уссурийский край, дремавшие народы как раз зашевелились. Когда умирал император Александр III, на берегах Желтого моря гремели пушки: маленькая Япония, усвоившая европейскую технику, одерживала свои первые победы над огромным, но еще недвижным Китаем.

* * *

В этом мире Российская империя, с ее пространством в 20 миллионов квадратных верст, с населением в 125 миллионов человек, занимала видное положение. Со времени Семилетней войны, а в особенности с 1812 г. военная мощь России ценилась весьма высоко в Западной Европе. Крымская война показала пределы этой мощи, но в то же время и под-

твердила ее прочность. С тех пор эпоха реформ, в том числе и в военной сфере, создала новые условия для развития русской силы.

Россию в это время начали серьезно изучать. А. Леруа-Болье на французском языке, сэр Д. Маккензи-Уоллес на английском издали большие исследования о России 1870–1880-х гг. Строеение Российской империи весьма существенно отличалось от западноевропейских условий, но иностранцы тогда уже начали понимать, что речь идет о несходных, а не об «отсталых» государственных формах.

«Российская империя управляется на точном основании законов, от высочайшей власти исходящих. Император есть монарх самодержавный и неограниченный», – гласили русские основные законы. Царю принадлежала вся полнота законодательной и исполнительной власти. Это не означало произвола: на все существенные вопросы имелись точные ответы в законах, которые подлежали исполнению, пока не было отмены. В области гражданских прав русская царская власть вообще избегала резкой ломки, считалась с правовыми навыками населения и с благоприобретенными правами и оставляла в действии на территории империи и кодекс Наполеона (в царстве Польском), и Литовский статут (в Полтавской и Черниговской губерниях), и Магдебургское право (в Прибалтийском крае), и обычное право у крестьян, и всевозможные местные законы и обычаи на Кавказе, в Сибири, в Средней Азии.

Но право издавать законы нераздельно принадлежало царю. Был Государственный совет из высших сановников, назначенных туда государем; он обсуждал проекты законов; но царь мог согласиться, по своему усмотрению, и с мнением большинства, и с мнением меньшинства – или отвергнуть и то и другое. Обычно для проведения важных мероприятий образовывались особые комиссии и совещания; но они имели, разумеется, только подготовительное значение.

В области исполнительной полнота царской власти также была неограниченна. Людовик XIV после смерти кардинала Мазарини заявил, что хочет отныне быть сам своим первым министром. Но все русские монархи были в таком же положении. Россия не знала должности первого министра. Звание канцлера, присваивавшееся иногда министру иностранных дел (последним канцлером был светлейший князь А. М. Горчаков, скончавшийся в 1883 г.), давало ему чин I класса по Табели о рангах, но не означало какого-либо главенства над остальными министрами. Был Комитет министров, у него имелся постоянный председатель (в 1894 г. им еще состоял бывший министр финансов Н. Х. Бунге). Но этот Комитет был, в сущности, только своего рода межведомственным совещанием.

Все министры и главноуправляющие отдельными частями имели у государя свой самостоятельный доклад. Государю были также непосредственно подчинены генерал-губернаторы, а также градоначальники обеих столиц.

Это не значило, что государь входил во все детали управления отдельными ведомствами (хотя, например, император Александр III был «собственным министром иностранных дел», которому докладывались все «входящие» и «исходящие»; Н. К. Гирс был как бы его «товарищем министра»). Отдельные министры имели иногда большую власть и возможность широкой инициативы. Но они имели их, *поскольку и пока* им доверял государь.

Для проведения в жизнь предначертаний, идущих сверху, Россия имела также многочисленный штат чиновников. Император Николай I обронил когда-то ироническую фразу о том, что Россией управляют 30 000 столоначальников. Жалобы на «бюрократию», на «средостение» были весьма распространены в русском обществе. Принято было бранить чиновников, ворчать на них. За границей существовало представление о чуть ли не поголовном взяточничестве русских чиновников. О нем часто судили по сатирам Гоголя или Щедрина; но карикатура, даже удачная, не может считаться портретом. В некоторых ведомствах, например в полиции, низкие оклады действительно способствовали довольно широкому распространению взятки. Другие, как, например Министерство финансов или судебное ведомство

после реформы 1864 г., пользовались, наоборот, репутацией высокой честности. Надо, впрочем, признать, что одной из черт, роднивших Россию с восточными странами, было бытовое снисходительное отношение к многим поступкам сомнительной честности; борьба с этим явлением была психологически нелегка. Некоторые группы населения, как, например, инженеры, пользовались еще худшей репутацией, чем чиновники, – весьма часто, разумеется, незаслуженной.

Зато правительственные верхи были свободны от этого недуга. Случаи, когда к злоупотреблениям оказывались причастны министры или другие представители власти, были редчайшими сенсационными исключениями.

Как бы то ни было, русская администрация, даже в самых несовершенных своих частях, выполняла, несмотря на трудные условия, возложенную на нее задачу. Царская власть имела в своем распоряжении послушный и стройно организованный государственный аппарат, прилаженный к многообразным потребностям Российской империи. Этот аппарат создавался веками – от московских приказов – и во многом достиг высокого совершенства.

Но русский царь был не только главой государства: он был в то же время главою Русской православной церкви, занимавшей первенствующее положение в стране. Это, конечно, не означало, что царь был вправе касаться церковных догматов; соборное устройство православной церкви исключало такое понимание прав царя. Но по предложению Святейшего синода, высшей церковной коллегии, назначение епископов производилось царем; и от него же зависело (в том же порядке) пополнение состава самого Синода. Связующим звеном между церковью и государством был обер-прокурор Синода. Эта должность более четверти века занималась К. П. Победоносцевым, человеком выдающегося ума и сильной воли, учителем двух императоров – Александра III и Николая II.

За время правления императора Александра III проявились следующие основные тенденции власти: не огульно-отрицательное, но во всяком случае *критическое* отношение к тому, что именовалось «прогрессом», и стремление придать России больше внутреннего единства путем утверждения первенства русских элементов страны. Кроме того, одновременно проявлялись два течения, далеко не сходные, но как бы восполнявшие друг друга. Одно, ставящее себе целью защиту слабых от сильных, предпочитающее широкие народные массы отделившимся от них верхам, с некоторыми уравнительными склонностями, в терминах нашего времени можно было бы назвать «демофильским» или христианско-социальным. Это – течение, представителями которого были, наряду с другими, министр юстиции Манасеин (ушедший в отставку в 1894 г.) и К. П. Победоносцев, писавший, что «дворяне одинаково с народом подлежат обузданию». Другое течение, нашедшее себе выразителя в министре внутренних дел графе Д. А. Толстом, стремилось к укреплению правящих сословий, к установлению известной иерархии в государстве. Первое течение между прочим горячо отстаивало крестьянскую общину как своеобразную русскую форму решения социального вопроса.

Русификаторская политика встречала больше сочувствия у «демофильского» течения. Наоборот, яркий представитель второго течения, известный писатель К. Н. Леонтьев выступил в 1888 г. с брошюрой «Национальная политика как орудие всемирной революции» (в последующих изданиях слово «национальная» было заменено «племенная»), доказывая, что «движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации».

Из видных правых публицистов того времени к первому течению примыкал М. Н. Катков, ко второму – князь В. П. Мещерский.

Сам император Александр III, при его глубоко русском складе ума, не сочувствовал русификаторским крайностям и выразительно писал К. П. Победоносцеву (в 1886 г.): «Есть

господа, которые думают, что они одни Русские, и никто более. Уже не воображают ли они, что я Немец или Чухонец? Легко им с их балаганным патриотизмом, когда они ни за что не отвечают. Не я дам в обиду Россию».

* * *

Во внешней политике царствование императора Александра III принесло большие перемены. Та близость с Германией, вернее, с Пруссией, которая оставалась общей чертой русской политики с Екатерины Великой и проходит красной нитью через царствования Александра I, Николая I и особенно Александра II, сменилась заметным охлаждением. Едва ли было бы правильным, как это иногда делают, приписывать это развитие событий антигерманским настроениям императрицы Марии Феодоровны, датской принцессы, вышедшей замуж за русского наследника вскоре после датско-прусской войны 1864 г.! Можно разве сказать, что политические осложнения на этот раз не смягчались, как в предшествующие царствования, личными добрыми отношениями и семейными связями династий. Причины были, конечно, преимущественно политические.

Хотя Бисмарк и считал возможным совмещать Тройственный союз с дружественными отношениями с Россией, австро-германо-итальянский союз был, конечно, в основе охлаждения между старыми друзьями. Берлинский конгресс оставил горечь в русском общественном мнении. На верхах начали звучать антигерманские нотки. Известна резкая речь генерала Скобелева против немцев; Катков в «Московских ведомостях» вел против них кампанию. К середине 80-х гг. напряжение стало ощущаться сильнее; германский семилетний военный бюджет (септеннат) был вызван ухудшением отношений с Россией. Германское правительство закрыло берлинский рынок для русских ценных бумаг.

Императора Александра III, как и Бисмарка, это обострение серьезно тревожило, и в 1887 г. был заключен – на трехлетний срок – так называемый договор о перестраховке. Это было секретное русско-германское соглашение, по которому обе страны обещали друг другу благожелательный нейтралитет на случай нападения какой-либо третьей страны на одну из них. Соглашение это составляло существенную оговорку к акту Тройственного союза. Оно означало, что Германия не будет поддерживать какого-либо антирусского выступления Австрии. Юридически эти договоры были совместимы, так как и Тройственный союз предусматривал только поддержку в том случае, если кто-либо из его участников *подвергнется нападению* (что и дало Италии возможность в 1914 г. объявить нейтралитет, не нарушая союзного договора).

Но этот договор о перестраховке не был возобновлен в 1890 г. Переговоры о нем совпали с моментом отставки Бисмарка. Его преемник, генерал Каприви, с военной прямолинейностью указал Вильгельму II, что этот договор представляется нелояльным в отношении Австрии. Со своей стороны, император Александр III, питавший симпатии к Бисмарку, не стремился связываться с новыми правителями Германии.

После этого, в 90-х гг., дело дошло до русско-германской таможенной войны, завершившейся торговым договором 20 марта 1894 г., заключенным при ближайшем участии министра финансов С. Ю. Витте. Этот договор давал России – на десятилетний срок – существенные преимущества.

Отношениям с Австро-Венгрией нечего было и портиться: с того времени, как Австрия, спасенная от венгерской революции императором Николаем I, «удивила мир неблагодарностью» во время Крымской войны, Россия и Австрия так же сталкивались на всем фронте Балкан, как Россия и Англия на всем фронте Азии.

Англия в то время еще продолжала видеть в Российской империи своего главного врага и конкурента, «огромный ледник, нависающий над Индией», как выразился в английском парламенте лорд Биконсфильд (Дизраэли).

На Балканах Россия пережила за 80-е гг. тягчайшие разочарования. Освободительная война 1877–1878 гг., стоившая России столько крови и таких финансовых потрясений, не принесла ей непосредственных плодов. Австрия фактически завладела Боснией и Герцеговиной, и Россия вынуждена была это признать, чтобы избежать новой войны. В Сербии находилась у власти династия Обреновичей в лице короля Милана, явно тяготевшая к Австрии. Про Болгарию даже Бисмарк едко отозвался в своих мемуарах: «Освобожденные народы бывают не благодарны, а притязательны». Там дело дошло до преследования русофильских элементов. Замена князя Александра Баттенбергского, ставшего во главе антирусских течений, Фердинандом Кобургским не улучшила русско-болгарских отношений. Только в 1894 г. должен был уйти в отставку Стамбулов, главный вдохновитель русофобской политики. Единственной страной, с которой Россия в течение долгих лет даже не имела дипломатических сношений, была Болгария, так недавно воскрешенная русским оружием из долгого государственного небытия!

Румыния находилась в союзе с Австрией и Германией, обиженная тем, что в 1878 г. Россия вернула себе небольшой отрезок Бессарабии, отнятой у нее в Крымскую войну.¹ Хотя Румыния получила при этом в виде компенсации всю Добруджу с портом Констанцей, она предпочла сблизиться с противниками русской политики на Балканах.

Когда император Александр III провозгласил свой известный тост за «единственного верного друга России, князя Николая Черногорского», – это, в сущности, соответствовало действительности. Мощь России была настолько велика, что она не чувствовала себя угрожаемой в этом одиночестве. Но после прекращения договора о перестраховке, во время резкого ухудшения русско-германских экономических отношений, император Александр III предпринял определенные шаги для сближения с Францией.

Республиканский строй, государственное безверие и такие недавние в то время явления, как Панамский скандал, не могли располагать к Франции русского царя, хранителя консервативных и религиозных начал. Многие считали поэтому франко-русское соглашение исключенным. Торжественный прием моряков французской эскадры в Кронштадте, когда русский царь с непокрытой головой слушал «Марсельезу», показал, что симпатии или антипатии к внутреннему строю Франции не являются решающими для императора Александра III. Мало кто, однако, думал, что уже с 1892 г. между Россией и Францией был заключен тайный оборонительный союз, дополненный военной конвенцией, указывающей, какое количество войск обе стороны обязуются выставить на случай войны с Германией. Договор этот был в то время настолько секретным, что о нем не знали ни министры (конечно, кроме двух-трех высших чинов Министерства иностранных дел и военного ведомства), ни даже сам наследник престола.

Французское общество давно жаждало оформления этого союза, но царь поставил условием строжайшее сохранение тайны, опасаясь, что уверенность в русской поддержке может породить во Франции воинственные настроения, оживить жажду реванша и правительство, по особенностям демократического строя, не будет в силах противиться напору общественного мнения.

¹ Измаильский уезд, с площадью в 8128 кв. верст, с населением около 125 000 человек.

* * *

Российская империя в ту пору обладала самой многочисленной в мире армией мирного времени. Ее 22 корпуса, не считая казаков и нерегулярных частей, достигали численности 900 000 человек. При четырехлетнем сроке военной службы ежегодный призыв новобранцев давал в начале 90-х гг. втрое больше людей, чем было нужно армии. Это не только давало возможность производить строгий отбор по физической годности, но и позволяло предоставлять широкие льготы по семейному положению. Единственные сыновья, старшие братья, на попечении коих находились младшие, учителя, врачи и т. д., освобождались от действительной военной службы и прямо зачислялись в ратники ополчения второго разряда, до которых мобилизация могла дойти лишь в самую последнюю очередь. В России зачислялся в армию всего 31 процент призывных каждого года, тогда как во Франции 76 процентов.

На вооружение армии работали преимущественно *казенные* заводы; в России не было тех «торговцев пушками», которые пользуются столь нелестной репутацией на Западе.

Для подготовки офицерского состава имелось 37 средних и 15 высших военных учебных заведений, в которых обучалось 14 000–15 000 человек.

Все нижние чины, проходившие службу в рядах армии, получали, кроме того, известное образование. Неграмотных обучали читать и писать, и всем давались некоторые основные начала общего образования.

Русский флот, находившийся в упадке со времени Крымской войны, в царствование императора Александра III ожил и отстроился. Было спущено на воду 114 новых военных судов, в том числе 17 броненосцев и 10 бронированных крейсеров. Водоизмещение флота достигало 300 000 тонн – русский флот занимал третье место (после Англии и Франции) в ряду мировых флотов. Слабой стороной его было, однако, то, что Черноморский флот – около трети русских морских сил – был заперт в Черном море по международным договорам и не имел возможности принять участие в борьбе, которая возникла бы в иных морях.

* * *

Россия не имела имперских представительных учреждений; император Александр III, говоря словами К. П. Победоносцева, веровал «в непоколебимое значение власти самодержавной в России» и не допускал для нее «в призраке свободы, губительного смешения языков и мнений». Но от предшествующего царствования в наследие остались органы местного самоуправления, земства и города; и еще со времен Екатерины II существовало сословное самоуправление в лице дворянских собраний, губернских и уездных (мещанские управы и другие органы самоуправления горожан утратили постепенно всякое реальное значение).

Земские самоуправления были введены (в 1864 г.) в 34 (из 50)² губерниях Европейской России, то есть распространились более нежели на половину населения империи. Они избирались тремя группами населения: крестьянами, частными землевладельцами и горожанами; число мест распределялось между группами соответственно суммам платимых ими налогов. В 1890 г. был издан закон, усиливший роль дворянства в земствах. Вообще частные владельцы, как более образованный элемент деревни, играли руководящую роль в большинстве губерний; но были и земства преимущественно крестьянские (Вятское, Пермское, например). Русские земства имели более широкую сферу деятельности, чем сейчас имеют

² Земств не было: в 12 западных губерниях, где среди землевладельцев преобладали нерусские элементы; в редко населенных Архангельской и Астраханской губерниях; в Области войска Донского и в Оренбургской губернии с их казачьими учреждениями.

органы местного самоуправления во Франции. Медицинская и ветеринарная помощь, народное образование, содержание дорог, статистика, страховое дело, агрономия, кооперация и т. д. – такова была сфера деятельности земств.

Городские самоуправления (думы) избирались домовладельцами. Думы избирали городские управы с городским головой во главе. Сфера их компетенции в пределах городов была в общих чертах та же, что у земств в отношении деревни.

Наконец, и деревня имела свое крестьянское самоуправление, в котором принимали участие все взрослые крестьяне и жены отсутствующих мужей. Миром решались местные вопросы и избирались уполномоченные на волостной сход. Старосты (председатели) и при них состоявшие писаря (секретари) руководили этими первичными ячейками крестьянского самоуправления.

В общем, к концу царствования императора Александра III, при государственном бюджете в 1 миллиард 200 миллионов рублей, местные бюджеты, находившиеся в ведении выборных учреждений, достигали суммы около 200 миллионов, из которых на земства и города приходилось примерно по 60 миллионов в год. Из этой суммы земства тратили около трети на медицинскую помощь и около одной шестой – на народное образование.

Дворянские собрания, созданные еще Екатериной Великой, состояли из всех потомственных дворян каждой губернии (или уезда), причем участвовать в собраниях могли только те дворяне, которые имели в данной местности земельную собственность.³ Губернские дворянские собрания были, в сущности, единственными общественными органами, в которых порою обсуждались на законном основании вопросы общей политики. Дворянские собрания в виде адресов на высочайшее имя не раз выступали с политическими резолюциями. Кроме этого, сфера их компетенции была весьма ограничена, и они играли известную роль только благодаря своей связи с земствами (местный предводитель дворянства являлся по должности председателем губернского или уездного земского собрания).

Значение дворянства в стране в то время уже заметно шло на убыль. В начале 1890-х гг., вопреки распространенным на Западе представлениям, в 49 губерниях Европейской России из 381 миллиона десятин земельной площади только 55 миллионов принадлежало дворянам, тогда как в Сибири, Средней Азии и на Кавказе дворянское землевладение вообще почти отсутствовало (только в губерниях царства Польского дворянству принадлежало 44 процента земель).

В местных самоуправлениях, как везде, где действует выборное начало, были, конечно, свои группировки, свои правые и левые. Были земства либеральные и земства консервативные. Но настоящих партий из этого не слагалось. Не было в то время и сколько-нибудь значительных нелегальных группировок после распада «Народной воли», хотя за границей и выходили кое-какие революционные издания. Так, Лондонский фонд нелегальной печати (С. Степняк, Н. Чайковский, Л. Шишко и др.) в отчете за 1893 г. сообщил, что за год им распространено 20 407 экземпляров нелегальных брошюр и книг – из них 2360 в России, что составляет небольшое количество на 125 миллионов населения...

На особом положении находилось Великое княжество Финляндское. Там действовала конституция, дарованная еще Александром I. Финский сейм, состоявший из представителей четырех сословий (дворян, духовенства, горожан и крестьян), созывался каждые пять лет, и при императоре Александре III он даже получил (в 1885 г.) право законодательной инициативы. Местным правительством был сенат, назначавшийся императором, а связь с общеимперским управлением обеспечивалась через министра – статс-секретаря по делам Финляндии.

³ Дворянство в России не составляло замкнутой касты; права потомственного дворянства приобретались каждым, кто достигал чина VIII класса по Табели о рангах (коллежского асессора, капитана, ротмистра).

При отсутствии представительных учреждений организованной политической деятельности в России не было, и попытки создать партийные группы немедленно пресекались полицейскими мерами. Печать находилась под зорким наблюдением власти. Некоторые большие газеты выходили, однако, без предварительной цензуры – чтобы ускорить выпуск – и несли поэтому риск последующих репрессий. Обычно газете делалось два «предостережения», и на третьем ее выход в свет приостанавливался. Но при этом газеты оставались *независимыми*: в известных рамках, при условии некоторой внешней сдержанности, они могли проводить, и зачастую проводили взгляды, весьма враждебные правительству. Большинство больших газет и журналов было заведомо оппозиционными. Правительство только ставило внешние преграды выражению враждебных ему воззрений, а не пыталось влиять на содержание печати.

Можно сказать, что русская власть не имела ни склонности, ни способности к саморекламе. Ее достижения и успехи нередко оставались в тени, тогда как неудачи и слабые стороны старательно расписывались с мнимой объективностью на страницах русской поврежденной печати, а за границей распространялись русскими политическими эмигрантами, создавая во многом ложные представления о России.

В отношении книг наиболее строгой была цензура церковная. Менее суровая, чем Ватикан с его «индексом», она в то же время имела возможность не только заносить запрещенные книги в списки, но и пресекать на деле их распространение. Так, под запретом были антицерковные писания графа Л. Н. Толстого, «Жизнь Иисуса» Ренана; при переводах из Гейне, например, исключались места, содержащие глумление над религией. Но в общем – особенно если принять во внимание, что цензура в разные периоды действовала с различной степенью строгости, а книги, однажды допущенные, редко изымались затем из обращения, – книги, запретные для русского «легального» читателя, составляли ничтожную долю мировой литературы. Из крупных русских писателей запрещен был только Герцен.

В стране, которую за границей считали «царством кнута, цепей и ссылки в Сибирь», действовали на самом деле весьма мягкие и гуманные законы. Россия была единственной страной, где смертная казнь вообще была отменена (со времен императрицы Елизаветы Петровны) для всех преступлений, судимых общими судами. Она оставалась только в военных судах и для высших государственных преступлений. За XIX в. число казненных (если исключить оба польских восстания и нарушения воинской дисциплины) *не составляло и ста человек за сто лет*. За царствование императора Александра III, кроме участников цареубийства 1 марта, казнены были только несколько человек, покушавшихся убить императора (один из них, между прочим, был как раз А. Ульянов – брат Ленина).

Административная ссылка на основании закона о положении усиленной охраны применялась зато довольно широко ко всем видам противоправительственной агитации. Были разные степени ссылки: в Сибирь, в северные губернии («места не столь отдаленные», как это обычно называли), иногда просто в провинциальные города. Высланным, не имевшим собственных средств, выдавалось казенное пособие на жизнь. В местах ссылки образовывались особые колонии людей, объединенных общей судьбой; нередко эти колонии ссыльных становились ячейками будущей революционной работы, создавая связи и знакомства, содействуя «закрепощению» во вражде к существующему порядку. Те же, кто считались наиболее опасными, помещались в Шлиссельбургскую крепость на острове в верхнем течении Невы.

Русский суд, основанный на судебных уставах 1864 г., стоял с того времени на большой высоте; «гоголевские типы» в судейском мире отошли в область преданий. Бережное отношение к подсудимым, широчайшее обеспечение прав защиты, отборный состав судей – все это составляло предмет справедливой гордости русских людей и соответствовало настроению общества. Судебные уставы были одними из немногих законов, которые общество не только уважало, но и готово было ревниво защищать от власти, когда она считала необхо-

димым вносить оговорки и поправки в либеральный закон для более успешной борьбы с преступлениями.

Труднее всего было бы определить культурный уровень русского народа. Если измерить его одними внешними признаками, числом учебных заведений, числом учащихся и их соотношением с общей численностью населения, было бесспорно, что большинство европейских государств в этом отношении опередило Россию. К 1894 г. в девяти русских университетах обучалось 14 327 студентов; вместе со специальными высшими учебными заведениями (техническими, военными, художественными и т. д.) оно достигало 25 000–30 000 человек. В средних учебных заведениях (их было около 900) обучалось 224 000 человек (из них в женских 75 500). В низших учебных заведениях всех видов (около 72 000) обучалось 3 360 000 детей. Учащиеся составляли, таким образом, немного менее 3 процентов общей массы населения.⁴ Для азиатских стран такой процент учащихся, как в России, казался бы вообще огромным. (В странах всеобщего обязательного обучения учащиеся составляют около 10 процентов населения.)

В России выходило к 1894 г. около 850 периодических изданий всех видов; ежедневных газет, не считая губернских официальных изданий, имелось около ста. Во главе оппозиционной печати были в то время в Санкт-Петербурге «Новости», в Москве – «Русские ведомости», тогда как наиболее распространенной умеренной газетой было суворинское «Новое время», а правыми органами были «Гражданин» князя Мещерского и «Московские ведомости», имевшие, однако, меньший вес после смерти М. Н. Каткова. Из так называемых толстых журналов только «Русский вестник» был органом консервативным, тогда как «Вестник Европы» и «Русская мысль» держались либерального направления, а в «Русском богатстве» и «Мире Божием» пробивалась социалистическая струя. Особо стоял «Северный вестник», проводивший взгляды враждебные плоскому материализму 60-х гг., но в то же время политически весьма далекий от власти. Провинциальная печать была беднее и серее столичной, но и там – исключением был «Киевлянин» профессора Д. И. Пихно – преобладали сдержанно оппозиционные тона. Именно в провинции большевики упоминают первые ростки «марксистской печати».

В России в 1894 г. имелось 1315 типографий. Книг и других неперiodических изданий выпущено было 16 541, в том числе около 6000 в Санкт-Петербурге и около 2500 в Москве. Тираж их достигал нескольких десятков миллионов экземпляров.

Число общественных библиотек под влиянием деятельности земств в этой области быстро росло и приближалось к 4000, во главе с Императорской Публичной библиотекой с ее полутора миллионами книг и 15 000 читателей в год. Большие библиотеки также имелись в Академии наук, в Румянцевском музее (Москва) и при всех университетах. Согласно закону по одному экземпляру каждой книги, выходившей в России, должно было поступать в библиотеку Академии наук и в Публичную библиотеку.

Иностранные наблюдатели не раз отмечали высокий культурный уровень образованных слоев русского общества, нашедший себе такое яркое выражение в русской литературе XIX в., сразу выдвинувшейся в первые ряды мировой литературы. Отмечалось также, что, в отличие от Запада, в России образование более равномерно распространяется и на женщин, которые в России вообще были гораздо ближе к гражданскому и социальному равенству с мужчинами, чем в Западной Европе, особенно в романских странах. Профессор Legras в своих впечатлениях о пребывании в России в 1892 г. писал: «Лицеи для девиц (гимназии) буквально кишат в России... Серьезное развитие женского образования в России имеет

⁴ В общем 3 % имелись в земских губерниях и вообще в Европейской России (выше – около 6 % – только в трех Прибалтийских губерниях). Цифра эта резко понижалась на Кавказе (1,7) и особенно в только недавно завоеванной Средней Азии (0,3).

и свои преимущества... Чувствуешь, что их ум прошел иную школу, чем у воспитанниц наших модных монастырей... Русские девушки менее сдержанны, но более естественны, чем девицы в наших пансионатах». Этот отзыв любопытен потому, что он исходит от человека, отзывающегося в общем без сочувствия об императорской России.

В русской литературе начало 90-х гг. было периодом тусклым, промежуточным. Большие писатели второй половины века сошли со сцены. Достоевский и Тургенев умерли, Л. Н. Толстой отошел от художественного творчества и занимался проповедью своих учений. В 1892 г. скончался А. А. Фет, давший за последние годы жизни свои великолепные «Вечерние огни»; из меньших умерли Гаршин, Гл. Успенский, раньше – Писемский; поэты Апухтин и Надсон (так безмерно возвеличенный русской публикой того времени). Доживали последние годы А. Н. Майков (ум. 1897), Я. П. Полонский (ум. 1898), Н. С. Лесков (ум. 1895). Из новых писателей А. П. Чехов еще не получил общего признания; он пользовался меньшей известностью, чем Короленко. Только вокруг «Северного вестника» ощущалось некоторое «движение воды» – возникало так называемое «декадентство» с Мережковским, Гиппиус, Минским во главе. Свою первую книгу в 1894 г. выпустил Бальмонт. Одиноким стоял талантливый поэт-алкоголик К. М. Фофанов.

Из русских писателей того времени наибольшей известностью пользовался философ Владимир Соловьев. К. Н. Леонтьев скончался в 1892 г.; в «Русском вестнике» о нем помещен ряд статей талантливый публицист В. В. Розанов, получивший известность своей небольшой книгой «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского».

В критике господствовала политическая тенденция. Большим влиянием пользовался Н. К. Михайловский. Литературу рассматривали с точки зрения общественной пользы (весьма узко понимаемой), и на «Северный вестник» за его защиту чистого искусства сыпались громы почти всех других органов печати.

Архитектура, как, впрочем, и во всех других странах, находилась в печальном упадке. Утилитарный дух века, казалось, убил творчество в этой области; строились в огромных количествах только безобразные, четырех- и пятиэтажные жилые дома, чтобы вместить быстро растущее население городов. Было не до церквей и не до дворцов...

В живописи наибольшей популярностью пользовались передвижники, реалисты с «общественно полезной» тенденцией. Их выставки, «передвигавшиеся» из города в город, привлекали наибольшее число посетителей: в Санкт-Петербурге от 25 000 до 44 000 человек, в Москве – до 27 000, тогда как выставки Академии художеств не достигали цифр выше 18 000–20 000 посетителей. В. А. Серов был еще в ту пору начинающим художником; на первом плане были имена Крамского, Репина, Сурикова и Верещагина; в моде были также «марины» Айвазовского. Религиозную струю в живопись вносили В. М. Васнецов и Нестеров, трогательно преданный поклонник императора Александра III. В скульптуре первое место принадлежало Антокольскому.

* * *

Семь восьмых населения Российской империи жило в деревне, и только одна восьмая – в городах. Уже из этого явствует преобладающее значение сельского хозяйства. Но именно эта отрасль народной экономической жизни находилась в состоянии известного застоя. Отмена крепостного права сильно подорвала частное землевладение и в хозяйственном отношении весьма мало улучшила положение крестьян. Общинное землевладение, препятствуя обезземелению слабых элементов деревни, в то же время тормозило сильные, предприимчивые элементы; получалось равенство по худшим. Тем не менее из крестьянства понемногу выделялись более зажиточные единицы, шла перекупка земель у дворян (распродавших за время с 1861 г. по начало 90-х гг. свыше четверти оставленных им земель).

Но этот процесс, вместе с некоторым повышением уровня сельскохозяйственной техники, только-только уравнивал быстрый прирост населения. Хлеба хватало на большее число ртов, но количество хлеба на каждого почти не увеличивалось. Неурожаи поэтому тяжело отражались на всем хозяйстве страны. Исключительное по своим размерам – для того времени – бедствие 1891 г. вызвало со стороны государства затрату около *полумиллиарда* рублей на помощь пострадавшим, предоставление льгот при уплате налогов, приостановку вывоза хлеба за границу и отсрочку намечавшейся валютной реформы. Рождаемость в Европейской России упала со средней нормы в 4,9 процента за последние годы до 4,5 в 1892 г., тогда как смертность поднялась с 3,4 процента до 4 процентов, и естественный прирост населения в 1892 г. достиг всего 600 000 человек – около трети обычного числа. При этом случаи непосредственной смерти от голода были редки, рост смертности был вызван ослаблением сопротивляемости против болезней.

Урожай зерновых хлебов давал около 2 миллиардов пудов в год для Европейской России. За границу вывозилось около одной пятой этого количества, и все-таки Россия была самым крупным поставщиком хлеба в Европе.

По количеству лошадей (26 миллионов в начале 90-х гг.) Россия занимала первое место в мире, и это было естественно, так как обработка полей производилась почти исключительно конской тягой. Рогатого скота числилось 33 миллиона голов; овец 64 миллиона. На окраинах имели реальное хозяйственное значение олени (на севере) и верблюды (в Средней Азии), и тех и других было по полмиллиона. Сравнительно слабо было распространено свиноводство (11 миллионов голов). Годовое потребление мяса определялось цифрой около 175 миллионов пудов.

Из побочных культур истари славился русский лен. Больше чем половина всего льна в мире вырастала на русских полях. В западных губерниях голубые пространства льна чередовались с золотыми нивами. Быстро увеличивались посевы сахарной свеклы (в 1894 г. около 300 000 десятин).

Рыбная ловля, в отношении которой статистика весьма несовершенна, приносила ежегодно около 70 миллионов пудов рыбы.

Промышленность начинала развиваться быстрее. Число рабочих, занятых в ней, перевалило к 1894 г. за полтора миллиона. Стоимость выработанных товаров в том же году приближалась к 2 миллиардам рублей. На первом месте стояла текстильная промышленность, занимавшая более трети общего числа рабочих, в значительной мере удовлетворявшая потребности рынка, но – кроме льна – ввозившая свое сырье (хлопок, шерсть, шелк) преимущественно из-за границы. Развитие хлопководства подвигалось быстро вперед,⁵ но все же русский хлопок удовлетворял только 30 процентов общей потребности. Немногим менее трети рабочих приходилось на горное дело и металлургию. Старый горнозаводский центр, Урал, с его изумительным разнообразием всех видов полезных ископаемых, начал отступать на второй план перед Донецким бассейном (уголь), Кривым Рогом (железная руда), Баку (нефть). Даже в отношении золота первенство перешло к Восточной Сибири (Ленские прииски), и только платина, естественная монополия которой принадлежала России, составляла по-прежнему привилегию Урала.

Уже существовали зачатки рабочего законодательства: запрещение ночного труда женщин и детей, ограничение труда малолетних, регулировка условий найма, меры предотвращения несчастных случаев и учреждение фабричной инспекции для контроля над выполнением законов об охране труда.

До 80-х гг. рабочие были настолько малочисленны, что им не придавалось особого значения как отдельной группе населения. К тому же многие рабочие сохраняли связь с

⁵ В 1883 г. в Средней Азии 500 десятин под хлопком, в 1895 г. – 220 000 десятин.

деревней: фабрика служила своего рода «отхожим промыслом». Тем не менее вокруг некоторых крупных заводов начали образовываться слои «наследственных пролетариев». Быстрый рост промышленности к 1894 г. чрезвычайно повысил значение рабочих в общей экономике страны.

Казенное хозяйство играло большую роль в России. Больше половины всей земельной площади в империи принадлежало казне. Правда, в это входили все худшие земли: тундры, пустыни, болота, сибирская тайга. Земель удобных для обработки у казны в Европейской России почти не оставалось после освобождения государственных крестьян.⁶ Зато огромным богатством казны были лесные пространства Русского Севера и Сибири. Даже при очень малоинтенсивной разработке они давали государству ежегодно несколько десятков миллионов рублей. Государство имело также свои казенные заводы, но они не рассматривались как доходная статья: это были в первую очередь заводы военные.

Необыкновенное разнообразие русских условий, разница климата, почвы, племенного состава создавали необходимость неустанной работы для того, чтобы *держатъ вместе* Российскую империю. Первостепенное значение для этой цели имели пути сообщения. На них было положено немало усилий. К концу 1894 г. в империи имелось 32 500 верст железных дорог, 150 000 верст телеграфных проводов, 45 000 верст судоходных рек (с 2000 речных пароходов) и 23 000 верст шоссейных дорог.

В 1891 г. начата была постройка длиннейшей во всем мире железнодорожной линии, Великого сибирского пути. Закладка пути на восточном его конце, во Владивостоке, была произведена наследником цесаревичем Николаем Александровичем при его возвращении из путешествия по Азии в мае 1891 г. Сооружение Сибирского пути, конечно, объяснялось не столько хозяйственными выгодами, сколько решимостью «ногою твердой стать» на Тихом океане, играть активную роль в судьбах Азии и Дальнего Востока в частности. Наследник был назначен председателем Комитета по сооружению дороги и живо интересовался этим начинанием.

Финансы России после пятнадцати лет мира оправились от потрясения войны 1877–1878 гг. Кредитный рубль держался в течение ряда лет на высоте двух третей своего номинального курса. Правительство, заключая заграничные займы в золоте и тратя внутри страны кредитные рубли, накапливало значительный золотой запас для проведения стабилизации рубля. Без повышения налоговых ставок поступление налогов значительно возросло. Пост министра финансов с 1892 г. занимал С. Ю. Витте.

Русское Министерство финансов того времени было не только бюджетным ведомством. Это было подлинное министерство народного хозяйства. Оно ведало торговыми договорами, промышленностью и торговлей, торговым судоходством и даже имело свои учебные заведения.

Около 1890 г. русский бюджет перевалил за миллиард рублей. В 1894 г. прямые налоги составляли менее 10 процентов доходной сметы, косвенные налоги – около 50 процентов (питейные сборы превышали половину этой суммы), доходы от казенных имуществ (железные дороги, леса) – около 15 процентов, крестьянские выкупные платежи за землю, доставшуюся им при освобождении, – около 8 процентов; остальное приходилось на гербовые сборы, почту и телеграф, погашение государственных ссуд и т. д. На душу населения бремя государственных расходов составляло в среднем менее 10 рублей – много ниже, чем в других великих державах. Конечно, при низком уровне благосостояния населения и эта сумма была ощутительной. Но все же утверждение социалистических «экономистов» того времени, вроде Николая-она⁷ (Даниельсона), писавшего, что казна берет у крестьян 90 процен-

⁶ Доход от государственных земельных угодий достигал всего 14 миллионов рублей в год.

⁷ Николай-он – литературное имя одного из крупных русских экономистов Николая Францевича Даниельсона.

тов их дохода и что они от этого постепенно разоряются и распродают свой инвентарь, было безмерным преувеличением, фантастическим искажением действительности.

В мировом хозяйственном обороте Россия участвовала уже лет двести и завоевала себе прочное место на мировом рынке. Годовой оборот внешней торговли превышал за последние десять лет миллиард рублей (только в 1892 г., вследствие запрещения вывоза хлеба, он спустился до 880 миллионов рублей) и давал России ежегодный актив от 150 до 200 миллионов рублей. Лучшим клиентом России в то время была Англия, почти наравне с ней шла Германия. Сношения с этими двумя государствами составляли половину всего оборота русской внешней торговли. Франция, находившаяся на третьем месте, давала только 7 процентов оборота. Русский торговый баланс был активным в сношениях со всеми странами, за исключением Соединенных Штатов и Египта (откуда ввозился хлопок) и Китая (чай). На первом месте в русском вывозе был хлеб (более половины), затем лен, лес (нефть – на шестом месте), во ввозе – хлопок, металлы, машины, чай, шерсть.

Оборот судов в русских портах достигал около 10 миллионов тонн. За границу в 1894 г. выехало (если исключить пограничное общение) 313 000 человек (из них около трети русских подданных), а въехало в Россию 300 000 (русских – менее трети). Перевес эмиграции (главным образом в Соединенные Штаты) над возвращением составлял для русских подданных в среднем около 40 000 человек в год. Весьма значительную часть этой эмиграции составляли евреи, из района черты оседлости уезжавшие в Америку (в эту черту входило царство Польское и 15 западных губерний Белоруссии, Малороссии и Новороссии).

Если часть русского общества только старалась доказать, что крестьянство разоряется и идет к гибели, другая часть интеллигенции, исходя из такого же враждебного отношения к существующему строю, доказывала неизбежность экономического перерождения России по примеру западных стран, а некоторые даже приветствовали такую эволюцию как шаг вперед.

«Вся современная духовная и материальная культура тесно связана с капитализмом, – писал молодой экономист П. Б. Струве в своей первой книге, вышедшей легально в 1894 г. – Она выросла вместе с ним и на его почве. Мы же, ослепленные каким-то непомерным тщеславием, мним заменить трудную культурную работу целых поколений, суровую борьбу экономических сил и интересов настроениями нашей собственной «критической мысли», которая открыла трогательное совпадение народно-бытовых форм с собственными своими идеалами... Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму».

* * *

Конечно, много было недочетов в русском народном хозяйстве, и западные государства с их маленькой площадью и густым населением значительно опередили Россию в количественном отношении по части развития техники.

Но не в хозяйственных недочетах и не в технической отсталости была заложена главная угроза Российскому государству! Корень зла был в глубокой розни между властью и значительной частью образованного общества. Русская интеллигенция относилась к власти с определенной враждебностью, которая порой принимала более откровенные формы, порой загонялась вглубь, с тем чтобы снова проявиться с удвоенной силой.

В первой половине XIX в. лучшие русские писатели еще понимали значение царской власти. Пушкин, Гоголь, Жуковский, не говоря уже о Карамзине, оставили немало страниц, ярко о том свидетельствующих. Но русская интеллигенция уже и тогда была не с ними. Белинский, гневным обличением отвечающий на «Переписку с друзьями», для нее гораздо типичнее самого Гоголя. Среди писаний Пушкина замалчивались произведения его зрелого

возраста, где он говорил об императоре Николае I, и списывались и распространялись его юношеские выпады против власти.

Восстание декабристов внесло этот раскол на самые верхи общества, подорвало доверие царя к военному дворянству и этим увеличило значение зависящего от власти служилого сословия.

Эпоха Великих реформ сперва кое-что улучшила в этом отношении; она открыла новые поприща для работы: суды, земства, посредническую деятельность в деревне. Но крайние течения быстро отравили и тут сотрудничество между интеллигенцией и властью. Реформы только вызывали требования дальнейших реформ; новые возможности действия использовались для пропаганды против правительства. Через пять лет после освобождения крестьян уже произошло первое покушение на царя-освободителя.

И опять-таки: лучшие писатели того времени были скорее с властью, чем с интеллигенцией. Граф Л. Н. Толстой до конца 70-х гг. печатался в «Русском вестнике» Каткова. Достоевский, в молодости примкнувший к социалистическому кружку и за это жестоко пострадавший, в «Бесах» с непревзойденной яркостью изобразил дух русской революции и в «Дневнике писателя» отстаивал значение царской власти для России. К консервативному лагерю принадлежали и Фет, и Тютчев, и Майков, и по существу даже граф А. К. Толстой («двух станов не боец, а только гость случайный»). Определенным противником интеллигентского радикализма был Лесков. Писемский во «Взбаламученном море» дал неприглядный очерк «шестидесятников»; и даже западник Тургенев в «Отцах и детях», «Дыме» и «Нови» изобразил так называемых «нигилистов» в малопривлекательном свете...

Но тон задавали не они! «Властителями дум» были радикальные критики, проповедники материализма, непримиримые обличители существующего. Уже раздавались требования не только политических, но и коренных социальных преобразований, как будто отмена крепостного права не была сама по себе огромной социальной реформой. Интеллигенция перенимала от Запада непременно самые крайние учения. Началось «хождение в народ» с целью распространения этих учений в крестьянской среде, с надеждой на революцию по образцам Пугачева и «атамана Степана», как называли Стеньку Разина в модном тогда романсе «Утес».

Народная масса тогда не поддавалась на эти увещания и посулы; она встретила с недоверием чуждых ей людей; хождение в народ окончилось полным провалом, и тогда возникла партизанская вооруженная атака на власть, руководившаяся пресловутой партией «Народной воли».

Восполняя дерзостью и предприимчивостью недостаток своей численности, революционеры в течение нескольких лет сумели создать гипноз мощного движения против власти; они смутили правителей, они производили впечатление за границей. Жизнь царя-освободителя подвергалась ежечасной угрозе: то взрывали рельсы перед царским поездом, то даже покои Зимнего дворца. Александр II решил попытаться привлечь на сторону власти колеблющиеся образованные слои, с известным злорадством наблюдавшие за борьбой между правительством и «нигилистами», но не успел принять никаких реальных мер в этом направлении: 1 марта 1881 г. свершилось цареубийство.

Страшная весть всколыхнула Россию, многих отрезвила, создала пустоту вокруг деятелей «Народной воли». Император Александр III, считавший положение крайне опасным, тем не менее решил дать врагам мужественный отпор – и вдруг натиск «нигилистов» рассеялся, как наваждение.

Но произошли ли за царствование императора Александра III действительные перемены в настроениях образованных классов? Интеллигенция притихла, смолкла, враждебность исчезла с поверхности, но тем не менее она осталась. Все меры царствования встре-

чали глухую, по внешности сдержанную, но непримиримую критику. Болезнь оказалась только загнанной вглубь.

Грозная черта этих лет: новые писатели уже не отделялись от интеллигенции в своем отношении к существующему строю. Те из них, которым было душно в радикальной казарме, просто уходили в область чистого искусства, оставаясь в стороне от общественной жизни. Из учений графа Л. Н. Толстого, резко изменившегося за эти годы, его «непротивление злу» и рационалистическое христианство пользовались гораздо меньшим успехом, чем его отрицание всего современного государства.

Пассивное сопротивление интеллигенции создавало для власти большие затруднения, особенно в области народного образования. Студенчество, несмотря на ряд новых законов, вводивших университетскую жизнь в строгие рамки (ношение формы, обязательное посещение лекций и т. д.), или отчасти благодаря этим законам оставалось рассадником революционных течений. Власть поэтому питала недоверие к высшим учебным заведениям; некоторые из них, как женские медицинские курсы, были закрыты; на Санкт-Петербургские Высшие женские курсы на три года был запрещен прием. Правительству приходилось лавировать между Сциллой отсталости в учении и Харибдой взращивания своих врагов. Насколько велика была нетерпимость этих врагов, показывает характерный случай: профессор В. О. Ключевский, известный историк, пользовавшийся огромной популярностью в студенчестве, вызвал с его стороны враждебные выходки своей (приведенной выше) речью памяти императора Александра III и вскоре вернул себе былой престиж. Сделать так, чтобы увеличить число школ, не создавая в деревне очагов противоправительственной пропаганды, было при таких условиях весьма нелегко. Строить и совершенствовать крупнейшее государство при враждебном отношении значительной части образованных слоев было задачей исключительной трудности!

Попытки увеличить удельный вес дворянства в государстве, создание Дворянского банка, учреждение земских начальников были вызваны потребностью в некоем правящем слое, из которого можно было бы пополнить ряды носителей власти. Но К. Н. Леонтьев еще в 70-х гг. писал: «Молодость наша, говоря я с горьким чувством, сомнительна».

«Мы прожили много, сотворили духом мало и стоим у какого-то страшного предела...

На Западе вообще бури и взрывы были громче, величавее; Запад имеет более плуто-нический характер; но какая-то особенная, более мирная или глубокая подвижность всей почвы и всего строя у нас в России стоит западных громов и взрывов.

Дух *охранения* на Западе был сильнее в высших слоях общества, и потому и взрывы были сильнее; у нас дух *охранения* слаб. Наше общество вообще расположено идти по течению за другими... Кто знает? Не быстрее ли других? Дай Бог, чтобы я ошибался!»

Глава 2

Личность государя. – Взгляды К. П. Победоносцева на современную государственность. Похороны императора Александра III. – Первые приемы министров. – Бракосочетание государя. – Земские адреса и речь государя 17 января 1895 г. – Выступление трех держав против Симоносекского мира. – Тенденция к примирению Франции с Германией. – Забота о просвещении. – Отзыв Британской энциклопедии

Государя императора Николая Александровича мало знали в России ко времени его восшествия на престол. Мощная фигура императора Александра III как бы заслоняла наследника-цесаревича от глаз внешнего мира. Конечно, все знали, что ему 26 лет, что по своему росту и сложению он скорее в свою мать, императрицу Марию Феодоровну; что он имеет чин полковника русской армии, что он совершил необычное по тому времени путешествие вокруг Азии и подвергся в Японии покушению азиатского фанатика. Знали также, что он помолвлен с принцессой Алисой Гессенской, внучкой королевы Виктории, что его невеста прибыла в Ливадию перед самой кончиной императора Александра III. Но облик нового монарха оставался обществу неясным.

Наследник цесаревич также состоял председателем Комитета по сооружению Великого сибирского пути, возглавлял Комитет по борьбе с голодом 1891–1892 гг., заседал в Государственном совете, но эта сторона его деятельности не привлекала до того времени особого внимания.

«Редко народ имел при восхождении на престол его монарха такое неясное представление о его личности и свойствах характера, как русский народ в наши дни, – докладывал своему правительству германский поверенный в делах граф Рекс. – Данные, по которым можно судить о его свойствах и воззрениях, чрезвычайно скудны. По личному впечатлению и на основании суждения высокопоставленных лиц русского двора я считаю императора Николая человеком духовно одаренным, благородного образа мыслей, осмотрительным и тактичным; его манеры настолько скромны и он так мало проявляет внешней решимости, что легко прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли, но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет приводить в жизнь самым спокойным образом».

Государь император Николай II родился 6 мая 1868 г. – в день святого Иова Многострадального, как он сам иногда любил отмечать. Старший сын наследника престола, он с детства был «обручен царству», и это наложило особый отпечаток на все его воспитание. Образование он получил весьма тщательное. С детства его обучали иностранным языкам, которыми он овладел в совершенстве. После общеобразовательного курса, пройденного под общим руководством генерала Данилевича, наследник получил высшее юридическое и высшее военное образование, причем его преподавателями были выдающиеся профессора высших учебных заведений: К. П. Победоносцев, Н. Х. Бунге, М. Н. Капустин, Е. Е. Замысловский, генерал Г. А. Леер и М. И. Драгомиров. По окончании теоретической подготовки наследник ознакомился с практикой военного дела, состоя в рядах лейб-гвардии Преображенского полка и лейб-гвардии Конной артиллерии и два лета проводя в составе лейб-гвардии Гусарского полка, и начал приобщаться к государственным делам, председательствуя в комитетах, заседаая в Государственном совете и Комитете министров.

Эта тщательная и планомерная подготовка к исполнению обязанностей монарха не была доведена до конца вследствие ранней смерти императора Александра III, который не думал, что ему не суждено дожить и до 50 лет. Наследник еще не был введен в курс высших государственных дел; многое ему пришлось уже после восшествия на престол узнать из доклада своих министров.

Но характер государя и его мировоззрение, конечно, определились еще до восшествия на престол; только их почти никто не знал. Общение с молодым царем оказалось для многих неожиданным откровением.

Вера в Бога и в свой долг царского служения были основой всех взглядов императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на нем, что он отвечает за них перед престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти – которое он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам, претендовавшим, по его мнению, на слишком большое влияние в государстве. «Они напортят – а отвечать мне» – таково было в упрощенной форме рассуждение государя.

Император Николай II обладал живым умом, быстро схватывавшим существо докладываемых ему вопросов, – все, кто имел с ним деловое общение, в один голос об этом свидетельствуют. У него была исключительная память, в частности на лица. Государь имел также упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов. Он не забывал их, постоянно к ним возвращался и зачастую в конце концов добивался своего.

Иное мнение было широко распространено потому, что у государя поверх железной руки была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару, она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана: он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов с неизменным постоянством близится к своей цели.

Министры, с которыми государю довелось расстаться, зачастую говорили, что на него «нельзя положиться». Но что это значило? В проведении планов, одобренных им *по существу*, государь, по свидетельству тех же министров, например Витте, умел проявлять спокойную стойкость при самой неблагоприятной обстановке. Только в отношении своей личной карьеры министры действительно не могли «положиться» на государя: он всегда ставил дело выше лиц, а при несогласии с действиями своих министров отстранял их, независимо от их прошлых заслуг. При этом он старался «позолотить пилюлю»: отставка обычно сопровождалась внешними знаками милости и назначением высоких пенсий. Он также не любил – и это, быть может, являлось некоторым недостатком – говорить другим неприятные для них вещи *прямо в лицо*, особенно если речь шла о людях, с которыми он долго сотрудничал, которым был благодарен за многое в прошлом. Но это был вопрос формы, а не существо дела; тут не было «коварства», как утверждали его враги. Коварство предполагает умысел, расчет; а какая выгода могла для царя быть в том, что министр после милостивого приема узнает вечером о своей отставке из высочайшего рескрипта? Милостивый прием только подчеркивал отсутствие *личного* недовольства, а отставка свидетельствовала о *деловом* расхождении.

До восшествия на престол император Николай II имел только один серьезный случай показать свою волю. Русский государственный строй не допускал проявления политических разногласий в царской семье; не могло случиться при императоре Александре III, чтобы наследник публично рукоплескал речи, направленной против правительства его отца (как это делал германский кронпринц в рейхстаге в 1911 г.). Свою волю наследник-цесаревич проявил только в вопросе, лично его касавшемся. Он в ранней молодости полюбил маленькую принцессу Алису Гессенскую, младшую сестру великой княгини Елизаветы Феодоровны, супруги его дяди, и в течение десяти лет неизменно сохранял о ней память. Император Александр III, императрица Мария Феодоровна были против этого брака. Они не хотели женитьбы на немецкой принцессе; возникали предположения о браке русского наследника с принцессой Еленой Орлеанской из семьи претендента на французский престол. Но наслед-

ник с тихим упорством отклонял эти планы и хранил в душе образ принцессы Алисы. В конце концов родители уступили, и весной 1894 г. наконец состоялась помолвка.

В этой борьбе, длившейся несколько лет, наследник оказался сильнее.

Император Николай II – это признают и его враги – обладал совершенно исключительным личным обаянием. Он не любил торжеств, громких речей; этикет ему был в тягость. Ему было не по душе все показное, искусственное, всякая ширококучательная реклама (это также могло почитаться некоторым недостатком в наш век!). В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, он зато умел обворожить своих собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще более подчеркивались тщательным воспитанием. «Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II», – писал граф Витте уже в ту пору, когда он по существу являлся личным врагом государя...

* * *

Самодержавные монархи редко имеют время излагать свои воззрения в пространных писаниях, Екатерина II была в этом отношении исключением. Ни Людовик XIV, ни Мария-Терезия этим не занимались, от Петра Великого в этом отношении дошло только несколько крылатых фраз. Монархи действуют на основе своего мировоззрения; они проповедуют действием, предоставляя другим теоретическое обоснование этих действий.

Не будет, однако, далеким от истины утверждение, что основные мысли «Московского сборника» К. П. Победоносцева, изданного в самом начале нового царствования (в 1896 г.), были тождественны с исходными взглядами царя; и в этом отношении права была французская газета, следующими словами рекомендовавшая своим читателям французский перевод «Московского сборника»: «Книгу эту надо прочесть, во-первых, потому, что г. Победоноцев думает глубоко, во-вторых, потому, что он думает иначе, чем мы, и, в-третьих, потому что император Николай II и его народ думают, как он».

Теперь, через сорок лет, своеобразно злободневными кажутся многие положения этой примечательной книги.

Необходимо хотя бы вкратце на них остановиться, чтобы понять многое в царствовании императора Николая II.

Многие говорили и тогда: Россия *не созрела* для демократии, Россия *не созрела* для социализма, Россия *не созрела* для той или другой из реформ, диктуемых современным пониманием прогресса. Но те, кто стоял во главе Российской империи в 1894 г., вовсе не считали, что политические формы, воспреобладавшие на Западе, были шагом вперед, свидетельством большей зрелости. Они относились к ним критически *по существу*.

Парламентское правление – «*великая ложь нашего времени*», писал К. П. Победоноцев. «История свидетельствует, что самые существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокой идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация в массе избирателей».

В парламентских государствах царит фактическая безответственность и законодательной, и исполнительной власти. «Ошибки, злоупотребления, произвольные действия – ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли мы слышим о серьезной ответственности министра? Разве, может быть, раз в пятьдесят лет приходится слышать, что над министром суд, и всего чаще результат суда выходит ничтожный сравнительно с шумом тор-

жественного производства». (Слова эти, быть может навеянные Панамским скандалом, не менее были бы приложимы ко многим современным случаям.)

Зло парламентского правления К. П. Победоносцев видит в том, что на выборах получается не отбор лучших, а только «наиболее честолюбивых и нахальных». Особенно опасна избирательная борьба в государствах многоплеменных: «Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы – и не одною только силой, а уравниванием прав и отношений под одной властью. Но демократия не может с ними справиться, а инстинкты национализма служат для нее разъедающим элементом: каждое племя из своей местности высылает представителей – не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти – и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению». В виде примера приводится австрийский парламент.

«Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента, с тою разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли, а в парламенте нет его, ибо здесь все зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством... Такое состояние неотразимо ведет к анархии, от которой общество спасается одною лишь диктатурою, то есть восстановлением единой воли и единой власти в правлении».

Там, где парламентская машина издавна действует, ослабевает вера в нее; еще славит ее либеральная интеллигенция, но народ стонет под игом этой машины и распознает скрытую в ней ложь. *Едва ли дождемся мы – но дети наши и внуки, несомненно, дождутся свержения этого идола*, которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться.

Еще более резкой и едкой критике К. П. Победоносцев подвергает периодическую печать:

«Кто же эти представители страшной власти, именующей себя общественным мнением? Кто дал им право и полномочие – во имя целого общества – править, ниспровергать существующие учреждения, выставлять новые идеалы нравственного и положительного закона?

Любой уличный проходимец, любой болтун из непризнанных гениев, любой искатель гешефта может, имея свои или достав для наживы и спекуляции чужие деньги, основать газету, хотя бы большую. Ежедневный опыт показывает, что тот же рынок привлекает за деньги какие угодно таланты, если они есть на рынке, – и таланты пишут что угодно редактору. Опыт показывает, что самые ничтожные люди – какой-нибудь бывший ростовщик, газетный разносчик, участник банды червонных валетов – могут основать газету, привлечь талантливых сотрудников и пустить свое издание на рынок в качестве органа общественного мнения...»

И опять-таки как в парламенте, так и в печати царит та же безответственность: «Мало ли было легкомысленных и бессовестных журналистов, по милости коих подготавливались революции, закипало раздражение до ненависти между сословиями и народами, переходившее в опустошительную войну? Иной монарх за действия этого рода потерял бы престол свой; министр подвергся бы позору, уголовному преследованию и суду; но журналист выходит сух из воды, из всей заведенной им смуты, из всякого погрома и общественного бедствия, коего был причиной; выходит, с торжеством улыбаясь и бодро принимаясь снова за свою разрушительную работу».

Понятие прогресса, требование неустанных преобразований вызывает следующую отповедь:

«Есть в человечестве сила, земная сила инерции, имеющая великое значение. Ею, как судно балластом, держится человечество в судьбах своей истории – и сила эта столь необходима, что без нее поступательное движение вперед становится немыслимым. Сила

эта, которую близорукие мыслители новой школы безразлично смешивают с невежеством и глупостью, безусловно необходима для благосостояния общества. Разрушить ее – значило бы лишить общество той *устойчивости*, без которой негде найти и точку опоры для дальнейшего движения. В пренебрежении или забвении этой силы – вот в чем главный порок новейшего прогресса.

Общая и господствующая болезнь у всех так называемых государственных людей – честолюбие или желание прославиться. Жизнь течет в наше время с непомерной быстротой, государственные деятели часто меняются, и потому каждый, покуда у места, горит нетерпением прославиться поскорее, пока еще есть время и пока в руках кормило. И всякому хочется переделать все свое дело заново, поставить его на новом основании... Нравится именно высший прием творчества – *творить из ничего*, и возбужденное воображение подсказывает на все возражения известные ответы: «учреждение само поддержит себя, учреждение создаст людей, люди явятся» и т. п.» (с. 117).

«Слово *преобразование* так часто повторяется в наше время, что его уже привыкли смешивать со словом *улучшение*... Кредитом пользуется с первого слова тот, кто выставляет себя представителем новых начал, поборником преобразования и ходит с чертежами в руках для возведения новых зданий. Поприще государственной деятельности наполняется все *архитекторами*, и всякий, кто хочет быть работником, или хозяином, или жильцом, – должен выставить себя архитектором... Мудрено ли, что лучшие деятели отходят, или, что еще хуже и что слишком часто случается, – не покидая места, становятся равнодушными к делу и стерегут только вид его и форму, ради своего прибытка и благосостояния... Вот каковы бывают плоды преобразовательной горячки, когда она свыше меры длится... «Не расширяй судьбы своей! – было вещание древнего оракула. – Не стремись брать на себя больше, чем на тебя положено». Какое мудрое слово! Вся мудрость жизни – в сосредоточении силы и мысли, все зло – в ее рассеянии». Эти слова, отчасти отражающие критическое отношение К. П. Победоносцева к эпохе Александра II, должны были служить в то же время предостережением современным ему государственным людям.

«Московский сборник» касается также вопроса о народном образовании; дело не так просто, говорится в нем, не всякое механическое накопление знаний можно считать благом.

«Нет спора, что ученье свет, а неученье тема, но в применении этого правила необходимо знать меру и руководствоваться здравым смыслом... Сколько наделало вреда смешение понятия о *знании* с понятием об *умении*. Увлечшись мечтательной задачей всеобщего просвещения, мы назвали просвещением известную сумму знаний... Мы забыли или не хотели сознать, что масса детей, которых мы просвещаем, должна жить насущным хлебом, для приобретения коего требуется не сумма голых знаний, а умение делать известное дело...

Понятие о народной школе есть истинное понятие, но, к несчастью, его перемудрили повсюду новой школой. По народному понятию, школа учит читать, писать и считать; но в нераздельной связи с этим учит знать Бога и любить Его и бояться, любить Отечество, почитать родителей».

В более заостренной форме другой русский мыслитель писал о том же: «Настроить школ и посадить в них учителями озлобленных невежд значит дать камень вместо хлеба».

Все эти мысли были с молодости хорошо знакомы и близки государю. Они вошли составной частью в его мировоззрение. Государь в то же время глубоко верил, что для сто-миллионного русского народа царская власть по-прежнему остается священной. Представление о добром народе, противопоставляемом враждебной интеллигенции, жило в нем всегда. Он был также верным и преданным сыном православной церкви. Он верил в величие России и, в частности, придавал большое значение ее роли в Азии.

Но он также ощущал, что живет в сложную эпоху; он чувствовал, что нарастающего во всем мире зла не победить простым его отрицанием. Было верно, что государь был учеником

К. П. Победоносцева; но также не без основания писал на втором месяце его царствования германский дипломат граф Рекс: «По-моему, эра Победоносцева миновала, хотя он, вероятно, и останется на своем посту». («В первые годы меня изредка спрашивали... А затем меня уже и не спрашивали», – отмечает через десять лет К. П. Победоносцев.)⁸ «Московский сборник» был исходной точкой, но не «законом и пророками» для императора Николая II.

Скажут, может быть, что это только догадки? Они подтверждаются всем ходом его царствования. Более прямых доказательств этому нет, так как государь с молодости отличался большой замкнутостью, мало кому доверял даже малую долю своих планов, своих задушевных дум. Разве только императрица Александра Феодоровна действительно знала государя до конца.

Император Александр III скончался в Крыму, и переведение его праха в столицу, похоронные торжества, вплоть до водворения гроба в усыпальнице Петропавловского собора, заслонили дней на десять все остальное. Улицы Санкт-Петербурга были убраны траурными, черными с белым флагами. Огромные толпы провожали в могилу безвременно скончавшегося царя.

Только в первых числах ноября министры впервые явились со своими докладами к новому монарху. Они должны были, одновременно с разрешением очередных вопросов, посвящать его в общий ход государственной машины. И тут выяснилось, что государь был в курсе всех существенных дел, кроме наиболее секретных вопросов внешней политики. Он задавал Витте вопросы, свидетельствующие о том, что и в бытность наследником он ко всему внимательно присматривался.

Министр иностранных дел Н. К. Гирс – который, как свидетельствует в своем дневнике Ламздорф, «был в восторге от Его Величества» – один сообщил ему существенную новость: о весьма далеко зашедшем секретном соглашении с Францией. Государь тут же почувствовал, что в этом сближении таятся не только выгоды, но и угрозы в будущем: если оно уменьшает опасность в случае войны с Германией, оно в то же время увеличивает шансы такой войны, создавая новые плоскости трения. Он сознавал, что только превращение франко-русского союза в соглашение великих держав Европейского материка может действительно обеспечить мир в Европе и поддержание мирового первенства христианских европейских государств.

В первой циркулярной депеше, разосланной министерством 28 октября 1894 г., говорилось: «Россия пребудет неизменно верна своим преданиям: она приложит старания к поддержанию дружественных отношений ко всем державам и по-прежнему в уважении к праву и законному порядку будет видеть верный залог безопасности государства».

Но этими заверениями дело не ограничилось. Когда через два-три месяца был поднят вопрос об участии всех держав в торжественном открытии Кильского канала, государь заявил заведующему Министерством иностранных дел: «Весьма жаль, если Франция не примет участия. Мне кажется, что французы напрасно затрудняются ответом. Раз все державы приглашены, участие Франции необходимо наряду с ними».

«Какое нам, в сущности, до этого дело», – заносит по этому поводу в свой дневник граф Ламздорф. Но государь считал, что России весьма большое дело до предотвращения новой войны в Европе...

Первым событием царствования было бракосочетание императора с принцессой Алисой Гессенской, имевшее место 14 ноября. Ввиду траура свадебные торжества носили скромный характер. При проезде царской четы из Зимнего в Аничков дворец государь распорядился убрать с улиц шпалеры войск на пути их следования, и народ, толпившийся на улице, теснился вокруг царских саней, впервые после долгого времени видя вблизи своего госу-

⁸ В письмах к С. Ю. Витте от 24 марта 1905 г.

даря. «Это был красивый и смелый жест», – писал *Journal des Debats*, отмечавший, что новый монарх вообще свободнее показывается народу, нежели Александр III, живший под впечатлением трагической кончины своего отца.

Принцесса Алиса Гессенская, которая стала русской императрицей через три недели по восшествии государя на престол, была за всю жизнь лучшим другом и верной спутницей императора Николая II и в светлые, и в темные дни. Брак их был исключительно дружным и счастливым, и семейная жизнь государя омрачалась порою только болезнями детей. Государыня, всецело разделявшая мировоззрение своего супруга, мало касалась государственных дел до последних тяжелых годов его царствования.

Император Николай II глубоко уважал своего отца и не стал на первых порах менять его сотрудников. Он расставался с ними только постепенно, по мере возникновения деловых расхождений. В первые недели, еще в 1894 г., произошли только две существенные перемены на верхах: был уволен генерал И. В. Гурко с поста генерал-губернатора царства Польского и смещен министр путей сообщения Кривошеин.⁹ Если верить Витте, отставка генерала Гурко объяснялась тем, что он поставил перед государем «министерский вопрос»: исполните то, что я прошу, или увольте меня в отставку. Верно ли это в данном случае, проверить трудно, но несомненно, что государь не любил такого прямого давления; он считал, что министры (и высшие чины государства) не имеют права «ставить монарху ультиматумы». Увольнение министра путей сообщения произошло из-за того, что создалось впечатление, будто он пользуется своим служебным положением для личного обогащения. Хотя он при этом не делал ничего противозаконного в точном смысле слова, государь считал, что и недостаток осторожности в денежных делах недопустим для царского министра.¹⁰

Увольнение генерала Гурко, совпавшее с милостивым приемом делегации польского дворянства, тотчас же породило толки об ослаблении «русификаторских» тенденций. В Варшаве это вызвало нескрываемую радость. Никакой принципиальной и резкой перемены курса при этом, однако, не было.

* * *

В русском обществе восшествие на престол нового государя породило прежде всего смутную надежду на перемены. В русской печати стали помещаться приветственные статьи по адресу молодой императрицы, в которых мимоходом высказывалось предположение, что она внесет и в русскую жизнь те начала, среди которых была воспитана. Интеллигенция считала преимущества западных государственных форм совершенно бесспорными и очевидными и была уверена, что жить при парламентарном строе – значит ценить его и любить...

На некоторых земских и дворянских собраниях звучали речи, смолкшие в царствование императора Александра III.

Требование народного представительства, которое в эпоху императора Александра II именовалось «увенчанием здания», выдвигалось снова.

И не только раздавались отдельные речи; были приняты всеподданнейшие адреса, выдвигавшие это требование в осторожных выражениях. Более радикальные земские эле-

⁹ Не смешивать с известным министром земледелия во вторую половину царствования!

¹⁰ Генерал И. В. Гурко, хорошо знакомый с условиями увольнения министра путей сообщения, в своих замечаниях к рукописи этой книги дал следующие сведения. Возможно, в коротких словах, дело было так: заняв пост министра, он по недостатку времени заниматься имением жены передал его заведование своему шуруну А. П. Струкову; без ведома последнего старший управитель имения взял с торгов подряд на поставку шпал для строившейся и проходившей через названное имение Бологое Седлецкой железной дороги. Недовольные конкуренты, предлагавшие, однако, менее для казны выгодные условия, в несколько извращенном виде сообщили об этом в газеты либерального направления. Кривошеин узнал обо всем этом из газет.

менты пошли рука об руку с умеренными, чтобы добиться возможно большего единодушия. Земские собрания выступали как бы ходатаями от значительного большинства русского общества. Конечно, тот шаг, о котором говорилось в земских адресах, казался ничтожным большинству интеллигенции. Ведь ее не удовлетворяли и западные конституции – достаточно для этого приглядеться к изображению иностранной жизни в русских оппозиционных газетах и толстых журналах. Но лиха беда начать; рассчитывали, что после первого шага быстро последуют дальнейшие.

Император Николай II был, таким образом, поставлен в необходимость публично исповедовать свое политическое мировоззрение. Если бы он ответил общими, неопределенными приветственными словами на пожелание о привлечении выборных земских людей к обсуждению государственных дел, это было бы тотчас истолковано как *согласие*. После этого либо пришлось бы приступить к политическим преобразованиям, которых государь не желал, либо общество с известным основанием сочло бы себя обманутым.

Говорить «нет» в ответ на верноподданнические адреса всегда нелегко. Если бы та внешняя черта характера государя, которая так раздражала министров, – неопределенный ответ, за которым следует заочный отказ, – была действительно его непреодолимым свойством, он, вероятно, ответил бы и тут общими местами на адреса с конституционными пожеланиями. Но государь не захотел вводить общество в заблуждение. Как ни оценивать отказ по существу, прямое заявление о нем было со стороны монарха только актом политической честности.

В своей речи 17 января 1895 г. к земским депутациям государь сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель».

Слова «беспочвенные мечтания» (которые, как утверждают, имелись в первоначальном тексте речи) лучше выражали мысль царя, и оговорка была, конечно, досадной; но дело было не в форме, а в существе. Как из манифеста 29 апреля 1881 г. Россия узнала, что преемник умерщвленного монарха решил твердо оберегать самодержавную власть, так из этой речи молодого государя сразу стало известно, что он в этом вопросе не намерен отступать от пути своего отца.

Среди разноречивого хора иностранной печати выделяется передовая статья влиятельнейшей английской газеты Times.¹¹ «О русских учреждениях не следует судить с западной точки зрения, и было бы ничем иным, как дерзостью, осуждать их за несоответствие идеям, возникшим из совершенно иных обстоятельств и из совершенно несходной истории. Судя по всем обычным признакам национального преуспевания, самодержавная власть царя весьма подходит России; и не иностранцам, во всяком случае, подобает утверждать, что ей лучше подошло бы что-нибудь другое. Тот образ правления, о котором только что царь высказал свою решимость сохранить его, может, во всяком случае, развернуть историю таких достижений в государственном строительстве, с которыми его соперники не могут и претендовать сравняться. В России, во всяком случае, он должен быть в настоящее время признан как основоположный факт».

Русское образованное общество, в своем большинстве, приняло эту речь как вызов себе. Русская печать из-за цензуры, конечно, не могла этого явно выразить. Характерны, однако, для этой эпохи «внутренние обозрения» толстых журналов. «Северный вестник» (от 1 февраля того же года) в оглавлении отмечает на первом месте речь государя к земским

¹¹ 30 (18).I.1895.

делегациям, затем ряд мелких событий. В тексте приведена речь государя: ни слова комментария; обозрение прямо переходит к очередным мелочам. «*Цензурного* сказать нечего», – ясно говорила редакция читателям...

В то время как умеренно либеральная «Русская мысль» огорченно умалчивала об этой речи, социалистическое «Русское богатство» писало с явным злорадством: «С неопределенностью в душе, с тревогами, опасениями и надеждами встретило наше общество 1845 год. Первый же месяц нового года принес разрешение всех этих неопределенностей. Высочайшая речь 17 января... была этим историческим событием, положившим конец всякой неопределенности и всем сомнениям. Царствование императора Николая Александровича начинается в виде прямого продолжения прошлого царствования».¹²

По поводу этой речи 17 января тотчас же стали слагаться легенды. Ее решительное содержание мало соответствовало общим представлениям о государе. Поэтому начали утверждать, что эта речь ему кем-то продиктована. Начали искать, «кто за этим скрывается». Гадали на Победоносцева, на министра внутренних дел И. Н. Дурново.

Германский посол фон Вердер отмечает, со своей стороны, (15 (3) февраля). «В начале царствования им (императором) увлекались, превозносили все его действия и его речи до небес. Как теперь все изменилось! Начало перемене положила неожиданно резкая речь императора к депутатам. Она составлена была не министром Дурново, как сначала думали; тот узнал только от военного министра, что император хочет говорить. Император собственноручно написал эту речь и положил ее в свою фуражку. По всей России она резко критикуется».

Речь 17 января рассеяла надежды интеллигенции на возможность конституционных преобразований сверху. В этом отношении она послужила исходной точкой для нового роста революционной агитации, на которую снова стали находить средства.

На четвертом месяце нового царствования скончался министр иностранных дел Н. К. Тирс. Вокруг освободившегося поста началась закулисная борьба, сторонники тесного союза с Францией боялись перемен. Государь назначил министром князя Лобанова-Ростовского, русского посла в Вене, только что назначенного в Берлин. Человек уже немолодой, новый министр был представителем старой аристократической культуры, знатоком-любителем старинных книг. Наиболее горячие сторонники союза с Францией при дворе отнеслись без сочувствия к этому назначению.

Положение на Дальнем Востоке к тому времени сильно осложнилось. Япония после зимней задержки военных операций разгромила остатки китайского флота у Вей-Ха-Вея, заняла Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Южную Маньчжурию. Весною она легко могла захватить Пекин. Китай вынужден был просить мира.

Для России, для других европейских государств факт быстрого усиления Японии свидетельствовал о пробуждении азиатских народов. «Недвижный Китай» и еще более слабая Корея были, конечно, много более приятными соседями, чем возродившаяся воинственная Японская империя, усвоившая в совершенстве западную военную технику. Поэтому Россия взяла на себя инициативу попытки противопоставить японским завоеваниям единый фронт европейских держав. На участие Англии рассчитывали мало, и она действительно тотчас же отказалась от предложенного вмешательства в японо-китайские переговоры. Зато и Германия, и Франция присоединились к этому выступлению. Мир в Симоносеки был подписан 17 (5) апреля: Китай уступал Японии Формозу, Пескадорские острова и Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, отказался от своих прав в Корее и должен был уплатить контрибуцию. Занятие Ляодунского полуострова давало Японии опорную точку на материке и ключ к Печилийскому заливу, подступам с моря к китайской столице. Европейские державы решили

¹² Русское богатство. 1895. Февраль.

потребовать у Японии отказа от захвата территории на материке Азии, предоставляя ей в виде компенсации увеличенную контрибуцию.

23 апреля выступление трех держав в Токио состоялось. Посланники России, Германии и Франции предъявили свои требования министру иностранных дел Аоки. «Соппротивление трем великим державам было бы бесполезно», – подчеркнул при этом германский посланник. Князь Лобанов-Ростовский уже снесся с другими участниками выступления, чтобы в случае отказа соединенный флот трех держав прервал сообщение между Японией и ее войсками, находившимися на материке. Англия не сочувствовала этому шагу, но и не возражала против него. Япония уступила после долгих колебаний: она все же сохраняла большую часть приобретенного, и для «сохранения лица» ей было дано право объявить Симоносекский договор действительным, но затем, в виде «великодушного жеста», вернуть Китаю Ляодунский полуостров по получении первых взносов повышенной контрибуции. Покровительствуя слабому Китаю против сильной Японии, Россия, Германия и Франция в данном случае защищали общие интересы европейских держав. Объединение массивного Китая с технически сильной Японией переменило бы соотношение сил не только в Азии, но и во всем мире. Но Франция в этом участвовала только ради союза с Россией. Французскому правительству в этом вопросе приходилось выдерживать сильный внутренний натиск.

По настоянию государя Франция согласилась принять участие в международном торжестве открытия Кильского канала. К этому времени уже президент Казимир Перье ушел, горько жалуясь на связанность президентской власти; его сменил Феликс Фор; а вместо кабинета Дюпюи правил кабинет А. Рибо с министром иностранных дел Ганото.¹³ Радикалы вели ожесточенную борьбу против этого кабинета и, по обыкновению, не преминули воспользоваться патриотическими доводами.

В парламенте и в печати начались протесты против отправки в Германию французской эскадры; а когда еще Франция оказалась вместе с Германией при выступлении против Симоносекского мира и стало известно, что теоретически допускалась возможность совместных боевых действий флотов трех держав, – все блюстители идеи реванша во главе с Дерулемом забили тревогу. По соображениям внутренней политики им вторили радикалы. Идея примирения с Германией не встречала сочувствия в руководящих политических кругах. Правительство, считаясь с волей России, в известной мере к этому шло, но и то не особенно охотно.

10 июня в палате депутатов состоялась настоящая атака на кабинет. Что дает нам дружба с Россией? – говорили ораторы оппозиции. Каковы наши отношения с ней? Рибо и Ганото в ответе впервые решились произнести слово «союз». «Наш флот в Киле будет на своем месте – бок о бок с флотом наших *союзников*», – заявил Рибо. Это произвело сильное впечатление, и доверие кабинету было выражено огромным большинством.

Видный французский журнал¹⁴ писал о выступлениях оппозиции: «Они говорят – к чему нам союз, который не начинается с возвращения Эльзаса и Лотарингии?.. Каковы бы ни были добрые намерения Санкт-Петербургского правительства в отношении нас, оно с первого же слова порвало бы переговоры, которые бы заведомо имели подобную цель». Тут вскрылось внутреннее противоречие франко-русского союза: тогда как Россия имела в виду сохранение европейского мира, во Франции союзом интересовались главным образом с точки зрения возможности возвращения Эльзаса – на что едва ли можно было рассчитывать без новой большой войны.

Чтобы облегчить французское участие в Кильских торжествах, русское правительство согласилось на следующий маневр: русская и французская эскадры встретились в датских водах и вместе прибыли в Киль. Торжества прошли благополучно. Германия, со своей сто-

¹³ Так в России было принято писать эту фамилию, которая, конечно, по-французски произносилась Аното.

¹⁴ Revue des deux Mondes. 15.VI.1895.

роны, любезно приняла гостей и даже убрала подальше с их глаз свои военные суда «Вейсенбург» и «Верт», напоминавшие о французских поражениях 1870 г.

Германское правительство в то время было настолько уверено в невозможности союза самодержавной России с республиканской Францией, что германский посол в Париже, граф Мюнстер, писал по поводу выступлений Рибо в палате: «Все равно, говорят ли «согласие» или «союз»: это все еще незаконное сожительство, лишенное формальной санкции императора. Большинство французов удовлетворяются выражением «союз» и русско-французской комедией при въезде в Кильскую гавань». Это писал германский посол в Париже через три года после подписания франко-русского союза: хорошо в то время хранились дипломатические тайны!

Но когда приезд генерала М. И. Драгомирова на французские осенние маневры совпал с пребыванием в Париже князя Лобанова-Ростовского и это явилось поводом для новых манифестаций в честь франко-русской дружбы, в Германии забеспокоились. Граф Эйленбург, принимая в своем имении возвращавшегося из Парижа князя Лобанова-Ростовского, всячески сетовал на дружбу России с «республиканцами». Русский министр в ответ говорил о миролюбивом настроении Франции и высказал мнение, что России следует поддерживать нынешнее умеренное правительство, раз восстановление монархии все равно невозможно. Этот разговор происходил в начале октября, а уже в конце того же месяца кабинет Рибо был свергнут, и к власти пришло радикальное министерство Леона Буржуа.

Из других фактов внешней политики в первый год царствования государя заслуживает внимания приезд болгарской делегации. Россия не имела с Болгарией дипломатических сношений и не признавала ее правительство законным. Со времени свержения Стамбулова болгары всячески старались снова завязать сношения с Россией. Летом 1895 г. в Санкт-Петербург приехала болгарская делегация с митрополитом Климентом во главе, встретившая у государя милостивый прием. Правда, тут же было объявлено, что прием этот оказывается болгарскому народу, в чувствах которого Россия никогда не сомневалась, а не «группе людей, именующей себя болгарским правительством». Тем не менее лед был пробит: признание состоялось в следующем году.

Во внутренней жизни России крупных новых фактов не было. Продолжались начинания прошлого царствования. С января 1895 г. вступили в силу: новый железнодорожный тариф – исключительно дешевый для едущих на дальние расстояния – и русско-германский торговый договор. Начал проводиться, сперва только в четырех губерниях, закон о винной монополии. Усиленно продолжалась постройка Великого сибирского пути; вообще 1895 г. был снова рекордным в железнодорожном строительстве.¹⁵

Наметились, однако, и некоторые новые черты. Государь проявил интерес к женскому образованию; на докладе тульского губернатора о желательности более широкого привлечения девочек в народные школы он поставил пометку: «Совершенно согласен с этим. Вопрос этот чрезвычайной важности». Было утверждено положение о женском Медицинском институте (в начале царствования императора Александра III женские медицинские курсы были закрыты за царивший на них революционный дух). Кредиты на церковно-приходские школы были значительно увеличены (почти вдвое).

Весною в Санкт-Петербурге, в Соляном городке, состоялась Первая Всероссийская выставка печатного дела, в которой приняли участие все периодические издания и все книгоиздательства.

В литературе этот год ознаменовался первыми выступлениями московских «декадентов» с Валерием Брюсовым во главе, жестоко осмеянных всей печатью. В толстых журналах разгоралась полемика между народниками и марксистами относительно значения капи-

¹⁵ За год открыто 1886 верст железнодорожного пути – цифра, до того не достигавшаяся.

тализма для России. 21 февраля умер Н. С. Лесков, и радикальный «Мир Божий» по этому поводу написал: «Мы считаем за лучшее не высказывать своего мнения, следуя правилу: о мертвых или хорошо, или ничего». Но даже и «Русская мысль», в которой Н. С. Лесков сотрудничал, только решилась написать, что «для всесторонней и беспристрастной оценки не наступило еще благоприятного времени». Такова была в те дни сила интеллигентского остракизма!

В экономической области, где государь оставил распоряжаться С. Ю. Витте, были сделаны первые шаги для проведения валютной реформы. Были разрешены сделки на золото по курсу дня, иными словами, было официально признано расхождение между кредитным и золотым рублем (монету в 10 рублей разрешалось продавать за 15). Опубликован был закон о производстве Первой Всенародной переписи (на 1 января 1897 г.).

Истолковывая русскую внутреннюю политику для иностранного общественного мнения, А. А. Башмаков писал во влиятельном французском журнале:¹⁶

«Строй этот содержит идеал... Этот идеал, несмотря на многие противоречия и бесчисленные недочеты, – это представление о сильном неограниченном Царе, справедливом как Бог, доступном каждому, не принадлежащем ни к какой партии, обуздывающем аппетиты сильных, высшем источнике власти, который судит, карает и исцеляет социальную несправедливость.

Люди наиболее преданные благу страны сейчас проникнуты величайшим скептицизмом в отношении этих спасительных лекарств, этих всемирных панацей, которыми во всех странах полагают исцелить все недуги и покончить со всеми затруднениями. В сущности, весьма мало интересуются вопросом о парламентаризме и в особенности не доверяют красивым словам».

Эти слова, конечно, характеризуют умонастроение власти, а не большинства общества. Но и в некоторых слоях интеллигенции стало замечаться известное смягчение вражды. «Русская мысль» сочла нужным следующими словами отметить годовщину восшествия государя на престол: «Император Николай II отметил первый год своего царствования особенною заботой о нуждах просвещения. В этот же год Высочайшее повеление вновь создало у нас и высшее женское образование. Каждый монарх, в особенности у нас, вносит в управление нечто новое, соответствующее духу самого государя, и русское общество исполняется надеждой, что царствование императора Николая II будет животворить нашу школу и нашу общественную самостоятельность».

В Британской энциклопедии¹⁷ сэр Д. Маккензи-Уоллес, автор известной книги о России, так характеризует первые шаги царствования императора: «Бесшумно совершилась большая перемена в способах проведения законов и министерских циркуляров. Походя на своего отца во многих чертах характера, молодой царь имел более мягкие, гуманные склонности и был в меньшей степени доктринером. Сочувствуя стремлениям своего отца – созданию из святой Руси однородной империи, – он не одобрял основывавшихся на этом репрессивных мер против евреев, сектантов и раскольников, и он дал понять без формального приказания, что применявшиеся дотоле суровые меры не встретят его одобрения».

Если император Николай II желал сохранить в своих руках всю полноту самодержавной власти, если он глубоко уважал и ценил своего отца, это еще не значило, что его правление должно было явиться только «прямым продолжением прошлого царствования».

¹⁶ Revue politique et parlementaire. 1895.

¹⁷ В издании 1911 г. Оценка прошлого в Британской энциклопедии, увы, иногда меняется от перемен в политической обстановке. В новом издании этих строк уже нет.

Глава 3

1896 г. – Признание болгарского правительства. – Коронация. – Ходынская катастрофа. – Нижегородская выставка. – Торгово-промышленный съезд. Освящение Владимирского собора в Киеве. – Поездка государя за границу. – Его пребывание во Франции. – Инцидент с «Гражданином». – Проект занятия Босфора. – Забастовка на текстильных мануфактурах в Петербурге. – Студенческие беспорядки в Москве

1896 г. ознаменовался тремя заметными событиями: коронацией, Всероссийской выставкой в Нижнем Новгороде и поездкой государя за границу.

Произошедшая в самом конце 1895 г. замена И. Н. Дурново на посту министра внутренних дел И. Л. Горемыкиным лишь в слабой степени могла считаться изменением политического курса. И. Л. Горемыкин, сочетавший государственную службу с деятельностью земского гласного Новгородской губернии, в ту пору считался умеренным либералом, но у него не было своей ярко выраженной программы, и он всегда оставался глубоко лояльным, но несколько пассивным исполнителем воли монарха.

Первые месяцы 1896 г. были заполнены подготовкой коронационных торжеств в Москве и «смотра русского хозяйства» – Нижегородской выставки. В остальных отношениях продолжалась очередная работа. Винная монополия, введенная с 1895 г. в четырех губерниях, была распространена еще на двенадцать. Был создан государственный фонд, из которого на оказание помощи нуждающимся литераторам отпускалось по 50 000 рублей в год. В печати и в Императорском вольно-экономическом обществе начиналось обсуждение денежной реформы.

Примирение между Россией и Болгарией, наметившееся уже во время приезда в Санкт-Петербург болгарской делегации во главе с митрополитом Климентом, состоялось наконец по случаю перехода в правление малолетнего наследника болгарского престола, князя Бориса (3 (15) февраля 1896 г.). Крестным отцом королевича был сам государь. Русский представитель, граф Голенищев-Кутузов, официально присутствовал на крестинах и был встречен восторженными приветствиями болгарского населения, а князь Фердинанд воскликнул перед народной толпой: «Да здравствует император Николай II, покровитель болгар!» Окончательное признание состоялось немного позднее – князь Фердинанд приезжал для этого в Санкт-Петербург в начале апреля.

За эти месяцы японское влияние в Корее понесло тяжкий ущерб – корейский король бежал под защиту русской миссии в Сеуле. Итальянцы потерпели полный разгром под Адудей в Абиссинии. Во Франции сенат сверг радикальный кабинет Леона Буржуа, и снова образовалось умеренное правительство во главе с Мелином, причем, к большому удовольствию русских дипломатических кругов, министром иностранных дел стал опять Ганото. «Оглядка на Россию» сыграла не последнюю роль в таком разрешении французского министерского кризиса.

* * *

Венчание на царство – важное событие в жизни монарха, в особенности когда он проникнут такою глубокою верою в свое призвание, как император Николай II. Коронация – праздник восшествия на престол, когда по окончании траура по усопшем монархе новый царь впервые является народу среди пышного блеска церковных и государственных торжеств.

Задолго до назначенного дня в Москву, древнюю столицу, стали собираться гости со всех концов. К приезду государя – дню его рождения, 6 мая, – вся Москва украси-

лась флагами и цветными фонариками. 9 мая состоялся торжественный въезд в столицу из Петровского подмосковного дворца. Каждый день приносил новые зрелища: то прибывали чрезвычайные иностранные посольства; то происходили военные парады. 13 мая императорская чета переехала в Кремль. Русские коронационные торжества 1896 г. были, между прочим, первым большим государственным празднеством, которое осталось запечатленным на кинематографической ленте.¹⁸ Газеты перечисляли высокопоставленных гостей: прибыла королева эллинов Ольга Константиновна; принц Генрих Прусский, брат Вильгельма II; герцог Коннаутский, сын английской королевы; итальянский наследный принц Виктор-Эммануил; князь Фердинанд Болгарский; князь Николай Черногорский; наследный принц Греческий Константин; наследный принц Румынский Фердинанд; германские великие герцоги и принцы. По словам «Нового времени», на коронации присутствовали: одна королева, три великих герцога, два владетельных князя, двенадцать наследных принцев, шестнадцать принцев и принцесс... Не последнее место занимала на торжестве и чрезвычайная китайская делегация во главе с Ли Хунчаном.

14 мая, в день коронации, в карауле был Преображенский полк. К 9 часам утра в Успенском соборе собрались почетные гости. От крыльца Большого дворца к паперти собора были посланы ковры. На паперти государя встретило духовенство, и московский митрополит Сергей обратился к нему со словами: «Благочестивый государь! Настоящее твоё шествие, соединенное с необыкновенным великолепием, имеет цель необычной важности. Ты вступаешь в это древнее святилище, чтобы возложить здесь на себя царский венец и воспринять священное миропомазание. Твой прародительский венец принадлежит тебе единому, как царю единодержавному, но миропомазания сподобляются все православные христиане, и оно неповторяемо. Если же предлежит тебе воспринять новых впечатлений этого таинства, то сему причина та, что как нет выше, так нет и труднее на земле царской власти, нет бременя тяжелее царского служения. Чрез помазание видимое да подастся тебе невидимая сила, свыше действующая, к возвышению твоих царских доблестей озаряющая твою самодержавную деятельность ко благу и счастью твоих верных подданных».

В соборе государь и государыня заняли места на троне под балдахином напротив алтаря; отдельный трон был воздвигнут для вдовствующей императрицы Марии Феодоровны. Митрополит Санкт-Петербургский Палладий, взойдя на верхнюю площадку трона, предложил государю прочесть Символ веры.

Император Николай II громким, отчетливым голосом повторил слова Символа веры. Облачившись в порфиру и венец, взяв в руки державу и скипетр, он затем прочел коронационную молитву, начинающуюся словами: «Боже Отцов и Господи милости, Ты избрал мя еси царя и Судию людям Твоим...»

После этого молитву от лица всего народа огласил митрополит Палладий: «Умудри убо и поставь проходить великое к Тебе служение, даруй Ему разум и премудрость, во еже судити людям Твоим во правду, и Твое достояние в тишине и без печали сохранить, покажи Его врагом Победительна, злодеем Страшна, добрым Милостива и Благонадежна, согрей Его сердце к призрению нищих, к приятию странных, к заступлению нападствуемых. Подчиненное Ему правительство управляя на путь истины и правды, и от лицепрятия и мздоприимства отражая, и вся от Тебе державы Его врученныя люди в нелицемерной содержи верности, сотвори Его отца о чадах веселящегося, и удивиши милости Твоя от нас... Не отврати лица Твоего от нас и не посрами нас от чаяния нашего...»

Хор грянул «Тебе Бога хвалим».

¹⁸ В апреле в 1897 г. в Соляном городке в Санкт-Петербурге впервые показывали «живую фотографию» (кинематограф Люмьера): московские коронационные торжества (19 картин).

После литургии, которую государь выслушал стоя, сняв с себя венец, он воспринял миропомазание. В этот миг колокольный звон и салют из 101 выстрела возвестили городу, что таинство совершилось. Митрополит Палладий ввел государя в алтарь через Царские врата, и там он приобщился Святых Тайн «по царскому чину» под обоими видами.

С этой минуты, исключительной и высокотожественной для государя, он почувствовал себя подлинным помазанником Божьим; чин коронования, такой чудный и непонятный для большинства русской интеллигенции, был для него полон глубокого смысла. С детства обрученный России, он в этот день как бы повенчался с ней.

Последующие празднества – на тринадцатый день коронационных торжеств, 18 мая, – омрачены были катастрофой на Ходынском поле. На этом обширном пространстве, служившем для парадов и учения войск, собралась толпа свыше полумиллиона человек, с вечера ждавшая назначенной на утро раздачи подарков – кружек с гербами и гостинцев. Ночь прошла спокойно; толпа все прибывала и прибывала. Но около 6 часов утра – по словам очевидца – «толпа вскочила вдруг как один человек и бросилась вперед с такой стремительностью, как если бы за нею гнался огонь... Задние ряды напирали на передние, кто падал – того топтали, потеряв способность ощущать, что ходят по живым еще телам, как по камням или бревнам. Катастрофа продолжалась всего 10–15 минут. Когда толпа опомнилась, было уже поздно».

Погибших на месте и умерших в ближайшие дни оказалось 1282 человека; раненых – несколько сот.

В день несчастья был назначен прием у французского посла, и государь (по представлению министра иностранных дел князя Лобанова-Ростовского) не отменил своего посещения, чтобы не вызывать политических кривотолков. Но на следующее утро государь и государыня были на панихиде по погибшим и позже еще несколько раз посещали раненых в больницах. Было выдано по 1000 рублей на семью погибших или пострадавших, для детей их был создан особый приют; похороны приняты были на государственный счет. Не было сделано какой-либо попытки скрыть или приуменьшить случившееся – сообщение о катастрофе появилось в газетах уже на следующий день 19 мая, к великому удивлению китайского посла Ли Хунчана, сказавшего Витте, что такие печальные вести не то что публиковать, но и государю докладывать не следовало!.. Печать оживленно обсуждала причины катастрофы; общественное мнение стало искать ее виновников. Левые органы печати кивали на «общие условия», писали между прочим, что если бы у народа было больше разумных развлечений, он не рвался бы так жадно к «гостинцам»... Было назначено следствие, установившее отсутствие какой-либо злой воли; указом 15 июля за непредусмотрительность и несогласованность действий, имевших столь трагические последствия, был уволен заведовавший в тот день порядком и. о. московского обер-полицмейстера, и понесли различные взыскания некоторые подчиненные ему чины.

Печаль о погибших не могла, однако, остановить течение государственной жизни, и уже 21 мая на том же Ходынском плацу дефилировали стройные ряды войск. Коронационные торжества закончились 26 мая. Они сопровождались, по традиции, изданием манифеста со всевозможными льготами – понижением налогов и выкупных платежей, а также прощением недоимок на общую сумму до 100 миллионов рублей, смягчением наказаний, различными пожертвованиями (в том числе 300 000 рублей на студенческое общежитие) и рядом милостивых высочайших рескриптов, обращенных к старейшим заслуженным духовным и государственным деятелям – всем трем митрополитам, фельдмаршалу И. В. Гурко, генералу Ванновскому и др.

Французский кабинет Мелина – Ганото, стремившийся всячески подчеркнуть свою связь с Россией, отпустил на день коронации русского царя учеников всех школ; президент Феликс Фор и члены правительства явились на торжественное богослужение в русской

церкви на улице Дарю. Париж был украшен русскими и французскими флагами. Солдатам дали добавочную порцию вина, сложили с них многие взыскания... Германский посол недовольно писал о «культе России», «насаждаемом сверху» французским правительством.

В манифесте 26 мая государь выразил удовлетворение по поводу приема в Первопрестольной. «Народные чувства, – говорилось в нем, – с особенной силой выразились в день народного праздника и послужили Нам трогательным утешением в опечалившем Нас посреди светлых дней несчастья, постигшем многих из участников празднества».

На второй день по окончании коронационных торжеств, 28 мая, в Нижнем Новгороде открылась Всероссийская выставка. Намеченная еще при императоре Александре III, подготовленная главным образом Министерством финансов, эта выставка должна была показать достижения русского хозяйства за последние четырнадцать лет.

* * *

Выставка занимала обширное пространство – около 60 десятин – на левом берегу Оки, близ территории ежегодной ярмарки. К ее началу были готовы еще не все павильоны. На открытие съехалось большинство министров и кое-кто из коронационных гостей (в том числе Ли Хунчан). С. Ю. Витте произнес речь, объясняя выбор Нижнего – «средоточия нашей внутренней торговли, расположенного недалеко от Первопрестольной столицы, на главнейшей реке Русского государства и на историческом пути в азиатские страны».

* * *

«Наша задача, – говорил министр финансов, – наглядно представить России и всему миру итоги того духовного и хозяйственного роста, которого достигло ныне наше отечество со времени Московской выставки 1882 г. Последние годы отмечены чрезвычайным ростом нашего отечества. Перед лицом этой правды, наглядно показанной здесь, на песчинке обширной русской земли, не может не охватывать патриотическая радость».

Витте в заключение подчеркнул «глубокую государственную мудрость» системы промышленного протекционизма.

Плата за вход на выставку была установлена в 30 копеек, а для фабричных рабочих и для учащихся вход был бесплатный; им, кроме того, предоставлялся даровой проезд по железным дорогам до Нижнего и обратно.

Несмотря на тщательную подготовку целого ряда отделов, в частности Русского Севера или художественного отдела, которым заведовал художник А. Н. Бенуа, выставка сначала привлекала мало публики – за первые пять недель число посетителей в среднем составляло 5000 человек в день; при обширности выставки она казалась почти пустой, и критики из толстых журналов злорадно писали: «Посетителей сотни, а рассчитывали на тысячи и миллионы...»

С другой стороны, выставка производила внушительное впечатление. «Обойдя витрины отделов, – говорил председатель Нижегородского ярмарочного комитета С. Т. Морозов, – вы невольно убеждаетесь, что Россия быстрыми шагами идет вперед, что целые отрасли промышленности у нас могут с успехом заменить иностранцев. Вы чувствуете совершенно невольно прилив сил, энергии, приобретаете сознание, что время даром не ушло, не потеряно...»

Но газеты, и не только левые, в один голос отмечали отсутствие увеселительной стороны. Такой поклонник развития промышленности, как всемирно известный ученый Д. И. Менделеев, писал в «Новом времени» 5 июля 1896 г., сравнивая Нижегородскую выставку с происходившей одновременно в Лондоне индийской выставкой, которую он называл «бала-

ганом»: «В Нижнем все взято с серьезной, даже, может быть, чересчур серьезной стороны, без расчета на средние вкусы и нравы, чем объясняется малое число посетителей. Смотреть нашу выставку значит узнавать, учиться, мыслить, а не просто «гулять»... Д. И. Менделеев в то же время подчеркивал, что выставка показала (с 1882 г.) рост железных дорог с 22 500 до 40 000 верст, добычи каменного угля с 230 до 500 миллионов пудов, нефти с 50 до 350 миллионов, выплавки чугуна с 28 до 75 миллионов и т. д.

С. Ю. Витте в своей речи 16 июля при открытии ярмарки (происходившей параллельно с выставкой) заявил с некоторым высокомерием: «Мне предлагали оживить выставку публичной, падкой до развлечений, ресторанов и кафешантанов. Но десять человек, которые чему-нибудь научились, важнее двадцати тысяч прогуливающихся. О важности многих дел судят напрасно по числу голосов за и против, тогда как настоящее дело делает не масса, а отдельные лица». Однако на увеселительную сторону было впоследствии обращено внимание: в Нижнем открылись театры, появился балет, начали устраиваться народные увеселения.

Государь и государыня приезжали в Нижний Новгород 17–20 июля. В самый момент их приезда на выставку пошел сильнейший град, выбивший стекла во многих отделах, люди суеверные увидели в этом плохое предзнаменование. Государь остался доволен выставкой, дававшей яркое и наглядное представление о производительных силах его страны.

В июле посещаемость поднялась уже до 8000 в день, а в августе, в самый разгар сезона, достигла 15 000.

С 4 по 17 августа заседал в Нижнем так называемый торгово-промышленный съезд, вокруг которого возгорелась борьба между купеческими и промышленными кругами, с одной стороны, «интеллигенцией» и сельскохозяйственными кругами – с другой.

Нижегородская газета «Волгарь» выступила (6 июля) с необычной по русским условиям статьей: «Купечество наиболее всех других сословий сохранило в себе самобытный русский дух, – стояло в ней, – и национальные чувства нигде не проявляются с такой силой, уверенностью и широтой, как в этом сословии». Оно единственно сильное в наше время и своей зажиточностью. «Оно все может», – заявлял нижегородский орган, напоминая дворянам, что «многие сословия, в силу изменившихся социальных условий, не могут, как во время былой старины, проявлять свою силу...».

Эта статья вызвала резкую отповедь столичной печати, как левой, так и правой. На «торгово-промышленном» съезде, включившем в свой состав также профессоров технических учебных заведений, представителей ученых и технических обществ и просто «лиц, известных своими трудами на пользу промышленности и торговли», неожиданно сложилось большинство, отрицательно относившееся не только к стремлению промышленников добиться усиления государственной поддержки, но и ко всей протекционистской политике С. Ю. Витте.

Сначала в секции, потом в общем собрании съезда по вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные орудия была вынесена резолюция, требующая *понижения* таможенного тарифа. Д. И. Менделеев отстаивал хотя бы сохранение этих пошлин при широком развитии кредита на покупку сельскохозяйственных орудий и машин; но съезд, большинством 140 против 63 голосов, принял резолюцию профессора Ходского о желательности снижения.

Председатель съезда, сенатор Д. Ф. Кобеко, в заключительной речи (17 августа) мотивировал это решение интересами сельского хозяйства: «Уже в Новороссии, на Волыни, в Прибалтийском крае надвигается волна иностранной колонизации, – говорил он. – Хорошо, чтобы землю вспахивал русский плуг, но еще важнее, чтобы на ней работал русский человек...» Отвечая на довод «пусть идут в город», Д. Ф. Кобеко продолжал: «Земледелец, помещик или крестьянин, это безразлично – не может расстаться с легким сердцем с землей, потому что в этой земле сложены кости его предков, что эта земля была его колыбелью, что с владением ею связаны лучшие минуты его жизни... Духовная связь с землей составляет

великую силу русского населения, которая заслуживает глубокого уважения и требует мер охраны и поддержки...»

Торгово-промышленные круги, крайне недовольные оборотом дела, хотели использовать ярмарочный комитет в противовес решениям съезда, но С. Ю. Витте их успокоил. С. Т. Морозов на банкете при закрытии ярмарки обратился к министру финансов с речью. Съезд, говорил он, не имеет особого кредита. Мы, промышленники, привыкли долго думать, прежде чем рискнем кому-нибудь оказать кредит.

С. Ю. Витте подтвердил, что его позиция неизменна: «Какое же это было бы правительство, если бы за указанием путей оно обратилось к съезду?... Десять человек могут сказать умное, а тысячи – неразумное. Первое будет принято, второе нет... Пока с нас, извините за выражение, дерут шкуру, о сложении пошлин нельзя думать... Можно было бы подумать, что это говорили люди, присланные из-за границы!» Министр финансов решительно заявил, что понижение пошлин возможно только при одновременной перемене таможенной политики во всех странах – «если бы все народы сказали – зачем мы душим друг друга?».

Выставка продолжалась еще до 1 октября, но ее посещаемость в сентябре снова упала до 5000–6000. Всего ее посетило 991 000 человек: из них 282 000 по бесплатным билетам – рабочих и учащихся. Эта последняя цифра весьма значительна: Нижегородская выставка, несомненно, сыграла свою роль в *самопознании России*.

* * *

Вскоре после посещения Нижегородской выставки государь предпринял свою первую поездку за границу со времени восшествия на престол. Эта поездка существенно отличалась от всех предшествующих. Основным вопросом было посещение республиканской Франции.

Со времени Всемирной выставки 1867 г., бывшей еще при Наполеоне III, Париж не принимал в своих стенах коронованных гостей. Провозглашение республики, совпавшее с поражением во Франко-прусской войне, внешним образом изолировало Францию в тогда еще монархической Европе. Именно поэтому французское правительство придавало особое значение приезду государя. Отказаться посетить страну, с которой Россия уже четыре года была связана союзом, хотя еще и тайным, и навестить в то же время тех, кого Франция считала своими врагами, значило бы резко повернуть руль, порвать с внешней политикой императора Александра III.

Государь, с первых дней своего царствования стремившийся превратить франко-русский союз из орудия «реванша» в орудие европейского замирения, решил обставить свою поездку рядом условий, смягчавших ее политический характер. В частности, он потребовал полного воздержания от каких-либо антигерманских выпадов и предварительного просмотра им всех речей, с которыми к нему будут обращаться. Французское правительство дало все нужные заверения.

Первый визит (15–17 августа) старейшему из правителей соседних держав, австрийскому императору Францу-Иосифу, был краток и лишен политического значения. При возвращении из Вены в Киев в дороге скоропостижно скончался сопровождавший государя министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский. Преемник ему был назначен только через с лишком четыре месяца; в дальнейшем пути государя сопровождал товарищ министра, Н. П. Шишкин.

В Киеве государь присутствовал при освящении Владимирского собора, наиболее замечательного памятника русского церковного искусства в конце XIX в., – в росписи собора участвовали такие художники, как В. Васнецов и Нестеров, – и при открытии памятника императору Николаю I. «Собор Св. Владимира – целая эпоха в истории русской религиозной живописи, – писал о нем художественный журнал «Мир и искусство». – Русские художники,

получившие высшее художественное образование, обыкновенно игнорировали нашу старинную иконопись... С появлением Васнецова и Нестерова все переменялось. Эти художники поняли народный дух религии, прониклись ею и благодаря этому создали такие произведения, которые близки народу... Оба этих художника ответили на запросы религиозного чувства, и заслуга их никогда не будет забыта. Васнецов выдвигает пышный, строгий, византийский характер православия, Нестеров его блаженную, наивную сторону».

Из «матери городов русских» государь проследовал в Бреславль и в Герлиц, где происходили маневры германской армии. Первая встреча с Вильгельмом II после вступления государя на престол прошла в дружественных тонах; но приходилось «лабиринтировать между Сциллой и Харибдой»: надо было, с одной стороны, успокоить германские опасения по поводу поездки в Париж, с другой – не сделать жеста, задевающего чувства французов. Государь вышел из положения со свойственным ему тактом, предоставив говорить императору Вильгельму и ограничиваясь в своих тостах ссылкой на традиционные чувства дружбы – одушевлявшие и его отца.

Вильгельм II пытался внушить государю идею таможенного союза Европы против Америки; канцлер князь Гогенлоэ «позондировал» его чувства насчет Англии, предсказывая, что она может лишиться Индии. «Император при этом засмеялся, – пишет князь Гогенлоэ, – и спросил, почему же Англия станет терять Индию? Кто ее возьмет у нее? Мы не так глупы, чтобы пускаться в подобное предприятие». В то же время государь указал на значение Сибирской дороги для его дальневосточной политики и заметил, что, когда дорога будет готова, придется, очевидно, потягаться с японцами. Он уже тогда придавал большое значение усиленному вооружению Японии.

Десятидневное пребывание в Дании и две недели, проведенные в шотландском замке Балморал у королевы Виктории, бабки императрицы, имели характер семейных визитов. Между тем Франция лихорадочно готовилась к встрече.

Раймон Пуанкаре, молодой блестящий политик (так его назвал Temps), произнося речь в Коммерси, сказал: «Предстоящий приезд могущественного монарха, миролюбивого союзника Франции, будет видимым увенчанием усилий нашей мудрости и нашей настойчивости; он покажет Европе, что Франция вышла из своей долгой изолированности и что она достойна дружбы и уважения».

«Этот первый визит, такой парадоксальный в своей новизне, такой естественный по своим побуждениям, визит самого мощного, самого абсолютного монарха на земле – самой молодой из республик», – как писал в передовой статье Temps, – занимал в течение двух месяцев французское общество. К празднествам готовились задолго. Для приезда в Париж на дни торжества давалась скидка в 75 процентов проездной платы; начало школьных занятий было отсрочено на неделю. На всем пути следования от вокзала в Пасси (куда должен был прибыть царский поезд) до русского посольства на улице Гренель внаймы сдавались окна, причем цена доходила до 5000 франков за одно окно.

23 сентября (5 октября) государь, государыня и великая княжна Ольга Николаевна (ей было десять месяцев) прибыли в Шербур, где их встретил президент Феликс Фор, – и началась «русская неделя», закончившаяся 27 сентября шалонским парадом.

Париж был переполнен. К 2 миллиону его населения прибавилось 930 000 приезжих. На улицах было сплошное народное гулянье. Все стало русским или псевдорусским: мыло Le Tsar, конфеты с русским гербом или флагом, посуда с царскими портретами, игрушки, изображавшие русского медведя, а также государя, государыню и даже великую княжну Ольгу; царя изображали масленичные «прыгающие чертики», известная игрушка «мужик и медведь» превратилась в царя и Феликса Фор; модой воспользовалась реклама, и «пилюли Пинк» рекомендовались, чтобы сохранить здоровье для дней приезда царя; а на оборотах его портретов, раздававшихся даром на улице, печатались объявления сапожников и перчаточ-

ников. «Подарок царя» – можно было прочесть на магазинах готового платья, рекламировавших дешевую распродажу костюмов... Появился и «франко-русский» голландский сыр... Во всем этом было немало безвкусицы, но увлечение было несомненно искренним.

Это же увлечение сказывалось в потоке приветственных писем и открыток в русское посольство, во всевозможных проектах различных газет. Такой серьезный орган, как «Журнал де Деба», выступил с предложением дать имя Ольга девочкам, родившимся в октябре 1896 г., в честь дочери царя. Другие предлагали выкупить дома против русской церкви, снести их и создать перед нею площадь с цветником. Было и предложение поднести имение русскому послу, барону Моренгейму, много потрудившемуся для приезда царя... всего не перечить... Во всяком случае, бесспорно одно: парижское население было охвачено подлинным восторгом. Любовь к зрелищам соединялась с живущими в массах монархическими наклонностями, с чувством возросшей безопасности, с надеждами на реванш, и только немногие французы не поддались в эти дни искреннему увлечению государем и Россией. В то же время условие государя было выполнено: ни в речах, ни в манифестациях не сквозило антигерманских ноток, если не считать молчаливого возложения венков у статуи Страсбурга Лигой патриотов, и только карикатуры иностранных газет всячески подчеркивали эту сторону франко-русских отношений, на все лады склоняя слово «реванш».

В Париже государь проследовал от вокзала в посольство через шпалеры войск, за которыми теснилась миллионная толпа, под немолчные клики «Да здравствует царь! Да здравствует царица!», небывалые со стороны иностранной толпы. («Напоминает Москву... Наш гимн распевали французские солдаты на улицах... его даже играл орган в Нотр-Дам», – с неудовольствием отмечает радикальный обозреватель русского толстого журнала).

Из посольства, ставшего на эти дни императорским дворцом, государь первым делом проехал в русский храм на улице Дарю, а уже оттуда – в Елисейский дворец, к президенту.

Французская печать особенно подчеркивала визиты государя к председателям обеих палат – Лубе и Бриссону, обезоружившие даже последнего – старого радикала и ревностного хранителя республиканских традиций. После приема дипломатического корпуса у президента Фора был банкет, на котором государь, упомянув о «ценных узах», в особенности подчеркивал значение Парижа как «источника вкуса, таланта, света». Как можно меньше политики! – звучало в этой речи...

И действительно, парижские дни государя были заняты не политическими переговорами, а осмотром французской столицы. Первый вечер в Большой опере. На следующее утро, вместе с президентом, императорская чета посетила собор Нотр-Дам, где ее встретил кардинал Ришар, старинную Sainte Chapelle, где государю показывали древнее славянское Евангелие Анны Ярославны, Пантеон, могилу Наполеона в церкви Инвалидов.

За завтраком в посольстве собрались представители Бурбонов (герцог Омальский, герцог Шартрский), Бонапартов (принцесса Матильда, двоюродная сестра Наполеона III) и цвет французской аристократии.

Днем, под звуки «Боже, царя храни», состоялась в присутствии государя закладка моста императора Александра III (о чем и теперь можно прочесть на мраморной доске на правом берегу Сены). Артист Муне произнес при этом стихи известного поэта Ж.-М. Эредиа... «Пусть будущее навсегда укрепит за тобою – славное прозвание твоего предка Петра», – говорилось в них.

Мимо монетного двора, где государю вручили медаль в честь его пребывания в столице Франции, императорская чета проследовала во Французскую академию и присутствовала на заседании. Приветствуя гостей, председательствующий, академик Легуве, напомнил о приезде в Париж Петра Великого 5 мая 1717 г. (другие приезды русских монархов не были связаны с «приятными воспоминаниями»: приезд Александра I – со взятием Парижа русскими войсками, приезд Александра II – с покушением поляка Березовского). «Позвольте, – сказал

Легуве, – заранее отпраздновать сегодня двухсотлетие сердечной дружбы между Францией и Россией». Прочитаны были также стихи Франсуа Коппе, обращенные к «славному сыну великодушного царя Александра Справедливого».

Все перемещения государя были известны заранее, и всюду его окружали огромные толпы. «Это не улицы, это гостиные!» – заметил он своим спутникам. Из Французской академии высокие гости направились в Парижскую городскую думу. Площадь перед нею была сплошь покрыта народом: город Париж чествовал русского императора. Второй день закончился спектаклем-попурри в «Комеди Франсез»; особенные восторги вызвали стихи Жюль Кларети: «И ныне с Севера нисходит к нам надежда...»

На третий день государь и государыня утром осматривали музеи Лувра. По выраженному ими желанию их провели в галерею итальянских примитивов, причем императрице особенно понравилось «Увенчание Богоматери» Фра Анджелико. «Я здесь в первый раз, но не в последний раз», – сказал государь, уходя. Этому пожеланию не суждено было сбыться...

Мимо Севрской мануфактуры, через парк Сен-Клу, где били все фонтаны, императорская чета на полдня проехала затем в Версаль. «Когда государь вошел в галерею Зеркал, – описывал Temps, – перед ним открылась поразительная картина: все фонтаны, от верхней террасы до Большого канала, искрились на солнце, а все площадки, дорожки, все пространство между деревьями было покрыто пестрой толпой народа...»

День закончился представлением в Салоне Геркулеса. Сара Бернар декламировала стихи Сюлли-Прюдома – беседу версальской нимфы с тенью Людовика XIV, который в заключение говорил о государе: «Мне нечему его учить – чтобы поступать правильно, он только должен следовать примеру своего отца». Такие постоянные ссылки на пример императора Александра III в устах французских республиканцев были для государя особенно «пикантными» при сравнении с отношением русских, даже умеренно либеральных, отнюдь не республиканских кругов, к политике предшествовавшего царствования. Они ярко свидетельствовали об относительности, о своекорыстии политических оценок...

Последний день пребывания государя во Франции был единственным «политическим» днем. Государь знал, что нельзя было побывать в гостях у союзников, ничем не отметив близости; но свои слова он поберег на последний день, чтобы избежать манифестаций, развитие которых не всегда поддается предвидению. Покинув Париж, он отправился на большой парад французской армии под Шалоном. На завтраке, в военной обстановке Шалонского лагеря, государь сказал: «Франция может гордиться своей армией... Наши страны связаны несокрушимой дружбой. Существует также между нашими армиями *глубокое чувство братства по оружию*».

Это было все – но это было много. Слова эти мгновенно разнеслись по войскам, у многих офицеров – отмечали газеты – были слезы на глазах. «Мы переживаем исторический момент», – говорили они. В тот же день императорская чета со свитой отбыла в Германию, где провела три недели в Дармштадте, у родных государыни.

Во Франции удовлетворение было всеобщим. Приезд государя «пробил лед», Франция «восстановила свой ранг среди держав», как писали «Нейесте нахрихтен». Она стряхнула с себя подавленность поражения, тяготевшую на ней двадцать пять лет, почувствовала себя полноправной великой державой. Приезд царя был знаменательным этапом в жизни Французской республики. Это отразилось в известной мере и на ее внутренней политике. Престиж умеренного правительства Мелина – Ганото возрос и укрепился; оно продержалось сравнительно долго – 26 месяцев – и пало только среди бурь дела Дрейфуса, в 1898 г. Французы были даже склонны в известной степени учиться у русского царя. Газеты обратили внимание, что государь постоянно спрашивал: «Как долго вы были министром?» – «Как давно вы председателем?» – «Три года, это долго!» – заметил он Констану. «Не содержится

ли в этом невольное предостережение по нашему адресу? – спрашивал Temps. – Не были ли бы мы сильнее, если бы у нас было больше устойчивости и последовательности?»

В России крайние левые круги были возмущены тем приемом, который «свободная страна» оказала «деспоту»; это проявлялось косвенно в кратких, полуиронических описаниях торжеств («5 октября началось сердцебиение Франции... Истратили 8 миллионов франков, выпили 10 миллионов литров вина...» – кратко писал «Северный вестник»). Либеральные и умеренные круги были довольны, тогда как справа делались тоже некоторые оговорки. Французская печать шумно возликовала по поводу инцидента с «Гражданином». 7 (19) октября министр внутренних дел приостановил на месяц издание еженедельника князя В. П. Мещерского за нарушение циркуляра «о соблюдении приличий относительно правительств, состоящих в дружественных с Россией сношениях». Temps писал, что князь Мещерский – противник франко-русского союза, что, по мнению князя, этот союз сулит России войну и разорение ради возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, а также усиливает либеральные и конституционные тенденции в русской жизни; его запрещение поэтому весьма знаменательно.

Инцидент, однако, не имел столь сенсационного характера: «Гражданин» был закрыт не за принципиальную критику франко-русского союза, а за помещение «сатирических замечаний насчет президента Фора», как разъяснил князь Мещерский, бывший в Париже одновременно с государем. Циркуляр Министерства внутренних дел предлагал вообще «воздерживаться от неприязненных суждений по адресу тех глав правительств, гостем которых будет государь». Через три недели издание «Гражданина» возобновилось, причем в виде особой льготы с него были сложены предшествующие взыскания.

В общем, однако, несомненно, что, несмотря на все попытки смягчить и затушевать факты, главным последствием поездки государя было «всенародное оповещение о франко-русском союзе», тогда как раньше (по словам русского левого обозревателя) «иные не смели надеяться, другие боялись верить».

«Хотя слово союз не сказано, хотя его обходили, – тем не менее он все же существует, и мы должны с этим считаться», – доносил на следующий день после смотра в Шалоне германский посол граф Мюнстер, и ему вторил германский военный атташе Шварцкоппен: «Непосредственной опасности нет... Но пока Франция и Россия держатся вместе так, как при царском посещении, мы никоим образом не можем рассчитывать на благожелательное к нам отношение одного из этих государств».

Когда государь после двухмесячного пребывания за границей возвратился в Россию, ему вскоре пришлось принять ответственное решение по важному, притом уже старому вопросу. Многим в 1896 г. начинало казаться, что агония «больного человека» – Османской империи – приходит к концу. На Крите шло усиленное брожение, готовилось отделение острова от Турции, и в других частях империи происходили снова резни армянского населения – даже в Константинополе, на глазах у правительства и послов! Основным новым фактом положения было, однако, то, что Англия, так долго и упорно защищавшая Турцию, готова была в ней отчаяться и в дипломатических разговорах ставила открыто вопрос о ее разделе.

Россия издавна считала Константинополь и проливы одной из своих целей; со времени войны 1877–1878 гг. и особенно после разрыва с Болгарией она как бы «ушла с Балкан», но никогда не отказывалась по существу от своих планов. Теперь связь с Болгарией была восстановлена; распад Турции допускался даже Англией. России представлялась возможность определить момент этого раздела.

Русский посол в Константинополе, Нелидов, считал данный момент для этого подходящим. Он приехал в Петербург, и 23 ноября состоялось у государя совещание по турецкому вопросу. Начальник штаба, генерал Обручев, горячо поддерживал Нелидова, заведующий Министерством иностранных дел Шишкин не возражал; намечалось, что, как только в Кон-

стантинополе возникнут новые инциденты, – а их можно было ждать в любой день, – русский флот войдет в Босфор, и русские войска займут северную часть пролива. В дальнейшем ожидалось, что султан отдастся под суверенитет России или будет низложен и начнутся переговоры с другими державами о «компенсациях». Против этого проекта возражал только Витте. Государь выслушал всех, но оставил окончательное решение за собой.

Были предприняты некоторые предварительные шаги, показавшие на возможность перемены политики в турецком вопросе: Россия отказалась принять участие в международной комиссии по оттоманскому долгу. Ганото, встревоженный, беседовал об этом с русским послом в Париже. «Взвесили ли вы все трудности?» – говорил он, доказывая, что занятие Босфора и Константинополя русскими привело бы к захвату Дарданелл англичанами и итальянцами.

В итоге государь *не отдал* приказа о занятии Босфора. Хотя обстановка и была сравнительно благоприятна, оставалось явное несочувствие Франции, в то время не видевшей для себя подходящих компенсаций, традиционно заинтересованной Ближним Востоком и бывшей крупным кредитором турецкого правительства; оставалась возможность протеста со стороны Тройственного союза. Государь не пожелал нанести удар, который рикошетом мог привести к большому европейскому столкновению. Он, кроме того, не желал «разбрасываться», он видел в будущем почти неизбежное столкновение в Азии, и если Константинополь еще не падал, как зрелый плод, если эта операция требовала усилий – он предпочитал от нее воздержаться.

* * *

Внутри России между тем начинали организовываться силы, враждебные государственной власти. Еще в конце 1895 г. возник социалистический Союз борьбы за освобождение рабочего класса, обращавший главное внимание на пропаганду среди рабочих. Это были непримиримые противники существующего строя, стремившиеся использовать всякое частичное недовольство в своих целях, – сторонники не реформ, а революции. В их числе были В. Ульянов (Ленин), недавно вернувшийся из-за границы, куда он ездил для установления связи с эмигрантами, Цедербаум (Мартов), Нахамкес (Стеклов), Крупская, Елизаров (муж сестры Ульянова) и другие, впоследствии хорошо известные лица.

В 1896 г. Ульянов-Ленин, арестованный в конце декабря предшествующего года за составление прокламаций (в том числе издевательской листовки по поводу рождения великой княжны Ольги Николаевны), сидел в предварительном заключении. «Брудер чувствовал себя отлично», – писал про него Елизаров. Свой «невольный досуг» Ленин использовал для составления книги «Развитие капитализма в России». Но другие его сотрудники продолжали действовать. Именно в этом году они перешли от «кружковщины» – «просветительных» кружков среди рабочих для внушения им своих идей – к действиям в более широком масштабе.

Поводом для этого выступления послужили забастовки на петербургских текстильных фабриках. Со стороны заводской администрации были допущены бестактности, возымевшие серьезные последствия. Все фабрики были закрыты – что было естественно – на три дня коронационных торжеств (14–16 мая); но платить фабриканты хотели только за один день. В течение недели шли переговоры; работы продолжались. 23 мая рабочие на Российской бумагопрядильной мануфактуре явились в контору и потребовали уплаты за коронационные дни; но хотя это требование было выполнено, они предъявили и другие условия, в том числе сокращение рабочего времени, и, не получив ответа, забастовали. Движение тотчас же перекинулось на другие мануфактуры, и в течение какой-нибудь недели стали все текстильные предприятия в Санкт-Петербурге под общим лозунгом сокращения рабочего дня на 2 1/2

часа. (В 90-х гг. рабочее время было везде – не только в России – значительно дольше, чем теперь. В Санкт-Петербурге оно достигало 13 часов – с 6 до 8 часов с часовым перерывом; рабочие требовали 10 1/2 часа – с 7 до 7 часов с полуторачасовым перерывом.)

Число бастующих, по официальным сведениям, достигло около 15 000 человек (сами они утверждали, что их вдвое больше). Почти с самого начала деятельное участие в забастовке принял Союз борьбы за освобождение рабочего класса, издавший за месяц 25 различных листовок, которые распространялись и на других заводах – даже в Москве. В своих воззваниях Союз сулил денежную помощь от иностранных рабочих. Тактика революционных кругов была довольно проста: пользуясь недовольством рабочих по конкретным поводам, толкать их на предъявление возможно более высоких требований, так как и неудачная забастовка, увеличивая нужду рабочих, способствовала росту недовольства в их среде.

Санкт-петербургские забастовки встревожили правительство своим быстрым развитием и своей организованностью, показывавшей планомерное руководство. Градоначальник Клейгельс не только издал воззвание к рабочим, но ездил на фабрики и вел беседы с бастующими. Министр финансов Витте, в ведении которого была промышленность, приехал в Санкт-Петербург из Нижнего, с выставки; он упрекал полицейские власти в непринятии своевременных мер. Но забастовка сама уже шла на убыль и продержалась дольше только на тех мануфактурах, где условия труда были лучше и где рабочие обладали более крупными сбережениями. «Помощь от германских рабочих» так и не пришла. Все движение длилось немного меньше месяца, но правительство сочло необходимым опубликовать о нем подробное сообщение.

Петербургские забастовки показали несомненную опасность. Они проистекали из двух причин: действительно тяжелых условий фабричного труда и революционной воли организованной социалистической группы. Власть приступила прежде всего к борьбе с этой группой; летом и осенью произведено было много арестов – свыше тысячи; «У нас большие эпидемии», – сообщали петербургские члены Союза своим заграничным товарищам. Но этим дело не ограничилось. Была создана особая комиссия по изучению более глубоких причин успеха забастовочного движения, а министр финансов, собрав представителей текстильной промышленности, обратился к ним 6 июля с гневной речью. «Вы вряд ли можете себе представить, – говорил С. Ю. Витте, – правительство более благосклонное к промышленности, чем настоящее... Но вы ошибаетесь, господа, если воображаете, что это делается для вас, для того, чтобы облегчить вам наибольшую прибыль; правительство главным образом имеет в виду рабочих; этого вы, господа, кажется, не поняли, иначе последняя стачка бы не случилась. Доказательство этому, что стачка пощадила те заводы, которых владельцы сумели установить отношения между рабочими и хозяевами приличнее и гуманнее...» И попытки возражать Витте резко оборвал: «То, что вы собираетесь сказать, не ново; я собрал вас не чтобы выслушать и научиться, а чтобы сказать вам свое мнение».

Враг Витте, правый публицист Цион, издававший в Париже брошюру за брошюрой против министра финансов, по этому поводу не преминул написать: «Во Французской республике осудили Жореса и редакторов газет за призывы к стачке. А в самодержавной России министр своими речами может безнаказанно поощрять рабочих к новой стачке!» Между тем трудно было обвинять Витте в пренебрежении интересами промышленности; он, однако, считал, что власть должна быть не стороной, а арбитром в этом споре, хотя и держался мнения, что во время забастовок, да еще с политической «подоплекой», никакие уступки недопустимы с государственной точки зрения.

Умеренно либеральный «Вестник Европы» писал: «Агитаторы выступили на сцену лишь тогда, когда стачки были уже совершившимся фактом... Ключ к забастовкам следует искать в положении рабочих» – и высказывался за сокращение рабочего времени, указывая, что оно на петербургских бумагопрядильнях «достигает 13 часов, то есть превышает обыч-

ный для большинства русских фабрик 12-часовой рабочий день, продолжительность которого почти всеми признается чрезмерной».

«Северный вестник» приводил таблицу прибылей бумажных фабрикантов – будто бы от 16 до 45 процентов в год, – не указывая, однако, источника, из которого почерпнуты эти сведения.

* * *

Революционные круги воспользовались также и Ходынской катастрофой как поводом для своей агитации. Казалось бы, полицейская неисправность не связана по существу с самодержавным строем; но тем не менее, когда осенью возобновились занятия в университете, со стороны левых кругов была пущена в ход идея демонстрации на Ваганьковском кладбище в полугодовой день катастрофы, 18 ноября.

В правительственном сообщении 5 декабря было указано, что в студенческой среде в Москве существует некий «союзный совет», объединяющий 45 «землячеств»; этот «совет» между прочим выражал еще во время тулонских празднеств французским студентам «свое негодование по поводу раболепства свободной нации перед представителями самодержавного режима». Этот «совет» был арестован в начале 1895 г., но возобновил свою деятельность в новом составе, пытаясь осенью этого года начать волнения – по какому угодно поводу. 21 октября союзный совет принял постановление, гласящее, что «главной целью союза землячеств должна быть подготовка борцов для политической деятельности», что «организованный активный протест в эпоху усиливающейся реакции будет иметь громадное и широкое воспитательное значение» и что необходима борьба «...против современного университетского режима как частичного проявления государственной политики. Борясь против насилия и произвола университетского начальства, студенчество будет закаляться и воспитываться для политической борьбы с общегосударственным режимом».

Выпущено было воззвание, призывающее к устройству панихиды по погибшим на Ходынке, чтобы выразить «протест против существующего порядка, допускающего возможность подобных печальных фактов». Человек пятсот студентов двинулось 18 ноября на Ваганьково кладбище; их туда не пропустили, и они прошли по улицам города. За отказ разойтись участников демонстрации переписали и 36, замеченных в подстрекательстве, арестовали. В университете после этого три дня происходили сходки; каждый раз их участники арестовывались. В общем было задержано 711 человек. Из них было выделено 49 «зачинщиков», а остальные были исключены на год из университета (201 – с правом поступления с будущего учебного года в другой университет, и 461 – в тот же). Под стражей студенты оставались 3–4 дня.

Движение не ограничилось Московским университетом. «Во многих университетах и высших учебных заведениях, – говорилось в правительственном сообщении, – собирались в течение этих дней более или менее шумные сходки, но под влиянием увещаний учебного начальства сходки эти расходились, не вызывая необходимости обращения к мерам полиции».

Отношение печати к этим волнениям, не вызванным никакими реальными причинами (нельзя считать «непреодолимой потребностью» устройство демонстрации на Ваганьковском кладбище), было весьма характерно. «Московские ведомости» указали, что осведомленность правительства об агитации в студенчестве была «на высоте», но никаких энергичных мер оно принять не сумело. «Новое время» устами А. С. Суворина замечало: «Во всех этих волнениях, давно приготавливавшихся, есть вещи, ясно говорящие о невнимании взрослых к явлениям жизни или непонимании ими некоторых вещей... Правительство отнеслось гуманно – как к учащейся молодежи, а не как к бунтующим заговорщикам».

«Санкт-Петербургские ведомости», орган князя Э. Э. Ухтомского, писали: «Одни репрессивные «хирургические» меры не могут устранить это печальное явление» – и высказывали предположение, что главная причина волнений – в скуке, так как «в этом громадном губернском городе жизнь общественная, литературная и даже научная отличается вялостью и бесцветностью». Более левые органы по большей части молчали.

В пассивном сочувствии значительного большинства русского образованного общества была главная сила студенческих волнений. Студенты могли выступать нелепо, по ничтожным поводам – это не имело в глазах общества никакого значения. По-своему интеллигенция была последовательна: студенческие беспорядки 1896 г. – и в этом их огромное различие с забастовками того же года – были чисто политическим выступлением, направленным против всего существующего строя, они не вызывались никакими особыми нуждами и тяготами. Это было одно из периодических проявлений общего политического недовольства русской интеллигенции.

Глава 4

Внутренние преобразования: винная монополия. – Перепись 1897 г. – Денежная реформа. – Спор о значении урожаев и хлебных цен. – Закон 2 июня 1897 г. о рабочем дне. – Поездка государя в Варшаву. – Австро-русское соглашение 1897 г. – Визиты германского императора и французского президента. – Морское строительство. – Государь об англо-германских переговорах. – Нота 12 (24) августа 1898 г. о сокращении вооружений. – Отношение держав. – Нота 30 декабря и программа конференции. – Гаагская конференция 1899 г.; ее итоги и историческое значение

Император Николай II не задавался предвзятой целью переменить сверху донизу строение Русского государства. Он не стремился – применяя выражение «Московского сборника» – быть «архитектором» во что бы то ни стало и считал, что менять стоит на *бесспорно лучшее*. Но этот разумный консерватизм никогда не удерживал его от тех преобразований, которые представлялись ему целесообразными или необходимыми по общему ходу государственной жизни.

Он продолжал реформы, начатые при его отце, а также приступил к завершению некоторых учреждений, созданных еще при императоре Александре II. Винная монополия с каждым годом распространялась на большее число губерний; Судебные уставы 1864 г. были введены в Сибири и в Архангельской губернии в 1896 г., а за ближайшие годы и в остальных частях империи.

Винная монополия, как, впрочем, все мероприятия русской власти, подвергалась жестокой критике со стороны весьма широких кругов русского общества. Говорили, что правительство «спайивает народ». Между тем монополия не имела непосредственного отношения ни к развитию, ни к уменьшению пьянства. И старая «откупная» система, и взимание акциза со спиртных напитков – система, существовавшая в России до введения монополии, – создавали особый класс людей, заинтересованных в увеличении сбыта крепких напитков. Государственная монополия продажи водки не пыталась ограничить ее потребления, но и не занималась искусственным увеличением спроса путем рекламы, торговли в кредит и т. д. В то же время – и в этом была главная цель реформы – монополия давала государству более значительный доход, чем прежние системы обложения, – не за счет увеличения пьянства, а путем присвоения себе той доли, которая раньше составляла барыш «посредников». Этот косвенный налог – существующий во всех странах в том или ином виде – шел полностью в государственную казну. Конечно, это было некоторым стеснением сферы частной предприимчивости – но это стеснение было оправдано не только интересами казны, но также и устранением наиболее безобразных форм «распивочной» продажи водки и основанной на них эксплуатации потребителей. В то же время государству при этой системе было гораздо легче, буде оно этого пожелало бы, провести ограничение или даже запрещение спиртных напитков, чем при системе частной торговли.

* * *

28 января 1897 г. была произведена Первая Всероссийская перепись населения. Раньше – еще в период крепостного права – бывали только весьма несовершенные «ревизии» (последняя в 1858 г.). Оказалось, впрочем, что приближенный статистический учет населения правительственными органами лишь немного отставал от действительности: «официально» считали около 120 миллионов населения, оказалось 126,4 миллиона (не считая 2 с половиной миллионов жителей Великого княжества Финляндского). Перепись дала огромный материал о вероисповедном и племенном составе населения, о его занятиях, о

распространении грамотности и т. д. Разработка этих материалов растянулась затем на долгие годы.

* * *

За введением казенной монополии министр финансов С. Ю. Витте приступил к проведению в жизнь задолго подготовлявшегося плана *денежной реформы*. Россия уже давно не имела устойчивой валюты. Размен бумажных денег на золото и серебро был приостановлен еще со времен Крымской кампании; курс кредитного рубля (на золото) снова сильно упал во время войны 1877–1878 гг.; он подвергался за 80-е гг. значительным колебаниям, спускаясь до 50 копеек и в редкие моменты поднимаясь до 80 копеек за рубль. Россия отвыкла от металлического обращения; счет велся обычно на кредитные рубли, к которым «приспособилась» и разменная монета (медь и неполноценное серебро). Не только золота, но и полноценного серебра почти не было в обращении. Только таможенные пошлины исчислялись в золотых рублях.

В конце XIX в., при широком развитии международного обмена товарами и капиталами, неустойчивая валюта, не имевшая точного соотношения с валютами других стран, представляла значительные неудобства. За иностранные товары и капиталы приходилось дороже платить, так как прибавлялась к нормальной цене еще премия на риск. В то же время колебания курса создавали осложнения и для русского вывоза: от цены кредитного рубля на иностранных биржах могли зависеть прибыльность или убыточность сделок по продаже русского хлеба и других товаров. На этом некоторые, более умелые, выигрывали; но в общем неустойчивость валюты служила тормозом для развития торговли и промышленности.

Еще при предшественнике С. Ю. Витте, А. Н. Вышнеградском, началось накопление золотого запаса, предназначенного для стабилизации рубля. Витте усиленно продолжал это накопление, используя для этого золото заграничных займов.

Чтобы прекратить игру на курсе рубля, Министерство финансов прибегло в начале 1895 г. к следующему приему: оно закупило на Берлинской бирже предлагавшиеся там на срок кредитные рубли (по курсу в 219 марок за 100 рублей), запретило вывоз кредитных рублей из России, указав местным банкам, что вывоз кредиток в данный момент будет сочтен участием в спекуляции против рубля. Берлинские биржевики, запродавшие большое количество рублей, оказались не в состоянии их добыть «в натуре», и, чтобы избежать несостоятельности, они вынуждены были обратиться к тому же Министерству финансов за разрешением приобрести по крайне невыгодной для них цене (234 марок за 100 рублей) нужное им количество рублей. Считают, что спекуляция потеряла на этом свыше 20 миллионов рублей, составивших прибыль русской казны и увеличивших свободную наличность казначейства. Попытки уронить курс рубля были радикально пресечены этой операцией; после этого Министерство финансов удержало уже без особых усилий курс рубля на двух третях его золотого паритета.

Но когда 15 марта 1896 г. в «Новом времени» появилось сообщение о предстоящей денежной реформе, с самых разных сторон начались протесты. Против стабилизации рубля на уровне двух третей возражали с самых противоположных точек зрения. Одни заявляли, что это злостное банкротство, что рубль можно менять на золото только 100 за 100 – хотя за последние сорок лет вся экономическая жизнь приспособилась к новому, более низкому курсу. Другие указывали на желательность введения одновременно золотой и серебряной валюты (биметаллизм); третьи утверждали, что реформа все равно обречена на провал и только грозит величайшими потрясениями; а некоторые вообще отрицали ее полезность.

Проект Министерства финансов обсуждался в пяти заседаниях Вольно-экономического общества (в марте и апреле 1896 г.); о нем было написано немало статей в газетах и

журналах, причем критика явно преобладала над одобрением. Нашлись поклонники кредитного рубля, как С. Ф. Шарапов, доказывавший, что русское хозяйство с ним освоилось, что он служит дополнительной охраной русского производства, удорожая иностранные товары, и что он содействует русскому экспорту хлеба, внося в него элемент азарта. «В мой торговый расчет, – говорили С. Ф. Шарапову хлебные торговцы Калашниковской биржи, – входит элемент такой: авось, мол, выиграю! И благодаря этому я торгую. Это очень дурно может быть, но это факт».

Другие, признавая золотую валюту за благо, утверждали, что она в России не может удержаться. Страна слишком бедна, все золото из нее уйдет за границу, говорили одни. Русское население припрячет все золото в кубышки, оно исчезнет из оборота, и Государственный банк должен будет вскоре прекратить размен, заявляли другие.

Те же доводы, которые в Вольно-экономическом обществе выдвигались со стороны русской интеллигенции, были повторены против реформы и в Государственном совете. Члены Государственного совета Б. Мансуров и Д. фон Дервиз в обстоятельных записках доказывали недопустимость девальвации по соображениям государственного престижа.

На это С. Ю. Витте и другие представители его ведомства отвечали обстоятельно по всем пунктам. (В Вольно-экономическом обществе реформу защищали господа Гурьев и Касперов.) Против «морального» довода о недопустимости девальвации было легко указать, что рубль упал уже давно – сорок лет тому назад; что его повышение до золотого паритета вызвало бы величайшие затруднения во всех отраслях хозяйства: бремя всех долгов увеличилось бы в полтора раза, цены бы непомерно возросли и т. д. Кроме того – формально законной валютой был *серебряный* рубль, а цена на серебро за последние годы катастрофически упала: серебряный рубль был бы не в полтора раза, а вдвое дешевле старого золотого рубля.

Что касается опасений утечки золота за границу, то они неосновательны, так как расчетный баланс России в общем благоприятен; а думать, что русские граждане могут припрятать в «кубышки» сотни миллионов золотых рублей, – значит безмерно переоценивать зажиточность того самого населения, о бедственном положении которого так много говорилось, чтобы доказать неосуществимость той же реформы.

В основных чертах реформа сводилась к следующему: новый золотой рубль, признававшийся основной денежной единицей, приравнивался к полутора старым золотым рублям. Иными словами, он считался равным кредитному рублю, курс которого уже свыше года удерживался как раз на уровне 7 рублей 50 копеек за полуимпериал.¹⁹

В Государственном банке имелся запас золота около 1200 миллионов рублей (по новой оценке), а кредитных билетов в обращении было немногим более 1100 миллионов. Таким образом, восстановление свободного размена не представляло никаких затруднений. (Размер девальвации рубля – в полтора раза – был, кстати сказать, довольно скромный при известной реформе графа Канкрин в 1842 г., справедливо считающейся образцовой: давали 3 рубля 50 копеек ассигнациями за металлический рубль, а в наши дни при стабилизации франка, проведенной Пуанкаре в 1928 г., новый франк составлял всего *одну пятую* прежнего.)

Если в чем можно было упрекнуть Министерство финансов, то скорее в избытке осторожности, в чрезмерных затратах на накопление огромного золотого запаса, а также на закупку серебра для *чеканки* рублей и полтинников. Но полноценная серебряная монета считалась психологически необходимой для внедрения в население привычки к металлическим деньгам.

В апреле 1896 г. вопрос о денежной реформе обсуждался в общем собрании Госсовета; Витте в заключение своей защитительной речи сказал, что лично был бы рад, если бы проект провалился: тогда пришлось бы выпустить еще 300–400 миллионов кредитных рублей:

¹⁹ Полуимпериал – старая 3-рублевая монета.

«Отрезвляться придется лет через десять, когда наступит полное падение рубля; но нарекания будут обращаться тогда не к нынешним финансовым деятелям, на долю коих достанутся лишь похвалы за оживление народной торговли и промышленности». Госсовет отложил вопрос до осени.

Борьба против денежной реформы, однако, не прекращалась и принимала самые неожиданные формы; так, французский премьер Мелин во время пребывания государя в Париже пробовал внушить ему мысль о вредности золотой валюты для России. Французский посол граф Монтебелло вручил государю две обстоятельные записки по этому вопросу.

Стоит отметить, что московский либеральный орган «Русские ведомости» высказался определенно в пользу реформы, за что подвергся резким нападкам чуть не всей остальной печати, обвинявшей «Р. В.» в невежестве, «неуважении к финансовой науке» и т. д.

Старый враг Витте, его непримиримый критик справа И. Цион выпустил в Париже брошюры «Куда временщик Витте ведет Россию» и «Витте и его проект злостного банкротства», называя министра финансов «достойным учеником Карла Маркса». Агитация против реформы во второй половине 1896 г. еще усилилась, а Государственный совет затягивал ее рассмотрение.

Но государь не изменил своего положительного отношения к реформе. Французские записки он передал Витте, сказав: «Вот я вам отдаю записки, которые мне были поданы; я их не читал – можете оставить их у себя!» И 2 января 1897 г. было созвано особое заседание финансового комитета под председательством самого государя. На нем было постановлено приступить к осуществлению реформы; и указом 3 января было предписано начать чеканку новой золотой монеты, причем на империалах прежних веса и пробы означалось бы «15 рублей» вместо 10 рублей.

Характерно, что этот указ, означавший «переход через Рубикон» – признание девальвации по курсу двух третей, – был напечатан в газетах мелким шрифтом и не привлек к себе особого внимания публики. Денежная реформа вошла в жизнь незаметно; она не вызвала, вопреки мрачным предсказаниям ее критиков, никаких экономических потрясений. Курс был устойчивым уже года два; спекуляция на рубль прекратилась; золото по курсу 1 рубль 50 копеек за 1 рубль продавалось свободно, и обмен кредитных билетов на золото по тому же курсу не явился поэтому заметным новшеством. Золото за границу не ушло; сколько-нибудь значительной доли его в кубышки не припрятали, и Россия упрочила свое международное финансовое положение, безболезненно перейдя к золотой валюте, принятой к тому времени в большинстве великих держав (Япония последовала примеру России в марте 1897 г.). Момент для реформы был выбран крайне удачно, после четырех урожайных годов (1893–1896). Весьма возможно, что в случае новой отсрочки реформа бы вообще не осуществилась, так как 1897 и 1898 гг. были неурожайными, а затем начали разрастаться внутренние и внешние осложнения.

Виднейшие иностранные экономисты – немцы Адольф Вагнер и Лексис, англичанин Гошен – единодушно признавали своевременность и успешность русской валютной реформы. С. Ю. Витте в своих мемуарах со своей стороны пишет: «В сущности, я имел за себя только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, – это доверие императора, а потому я вновь повторяю, что Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно императору Николаю II».

Действительно, при той косности, которую в этом вопросе проявило русское общественное мнение, при заинтересованных иностранных влияниях, враждебных стабилизации, трудно себе представить, чтобы денежная реформа могла быть проведена иначе, как по предписанию императора, который заставил смолкнуть споры, определенно высказав свою волю на заседании финансового комитета 2 января 1897 г.

К концу 1897 г. было решено чеканить новые золотые монеты в 10 и 5 рублей. Они были на треть меньше старых империалов и полуимпериалов, и столичные острословы сначала их называли «матильдоры» (по супруге С. Ю. Витте) и «виттекинтеры». Но золотая монета быстро приобрела «права гражданства», к ней стали привыкать, и в течение пятнадцати лет – впервые во времена введения бумажных денег (кроме короткой эпохи между девальвацией 1842 г. и Крымской войной) – Россия обладала нормальным золотым обращением.

Толки о денежной реформе значительно усилили общий интерес к экономическим вопросам, и судьбы русского хозяйства обсуждались весьма оживленно и свободно на столбцах повременной печати и в различных обществах. Цензура, довольно строгая в вопросах «чистой политики», мало вмешивалась в обсуждение экономических проблем, и «марксистские» точки зрения, так же как и народнические, высказывались довольно свободно. Ленин (из ссылки) присылал свои статьи по земельному вопросу в «легальные» журналы.

Одна книга, вышедшая в начале 1897 г., вызвала ожесточенную полемику. По инициативе того же министра финансов несколько специалистов по экономическим вопросам, с профессорами А. И. Чупровым и А. С. Посниковым во главе, выпустили обстоятельное исследование под названием «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». В этой книге они приходили к неожиданным выводам: вопреки мнению сельскохозяйственных кругов, считавших падение цен на русский хлеб (особенно резкое в 1894 г.) катастрофой для деревни, авторы исследования утверждали, что низкие цены на хлеб весьма полезны для огромного большинства населения России.

Они указывали, что большинство крестьян либо удовлетворяется своим хлебом, либо даже вынуждено прикупать. Высокие цены поэтому не приносят крестьянам барыша, а то и прямо убыточны. То же можно сказать и про город: естественно, что городской и фабричной части населения выгодно покупать хлеб как можно дешевле. Только 9 процентов крестьян, по исчислению авторов «Влияния урожаев и хлебных цен...», имеют избытки для продажи; только для них, а также для крупных землевладельцев выгодны высокие цены; но интересы огромного большинства страны требуют низких цен.

Эти выводы были сочувственно встречены министром финансов и положены им в основу всеподданнейших докладов о государственной росписи на 1895 и 1896 гг. Но в печати эта книга вызвала многочисленные протесты. Оспаривались как выводы, так и данные, по которым она была составлена. В марте 1897 г. в Вольно-экономическом обществе состоялись по этому поводу прения, показавшие, насколько различные воззрения на русское хозяйство царят среди интеллигенции.

Так называемые «марксисты» – П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский – выступили с резкой критикой книги. Они указали, что положительные черты, сопутствующие низким ценам, объясняются их совпадением с урожайными годами. Хорошие урожаи, конечно, выгодны деревне, но не благодаря низким ценам, а несмотря на них. Низкие цены на хлеб препятствуют развитию сельского хозяйства, а от них зависят в России и другие отрасли – ремесла и даже промышленность.

* * *

Авторы книги на это возражали с той же точки зрения, с которой обычно защищали общину: «Та форма экономических отношений, при которых человек потребляет то, что производит сам, владея землей и орудиями производства, предпочтительнее той, когда самостоятельный хозяин превращается в батрака и фабричного рабочего, – говорит профессор А. И. Чупров. – Натуральное хозяйство оказало России великие услуги; оно служит причиной того, почему землевладельческий кризис, охвативший всю Европу, нами переносится сравнительно легче. У нас есть огромное количество хозяйств, стоящих вне влияния низких

хлебных цен. И кто знает, не должны ли мы в современных тяжких условиях в некоторой степени благословлять судьбу за сохранение у нас натурального хозяйства».

Противники возразили ему весьма резко. «Я считаю, что гимн, пропетый г. Чупровым нашему натуральному хозяйству, почти не заслуживает опровержения, – говорил П. Б. Струве. – Эти оптимистические фразы опровергаются всем нашим экономическим убожеством, так резко обнаружившимся в голодный год, всей нашей культурной и политической отсталостью. Связь этих сторон нашей жизни с натуральным хозяйством представляется мне неопровержимой».

В этой полемике оказались заодно, в причудливом сочетании землевладельческие круги и так называемые «марксисты» против «народников», очутившихся в одном лагере с Министерством финансов С. Ю. Витте. Не обошлось в пылу спора между этими группами русской интеллигенции без характерных взаимных обвинений: вы защищаете интересы помещиков, вы требуете высоких цен на хлеб, когда «прогрессивные партии на западе» стоят за низкие цены, говорили «народники». Вы опираетесь на авторитет министра финансов и подбираете нужные ему цифры, – не оставались в долгу «марксисты». Единого мнения по основным вопросам русского хозяйства в среде интеллигенции не было, но эта полемика, освещавшая спорные пункты с самых разнообразных сторон, иногда давала правительству полезный материал для законодательной работы.²⁰

Не менее сложным по существу, хотя и менее спорным в интеллигентской среде был вопрос о положении рабочих. России нужна была промышленность, прежде всего для того, чтобы отстоять свою экономическую самостоятельность, с которой неразрывно связана в современных условиях внешняя мощь страны. Но сохранение натурального хозяйства в деревне, действительно освобождавшее от влияния мирового сельскохозяйственного кризиса (и зато усугублявшее разрушительное значение неурожая), тормозило развитие внутреннего рынка и замедляло приток рабочих в города. Государство принимало различные меры, чтобы помочь развитию промышленности, – оно строило железные дороги, оно ввело покровительственные пошлины; но русских капиталов было мало, и промышленность только в последнее время – в конце 1880-х и в 1890-х гг. – стала развиваться более быстрым темпом.

Интеллигентская среда относилась к промышленности с большим подозрением (которое проявилось, между прочим, и на съезде в Нижнем Новгороде). «Народники» доказывали, что развитие капитализма в стране только ухудшает положение народа: наряду с казной появляется новый «эксплуататор», выжимающий соки из народа. Марксисты считали развитие промышленности явлением «прогрессивным», но стремились его использовать главным образом для создания из рабочих «революционного авангарда», и только умеренная часть их, как П. Б. Струве, считала, что русскому капитализму надо еще дать вырасти и окрепнуть, раньше чем вступать с ним в решительную борьбу.

Русские рабочие, несомненно, зарабатывали много меньше, чем пролетарии Западной Европы, и жили в более бедной обстановке. С другой стороны, они по большей части сохраняли связь с деревней, и потому безработица им была менее страшна; меньшему заработку соответствовала также меньшая производительность (и меньшая интенсивность) труда.

²⁰ Насколько зыбки и неопределенны были у русской интеллигенции представления о положении деревни, можно видеть из следующего примера: в книге «Влияние урожая и хлебных цен...» имелось исследование Ф. А. Щербины о крестьянских бюджетах. Оно основывалось, между прочим, на весьма скудных и устарелых данных: обследовании 283 крестьянских хозяйств (из них 168 в Воронежской губ.), произведенном около 1880 г. Щербина приходил к выводу, что доход крестьянской семьи от 52 рублей 47 копеек до 58 рублей 51 копейки на душу. Для семьи в 8 человек (таково было большинство обследованных хозяйств) это составляло от 420 до 500 рублей в год. Цифра, конечно, не очень высокая – но во время прений в Вольно-экономическом обществе многие ораторы говорили, что крестьянское хозяйство имеет доход около 55 рублей в год, и никого эта цифра не поразила, хотя один только хлеб, потребляемый за год крестьянской семьей в 8 человек, определялся в тех же прениях в сумме около 150 пудов!

Средняя прибыль русского промышленника (в процентах к обороту) была выше, чем в Западной Европе; но с общегосударственной точки зрения эта прибыль была весьма ценной, так как была едва ли не единственным источником (наряду с притоком иностранных капиталов) для дальнейшего развития промышленности. Прибыль фабриканта в общем шла не на какие-либо «кутежи с шампанским», а на расширение производства, столь необходимое для России.

Интеллигенция, весьма мало считавшаяся с интересами производства, поддерживала, разумеется, самые крайние требования в смысле улучшения положения рабочих; в этом «народники» вполне сходились с «марксистами». Но государственной власти, сознававшей, что это улучшение означает удорожание производства, приходилось действовать крайне осмотрительно и выбирать среднюю линию между интересами рабочих и предпринимателей, памятуя прежде всего об интересах всей страны и ее будущего. После больших забастовок 1896 г. был предпринят ряд анкет о положении рабочих. Особое совещание пяти министров по изучению собранных новых данных пришло к выводу, что рабочие не находятся в худшем материальном положении, чем крестьяне, и что нет поэтому основания для принятия чрезвычайных мер, которые бы вызвали новые государственные расходы. Был, однако, издан закон 2 июня об ограничении рабочего времени. Этот закон не удовлетворил, конечно, левые круги. Был установлен максимальный предел рабочего дня для взрослых мужчин в 11 часов, с тем чтобы в субботу и в предпраздничные дни работали не более 10 часов, тот же 10-часовой предел вводился для работ, хотя бы отчасти производившихся в ночное время. В других странах, с которыми России приходилось конкурировать, законодательные нормы были не более благоприятными для рабочих: во Франции предел был установлен в 12 часов; в Англии, Германии, Соединенных Штатах, Бельгии вообще не существовало законодательных ограничений труда взрослых мужчин; в Италии 12-часовой рабочий день был введен только для женского труда. Норма ниже русской была в то время только в Австрии (11 часов) и в Швейцарии (10 1/2 часа). Фактически рабочий день во многих странах – например, в Англии – был несколько меньше, но это было результатом борьбы и соглашений между рабочими и фабрикантами, а не законодательной мерой.

В России правительство считало забастовки, так называемые «действия скопом», чрезвычайно нежелательными, опасаясь беспорядков и их использования со стороны революционных элементов. Поэтому оно не желало допускать открытой экономической борьбы фабрикантов и рабочих и вмешивалось в нее само путем законов и при помощи фабричной инспекции, наблюдавшей за их выполнением. Закон 2 июня 1897 г. предусматривал также значительное расширение кадров фабричной инспекции. Он был косвенным ответом на забастовки 1896 г., показывавшим, что правительство, борясь с нежелательными формами выступлений рабочих, в то же время заботилось о защите их интересов.

* * *

В конце лета 1897 г. государь посетил Варшаву. Этому предшествовало несколько мер, свидетельствовавших о его желании смягчить ту вражду, которая господствовала в русско-польских отношениях после восстаний 1830–1831 и 1863 гг. Был отменен в Западном крае особый налог с землевладельцев польского происхождения, введенный после восстания 1863 г. Был разрешен сбор на постройку памятника Мицкевичу в Варшаве (до того времени это имя считалось «крамольным» – великого польского поэта заслонял враг России, организатор польских легионов в Крымскую войну). Варшавским генерал-губернатором, на место занемогшего графа Шувалова, был назначен мягкий и обходительный князь Имеретинский. Отменено было обязательное посещение богослужений для учащихся инословных исповеданий (мера эта относилась, впрочем, не только к царству Польскому).

В польском обществе возникли «примиренческие» течения, получившие от своих противников презрительную кличку «угодовцев». Известную роль тут сыграл и франко-русский союз – поляки с давних пор привыкли «ориентироваться» на Францию. Польский публицист Багницкий выпустил брошюру, излагавшую условия, на которых польское общество могло бы примириться с Российской империей. Он писал, что поляки готовы удовлетвориться меньшими правами, нежели те, которыми обладает Финляндия: они не требуют ни отдельного войска, ни таможенной границы; они готовы отказаться от притязаний на Западный край и ограничиться административной автономией, введением выборного городского и земского самоуправления и прекращением обрусительной политики в польских губерниях. Правда, эта программа имела еще одну сторону: надежду на то, что Россия воссоединит с царством Польским австрийские и германские польские области (что вызвало со стороны «народнического» органа «Русское богатство» критическое замечание: «Примираясь этой ценой с поляками, мы приобретаем в Германии заклятого и непримиримого врага»).

Императорская чета прибыла в Варшаву 19 августа. Местное население встретило государя так, как ни один русский монарх не был встречаем в Польше. Это было не только официальное торжество, с флагами, иллюминацией и шпалерами войск: во встрече приняло участие громадное большинство населения во главе с местной аристократией. «Мы прошли через тяжелую школу, – писала влиятельная польская газета, – и пришли к выводу, что можно быть хорошим поляком, оставаясь лояльным гражданином Русского государства... В нашем энтузиазме нет никаких иллюзий, никаких излишних надежд, ни мечтаний». «Русское богатство», выражая настроения левых кругов русской интеллигенции, отмечало «неожиданные для многих варшавские празднества».

Государь пробыл в Варшаве четыре дня; он ласково принимал представителей польского общества, благодарил население за выраженные чувства и в рескрипте на имя князя Имеретинского написал: «Мои заботы о благе польского населения – наравне *со всеми верно-подданными державы русской в неразрывном государственном единении*». Эти слова показывали, что государь, смягчая репрессии, меняя тон в отношениях с поляками, не хотел никаких перемен по существу. Как император Александр III, как К. П. Победоносцев, государь стоял за сосредоточение власти в центре, против обособления отдельных частей империи. В то же время как раз известное обособление, некоторый отказ от централизации были в ту пору для населения Польши самыми минимальными условиями примирения с русской государственностью. Возможно, конечно, что уступки в этом отношении только оказались бы наклонной плоскостью, ведущей к полному отделению Польши? Во всяком случае, варшавские дни 1897 г. были шагом на пути, по которому история в дальнейшем не пошла...

В первую половину своего царствования император Николай II, подобно своему отцу, был «собственным министром иностранных дел» в гораздо большей мере, чем это думали современники. После смерти князя Лобанова-Ростовского, при его заместителе Шишкине, как и при его дальнейших преемниках, государь руководил внешней политикой России, направляя ее по путям, до конца известным только ему. Личные сношения с правителями других стран и непосредственные приемы послов позволяли ему иметь *собственное* освещение, нередко иное и зачастую более достоверное, чем сведения, полученные обычными путями.

Назначение нового министра иностранных дел графа М. Н. Муравьева (русского посланника в Копенгагене), состоявшееся 1 января 1897 г., не внесло ничего нового во внешнюю политику России. Перед тем как занять свой пост, граф М. Н. Муравьев побывал в Париже (и на обратном пути в Берлине), чтобы заверить Францию в неизменности русской политики и Германию – в ее миролюбии.

Три главы государств приезжали в 1897 г. в Санкт-Петербург «отдать визит» государю: весной император Франц-Иосиф; в конце июля – император Вильгельм II; через недели две

после него – президент Феликс Фор. Наибольшее политическое значение из этих трех посещений получило наименее шумевшее из них: приезд австрийского императора.

Между Австро-Венгрией и Россией в 1897 г. было заключено соглашение, на целое десятилетие определившее ход событий на Ближнем Востоке. Интересы России и Австро-Венгрии на Балканах сталкивались не раз; примирить их было трудно, и австро-русская вражда учитывалась всеми правительствами как политическая аксиома. В конечном итоге это было, пожалуй, верно; однако почва для временного соглашения все же нашлась – к великой тревоге государственных деятелей Англии. Убедившись в том, что планы захвата Босфора, выдвигавшиеся русским послом в Константинополе и военными кругами, могут вызвать опасные осложнения, несмотря на некоторые «авансы» со стороны Англии (Ганото прямо говорил графу М. Н. Муравьеву, что это привело бы к общей европейской войне), государь решил на более или менее долгий срок удовлетвориться сохранением существующего положения и для этого сговориться с государством, имевшим совершенно иные более отдаленные цели, но одинаково заинтересованным в том, чтобы балканский вопрос не был поставлен на очередь в ближайшее время.

Австро-русское сотрудничество сразу же сыграло значительную роль для безболезненной ликвидации греко-турецкой войны, вспыхнувшей весной 1897 г.: Грецию защитили от последствий ее военного поражения, а Крит был принят в заведование «концертом великих держав» при номинальном сохранении турецкого суверенитета.

* * *

Приезд императора Вильгельма был обставлен пышным церемониалом – встреча в Кронштадте, иллюминация в Петергофе, военные смотры в Красном Селе, пожалование звания адмирала русского флота. Во многом эта встреча была сходной со свиданием в Бреславле: германский монарх, опираясь на добрые *личные* отношения с государем, еще не оставил надежды оказывать на него политическое влияние; а государь в ответах на горячие тосты своего гостя по-прежнему проявлял осторожную сдержанность.

В такой же внешней обстановке был встречен через две недели и французский президент Феликс Фор. Государь выехал ему навстречу в Кронштадте; был иллюминирован Петергофский парк; президент присутствовал на смотрах и учениях в Красном Селе. Эта параллельность вызвала даже некоторое неудовольствие во французских кругах – и в конце визита им было дано удовлетворение: за прощальным завтраком на крейсере *Pothuau* 14 (26) августа 1897 г. впервые было заявлено устами государя и французского президента, что франко-русский союз существует. Каждый при этом вложил в свою речь свой особый оттенок понимания целей этого союза; тогда как государь говорил о «дружественных и союзных целях, полных одинаковой решимостью содействовать всею своей мощью поддержанию *мира*», – в речи Феликса Фора было сказано, что союзные нации «руководствуются общими идеалами цивилизации, права и справедливости».

Население русской столицы приветливо встретило гостей. Петербургские обыватели шумно чествовали моряков французского флота и кричали «ура» под звуки «Марсельезы», причем известную роль для интеллигенции играла также сладость республиканского «запрещенного плода». Этот радушный прием, однако, не имел особого политического значения, и либеральный «Вестник Европы» по этому поводу предостерегал от чрезмерных увлечений. «Со стороны французских публицистов, – писал он, – вполне извинительно приписывать нашим народным массам такие ожидания и радости, о которых наш народ едва ли имеет точное представление. Если у нас образованные люди проникаются французскими восторгами до забвения здравого смысла – почему французам не принимать их за чистую монету?» И либеральный орган, на этот раз в согласии с политикой правительства, указывал, что «союз

с Францией для нас может быть полезен, если только он не направлен специально против Германии», и что вообще «франко-русский союз имеет несравненно большее значение для Франции, чем для нас».

Хотя государю не удалось достигнуть примирения между Францией и Германией, все же период 1895–1898 гг., когда пост французского министра иностранных дел занимал Ганото, был временем некоторого смягчения этой старой вражды. В Англии это вызвало большую тревогу. Ее политика «блистательного одиночества» основывалась на предположении о неустранимости некоторых антагонизмов на материке Европы. Между тем Австрия и Россия заключили деловое соглашение; и франко-германская вражда при содействии той же России как будто грозила в свою очередь исчезнуть! На самом деле до этого было далеко, но у страха глаза велики. К тому же события на Дальнем Востоке – занятие Киао-Чао, а затем Порт-Артура²¹ – показывали как будто, что державы Европейского материка, принадлежащие к обеим коалициям – «тройственной» и «двойственной», имеют какую-то общую колониальную политику и действуют в Азии, не спрашивая согласия Англии.

Со стороны кабинета Солсбери – Чемберлена был тогда предпринят ряд маневров, имевших целью предотвратить образование «концерта европейских материковых держав». (Об этих маневрах, происходивших за кулисами, широкой публике стало известно только на много лет позднее.)

Была и другая причина английской тревоги. Указом 24 февраля 1898 г. государь предписал отпустить из свободной наличности государственного казначейства 40 миллионов рублей на постройку военных судов, «независимо от увеличения ассигнований по смете морского министерства за 1898–1904 гг.». Россия, имевшая к тому времени в Балтийском море семь броненосцев и три бронированных крейсера не старше десяти лет, приступала к удвоению своего военного флота.²² Почти в то же время германский рейхстаг принял новую судостроительную программу на 250 миллионов марок.

Англия, нотою 31 января (12 февраля) предлагавшая России раздел Китая и Турции на английскую и русскую сферы влияния (и встретившая отказ), в конце марта предложила Германии вступить с ней в формальный союз.

Германское правительство отнеслось, однако, с недоверием к этому предложению. Считая, что Англия и Россия сговориться никогда не могут, оно полагало, что Англии все равно не на кого больше рассчитывать – разве на англофильские элементы во Франции; а если бы Франция склонилась в сторону Англии, это бы компенсировалось сближением России с Германией. Не придавая особого значения английскому предложению, император Вильгельм II решил уведомить о нем государя личным письмом и при этом попытался добиться от государя каких-нибудь обещаний за эту «услугу».

«Раньше чем отвечать, – писал император Вильгельм 30 (18) мая, – я прямо и откровенно обращаюсь к тебе, мой кузен и уважаемый друг, и уведомляю тебя, потому что чувствую – это вопрос жизни и смерти». Вильгельм II указывал, что Англия хочет заключить договор вообще с Тройственным союзом:

«Япония и Америка, с которыми уже начаты предварительные переговоры, присоединятся к нам. Можешь сам себе представить все возможности, которые зависят от нашего отказа или нашего согласия.

Так вот, старый верный друг, я тебя спрашиваю: скажи, что ты можешь предложить и что ты сделаешь, если я откажусь. Твои предложения должны быть точными, откровенными

²¹ О дальневосточных событиях см. дальше, гл. 5.

²² Черноморский флот, запертый в проливах по Парижскому трактату, не мог учитываться при исчислении морской мощи России в свободных морях.

и без всякой задней мысли... Не беспокойся о своей союзнице, она получит подобающее место в этой комбинации согласно твоему желанию, что бы ты ни предложил».

Государь, однако, правильно оценил положение: если бы Германия хотела сговориться с Англией, она бы не стала его запрашивать; очевидно, она только желала извлечь какую-нибудь выгоду из своего отказа. Государь ответил приветливо, но с нередко свойственной ему тонкой иронией. Он указал прежде всего, что Англия еще недавно делала России «весьма соблазнительные предложения». «Это доказывает, что Англии тогда была нужна дружба с нами, чтобы она могла втайне противодействовать росту нашего влияния на Дальнем Востоке». Слова о присоединении Японии и Америки к англо-германскому союзу вызывают у государя замечание:

«Как тебе известно, мы пришли с Японией к соглашению о Корее, и еще недавно у вас установились превосходные отношения с Сев. Америкой. По правде сказать, я не вижу, почему бы эта страна вдруг обратилась против своих старых друзей единственно ради прекрасных глаз Англии.

Мне очень трудно, а то и невозможно ответить на твой вопрос: полезно ли будет для Германии принять предложения Англии? Я не знаю, какая им цена. Ты должен сам принять решение, зная, что лучше и что необходимо для твоей страны».

Государь оказался прав: Германия все равно не заключила соглашения с Англией, и вскоре Вильгельм II снова писал государю: «Насколько я могу понять, англичане во что бы то ни стало хотят найти на материке армию, которая бы сражалась за их интересы. Думаю, им будет нелегко найти такую армию, во всяком случае, это будет *не моя*».

* * *

Тою же весной 1898 г. на военное и колониальное поприще выступила еще одна великая держава, с еще ничтожной армией, но уже сильным флотом. Разразилась война между Испанией и Соединенными Штатами, которые впервые приобрели в ней владения за пределами Северо-Американского материка.

В этой-то обстановке государем было задумано и предпринято его историческое выступление – с предложением положить предел росту вооружений, ведущему к войне неслыханных размеров.

Происхождение этой ноты до сих пор служит предметом споров. Одни приписывают ее влиянию Куропаткина, который как раз в марте 1898 г. докладывал государю проект соглашения с Австрией об отсрочке введения скорострельной артиллерии в русской и австрийской армиях; ссылаются на появившуюся в то время шеститомную книгу Блюха, доказывавшую невозможность успешного ведения войн при современных условиях; говорили о влиянии графа М. Н. Муравьева и даже Витте, хотя министр финансов никогда не принадлежал к числу «идеологов». Вернее всего, что эта инициатива принадлежала самому государю: чтобы высказать ее от имени великой державы, нужно было соединение смелости и простоты, свободных от рядовых дипломатических соображений.

Более четверти века длился в Европе мир; народы начинали к нему привыкать; они принимали исключительно долгое затишье между вулканическими извержениями за окончательное угасание вулкана. Но правительства знали, как непрочен этот мир, и вооружения росли с каждым годом. На русскую и на германскую судостроительную программу Англия отвечала морским бюджетом, превышавшим бюджеты обеих держав, только что резко повысивших свои кредиты на флот. Намечавшееся в ту пору австро-русское соглашение об отсрочке артиллерийского перевооружения было только частностью – однако и оно наталкивалось на большие трудности. Получалось, что долгая отсрочка военных столкновений только вела к небывалому накоплению военных сил и средств – и грядущая война

должна была неизбежно принять невиданные, фантастические размеры. В народах это вызвало ощущение: значит, войны не будет. Но правители – конечно, не один государь – видели, что *причины* столкновений не уменьшаются, что способы мирного разрешения спорных вопросов по-прежнему отсутствуют. Попытки создать такую международно-политическую систему, которая исключала бы войну, приводили только к сложным шахматным ходам, минам и контрминам, к перегруппировкам и мнимым перегруппировкам, ярким образцом которых были английские предложения России, а затем Германии – имевшие целью разрушить будто бы намечавшееся объединение европейских материковых держав. Не мир сулил Европе и франко-русский союз, который был выгоден и России и Франции главным образом в случае новой большой войны.

Провидя опасность великой катастрофы – как ее провидели многие, – государь, как по своему положению, так и по своим личным свойствам, один оказался в состоянии во весь рост поставить перед миром вопрос о грядущих потрясениях. Нота об опасностях вооруженного мира была не практическим политическим ходом; это был вопрос, обращенный к государствам: вы видите опасность, хотите ли вы приложить усилия, чтобы ее предотвратить? И можете ли вы это сделать?

Если считать, что жизнь народов течет по своим законам, настолько же незыблемым, настолько же независимым от человека, как законы, управляющие движением светил, – такой вопрос должен казаться бесплодным и наивным. Но если верить, что не только у людей, но и у государств имеется свобода воли, – тогда надо признать, что императору Николаю II, который первый поставил вопрос о практических мерах для предотвращения войн и облегчения бремени вооружений, принадлежит исторический почин в великом деле и что один этот почин дает ему право на бессмертие.

Мысль о таком выступлении зародилась у государя, видимо, в марте 1898 г.; министр иностранных дел граф М. Н. Муравьев составлял для него об этом записку, которую затем критиковал великий князь Алексей Александрович. Государь, однако, не отказался от этой мысли, и в августе она приняла окончательную форму.

31 июля (12 августа) был подписан мир между Испанией и Соединенными Штатами. 12 (24) августа граф М. Н. Муравьев пригласил к себе послов иностранных держав (французского посла графа Монтебелло – на два часа раньше других, чтобы подчеркнуть особое отношение к союзнице). Текст обращения к державам был уже утвержден государем. «Каков бы ни был исход предполагаемой меры, – писал граф Муравьев в своем всеподданнейшем докладе, – уже одно то, что Россия, во всеоружии своей необоримой мощи, выступила первая на защиту вселенского мира, послужит залогом успокоения народов, осязаемо укажет на высокое бескорыстие, величие и человеколюбие вашего императорского величества, и на рубеже истекающего железного века запечатлеет августейшим именем вашим начало грядущего столетия, которое с помощью Божьей да окружит Россию блеском новой мирной славы».

Вот текст этого исторического документа:

«Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами вооружений являются при настоящем положении вещей целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств.

Взгляд этот вполне отвечает человеколюбивым и великодушным намерениям Его императорского величества, августейшего моего государя.

В убеждении, что столь возвышенная цель соответствует существенным потребностям и законным вожеланиям всех держав, императорское правительство полагает, что настоящее время весьма благоприятно для изыскания путем международного обсуждения наиболее действительных средств обеспечить всем народам истинный и прочный мир и прежде всего положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений.

В течение последних двадцати лет миролюбивые стремления особенно твердо укрепились в сознании просвещенных народов. Сохранение мира поставлено было целью международной политики. Во имя мира государства сплотились в могучие союзы. Для лучшего ограждения мира увеличили они в небывалых доселе размерах свои военные силы и продолжают их развивать, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

Однако все эти усилия не могли пока привести к благодетельным последствиям желаемого умиротворения.

Все возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются или направляются на ложные пути.

Таким образом, по мере того как растут вооружения каждого государства, они менее и менее отвечают предпоставленной правительствами цели. Нарушения экономического строя, вызываемые в значительной степени чрезмерностью вооружений, и постоянная опасность, которая заключается в огромном накоплении боевых средств, обращают вооруженный мир наших дней в подавляющее бремя, которое народы выносят все с большим трудом. Очевидным поэтому представляется, что, если бы такое положение продолжилось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремятся избегнуть и пред ужасами которого заранее содрогается мысль человека.

Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков высший долг для всех государств.

Преисполненный этим чувством, государь император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитированы при Высочайшем дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи.

С Божьей помощью, конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века. Она сплотила бы в одно могучее целое усилия всех государств, искренне стремящихся к тому, чтобы великая идея всеобщего мира восторжествовала над областью смуты и раздора. В то же время она скрепила бы их согласие совместным признанием начал права и справедливости, на которых зиждется безопасность государств и преуспевание народов».

Нота была опубликована в «Правительственном вестнике» 16 (28) августа и в тот же день была распространена по всему миру.

Ответ последовал очень быстрый – и отрицательный.

* * *

Что мог означать на языке практической политики отказ от дальнейших вооружений? Прежде всего *закрепление существующего положения вещей*, так как вооружения необходимы главным образом для того, чтобы произвести те или иные *перемены*. Иными словами, те, кто не мирился с существующим положением, должны были высказаться *против* ограничения вооружений. Это в откровенной форме выразил «Вестник Европы». Особый интерес ноты, писал русский либеральный орган, в том, что она исходит от союзника Франции: «Трудно рассчитывать на успех предложенной конференции при отсутствии признаков поворота в политическом настроении Франции относительно завоеванных немцами провинций. Пока эльзас-лотарингский вопрос не исчезнет с горизонта и не будет признан разрешенным

раз навсегда в пользу Германии, до тех пор не может быть и речи о прочном и действительном облегчении непосильных тягот вооруженного мира».

Между тем при первой же вести о русской ноте официальный Temps²³ недвусмысленно высказался как раз по этому пункту: «Право и справедливость... понесли в 1871 г. еще и поныне не исправленный ущерб. Пока скандал этого правонарушения не изглажен, потомки людей 1789 г., верные наследники той Революции, которая стяжала человеку его права, могут подписаться под принципами, упомянутыми графом Муравьевым... только обеспечив с самим существованием Франции исправление прошлого и выпрямление будущего».

Так как «исправление прошлого» – иными словами, возвращение Эльзаса и Лотарингии – было едва ли возможно без новой большой войны, ответ на русский вопрос был, таким образом, отрицательный. Но не одна Франция признала для себя неприемлемым предложение русского царя, хотя ей и пришлось, по положению союзницы России, первой поставить точку над *i*. Правда, английская и германская печать встретили ноту сочувственно, и Temps писал, что она «составит славу царя и Его царствования»; но английское правительство вообще не проявило склонности принять русскую инициативу всерьез, а Германия не на шутку встревожилась.

Если во Франции первой мыслью было – как бы нас не заставили признать Франкфуртский договор, – то в Германии задали себе вопрос: не хотят ли от нее потребовать, ради общего умиротворения, каких-нибудь уступок в эльзасском вопросе? И Бюлов писал германскому послу в Санкт-Петербурге, чтобы он заранее отверг такую возможность.

Необычайное раздражение проявил император Вильгельм, испещрявший гневными и насмешливыми примечаниями все донесения и записки по этому вопросу. «Все это словоизвержение порождено горькой нуждой... До сих пор Европа оплачивала русские вооружения... Гуманитарный угар довел до этого невероятного шага... Тут какая-то чертовщина», – писал германский император 28 (16) августа. Все же на следующий день он телеграфировал государю, что его нота «ярко освещает возвышенность и чистоту Его побуждений...». «Однако, – добавлял Вильгельм II, – на практике это затруднительно... Можно ли, например, представить себе монарха, распускающего полки, освященные веками истории?»

Так как в первый месяц положительные ответы поступили только от Италии и от Австрии, государь послал за границу для переговоров графа М. Н. Муравьева и военного министра А. Н. Куропаткина. Государь при этом разрешил им давать следующие толкования ноты 12 августа: имеется в виду не *разоружение*, а ограничение *дальнейших* вооружений; на первой конференции следует хотя бы приступить к осуществлению этой идеи, не задаваясь целью сразу провести ее полностью.

Когда русские министры приехали в Париж, там как раз выдвигался на первый план конфликт с Англией из-за Фашоды: англичане, только что наголову разбившие под Омдурманом армию махдистов, заявляли претензии на всю долину Нила и грозили удалить силой небольшой французский отряд полковника Маршана, дошедший до Нила от Атлантического океана после долгого пути по неисследованным дебрям Экваториальной Африки. Англо-французские отношения приняли столь резкий оборот, что президент Феликс Фор и Делькассе – новый министр иностранных дел, сменивший летом Ганото, – говорили графу Муравьеву: «Наш враг не Германия, а Англия...»

Первые разговоры между союзными министрами имели не очень дружелюбный характер. «Правительственное сообщение 12 августа произвело на французскую армию тяжелое впечатление, – объяснял А. Н. Куропаткину новый французский военный министр генерал Шануан (в ту пору – это был самый разгар дела Дрейфуса – военные министры во Франции сменялись весьма часто). – Офицеры французской армии опустили головы. Разоруже-

²³ Передовая статья 30 (18) августа 1898 г.

ние после затраченных в течение 27 лет огромных усилий и средств отнимало у них надежду на возвращение Эльзаса и Лотарингии... Расстаться с этой надеждой французы не могут еще и потому, что она объединяет лучшие силы Франции независимо от принадлежности к различным политическим партиям... Возникали даже подозрения: не сделан ли этот шаг русским государем по соглашению с Вильгельмом?»

Французское правительство проявило некоторое неудовольствие по поводу того, что его не предупредили заранее. А. Н. Куропаткин дал следующее объяснение: «Дабы великое слово, раздавшееся с Царского трона, было принято всеми правительствами и народами как бескорыстное желание общего блага, необходимо было не выделять какую-либо из держав и сделать предложение об ограничении вооружений одинаково объективным для всех». Действительно, если бы Франция была уведомлена заранее, то государю пришлось бы либо отказаться от задуманного шага, либо предпринять его *вопреки* французским возражениям, либо, наконец, внести в свое предложение такие оговорки, которые отнимали бы у него его объективное, бескорыстное значение.

В общем, когда выяснилось, что нота 12 августа не имела в виду конкретных политических выводов, что это лишь принципиальная, теоретическая постановка вопроса, французские политические деятели сразу успокоились и согласились принять участие в конференции.

Генерал Шануан скоро настолько освоился с этой мыслью, что стал придумывать конкретные задачи для международной конференции: например, нейтрализацию судов-госпиталей или ограничение применения новых взрывчатых веществ. Конференция, по мнению французского военного министра, могла бы также заняться «...*статистической разработкой* вопроса о том, какие выгоды для земледелия, промышленности и торговли *могли бы* получиться от уменьшения вооружений».

Графу М. Н. Муравьеву выпало на долю разъяснять русскую ноту также и германским политическим деятелям. Французы богаче нас с вами, говорил он графу Эйленбургу. Вы и мы гораздо скорее дойдем до предела. «Ложь! – пометил в докладе об этом разговоре Вильгельм II. – Русские уже дошли». Германский император упорно придерживался версии о том, что нота 12 августа вызвана острым недостатком денег в русской казне, тогда как именно в эти годы (1897–1900) внешний долг России не возрос, а даже несколько сократился.²⁴

После заграничной поездки А. Н. Куропаткина и графа М. Н. Муравьева можно уже было подвести итоги русской инициативы. Наиболее интересны оказались выводы русского военного министра (в его докладе государю 23 ноября): «Народы отнеслись восторженно, правительства – недоверчиво». С политической стороны уменьшение вооружений неприемлемо ни для Франции, которая «выносит бремя легче других, на приостановку ввиду Эльзаса не пойдет», ни для Германии, которая также «выносит легко», и, кроме того, «ни одна держава не поставлена в такую тяжелую необходимость отчаянной самообороны: Франция ждет минуты для реванша». Австрия и Италия были бы за («Австрия боится всех и каждого, сбыточного и несбыточного», – помечал в своем докладе граф Муравьев). Англия пошла бы на ограничение вооружения – кроме *флота*! Малые государства были бы рады – если им гарантируют неприкосновенность.

Военный министр намечал, какие вопросы должны быть разрешены раньше, чем станет осуществимым общее разоружение: оно будет возможно 1) когда распадется Австрия; 2) когда мы займем Босфор; 3) когда Франция получит Эльзас-Лотарингию, а Германия, в виде компенсации, немецкие провинции Австрии.

К этому времени франко-английский конфликт из-за Фашоды уже разрешился, но английское правительство усиленно флиртowało с Германией, стремясь создать впечатление,

²⁴ За эти годы погашено внешних займов на 258 миллионов рублей, выпущено новых (конверсии) на 158 миллионов.

что в случае войны оно могло бы рассчитывать на германскую поддержку. Чемберлен произнес в Манчестере (3 ноября) резкую антифранцузскую речь. Обстановка, казалось бы, благоприятствовала соглашению материковых держав. Но германское правительство колебалось между Англией и Россией. Оно, во всяком случае, не сумело – или не пожелало – использовать англо-французский конфликт для улучшения отношений с Францией. Делькассе уступил: полковнику Маршану было приказано сдать Фашоду англичанам. Русская дипломатия склонялась при этом в пользу примирительной позиции.

«Если правда, что граф Муравьев посоветовал Франции совершить этот безумный поступок, – писал государю из Дамаска Вильгельм II, – это было крайне необдуманно с его стороны, так как это отступление нанесло здесь твоим amis et allies смертельный удар, от которого их престиж никогда не оправится».

В этом случае государь, однако, следовал принятой линии – избегать осложнений в Европе; а Делькассе, непримиримый противник Германии, подготовлял возможность англо-французского «сердечного согласия»: забыть Фашоду было все же легче, нежели Седан.

* * *

Что оставалось делать с планом международной мирной конференции? Было ясно, что больших перемен от нее ждать нельзя. Современный политический мир уже дал отрицательный ответ на вопрос, поставленный государем. Можно было открыто об этом объявить, подчеркнув причины неудачи русской инициативы; но это задело бы самолюбие дружественных держав и не способствовало бы целям умиротворения. Одно время предполагалось издать новую ноту, указывающую, что «при наличии явлений, столь противоречащих желанию мира» момент для конференции представляется неблагоприятным. В первоначальном проекте этой ноты содержались прямые обвинения против Англии. Но затем было признано, что нельзя делать одну Англию козлом отпущения. Нежелательно также было бы бросить начатое дело: недостижимость цели отнюдь не представлялась очевидной для широких кругов населения всех стран, восторженно встретивших призыв к общему миру; отказ от созыва конференции неминуемо вызвал бы недоумения и кривотолки.

* * *

Русское правительство поэтому в декабре 1898 г. разработало вторую ноту, основанную на опыте последних месяцев и сводившую общие предложения ноты 12 августа к нескольким конкретным пунктам.

«Несмотря на проявившееся стремление общественного мнения в пользу всеобщего умиротворения, – говорилось в этой ноте, – политическое положение значительно изменилось в последнее время. Многие государства приступили к новым вооружениям, стараясь в еще большей мере развить свои военные силы. Естественным, что при столь неопределенном порядке вещей нельзя было не задаться вопросом о том, считают ли державы настоящую политическую минуту удобной для обсуждения международным путем тех начал, кои изложены были в циркуляре от 12 августа...

В случае если бы державы признали настоящую минуту благоприятной для созыва конференции на указанных основаниях, представлялось бы несомненно полезным установить между правительствами соглашения относительно программы занятий будущей конференции.

Само собою разумеется, что все вопросы, касающиеся политических соотношений государств и существующего на основании договоров порядка вещей, как и вообще все

вопросы, кои не будут входить в принятую кабинетами программу, будут подлежать безусловному исключению из предметов обсуждения конференции».

Успокоив таким образом опасения Франции и Германии насчет возможности постановки политических вопросов, русское правительство выдвигало следующую программу:

- 1) соглашение о сохранении на известный срок настоящего состава сухопутных и морских вооруженных сил и бюджетов на военные надобности;
- 2) запрещение вводить новое огнестрельное оружие и новые взрывчатые вещества;
- 3) ограничение употребления разрушительных взрывчатых составов и запрещение пользоваться метательными снарядами с воздушных шаров;
- 4) запрещение употреблять в морских войнах подводные миноносные лодки (тогда еще только производились с ними первые опыты);
- 5) применение Женевской конвенции 1864 г. к морской войне;
- 6) признание нейтральности судов и шлюпок, занимающихся спасением утопающих во время морских боев;
- 7) пересмотр деклараций 1874 г. о законах и обычаях войны;
- 8) принятие начала применения добрых услуг посредничества и добровольного третейского разбирательства; соглашение о применении этих средств; установление единообразной практики в этом отношении.

В этой ноте первоначальная основная идея сокращения и ограничения вооружений уже оставалась только «первым пунктом» наряду с другими предложениями.

Русская программа для мирной конференции была, таким образом, сведена к нескольким положениям, вполне конкретным; через с лишком тридцать лет в Женеве на конференции по разоружению обсуждались те же вопросы и повторялись «зады» русских предложений 1898–1899 гг.

* * *

Вторая нота была встречена много холоднее, чем первая: одни увидели в ней отступление, другие смелее выражали свое отрицательное отношение к поставленным задачам. Temps, приветствовавший общую идею ноты 12 августа, называл программу 30 декабря неосуществимой утопией. Temps писал: «Существенно не отступать от обязательной вежливости в отношении России и не изменять гуманным идеалам нашего прошлого; в этих пределах мы сохраняем всю свободу действий».

Этот прием вызвал у государя в беседе с Куропаткиным возглас сожаления о том, что он взял на себя такой почин. Однако, несмотря на неблагоприятную атмосферу, мирная конференция все же состоялась. «Мир был уже поражен, – писал в своей книге о конференции Ж. де Лапраделль, – когда могущественный монарх, глава великой военной державы, объявил себя поборником разоружения и мира в своих посланиях от 12 (24) августа и 30 декабря. Удивление еще возросло, когда благодаря русской настойчивости конференция была подготовлена, возникла, открылась». Местом ее созыва была избрана Гаага, столица Голландии, одной из наиболее «нейтральных» стран (и в то же время не официально «нейтрализованной», как Швейцария и Бельгия).

Для того чтобы обеспечить участие всех великих держав, пришлось согласиться на то, чтобы не приглашать африканские государства (из-за обострившегося в ту пору конфликта Англии с бурами), а также Римскую курию (из-за Италии). Не были приглашены также государства Средней и Южной Америки. В конференции приняли участие все двадцать европейских государств (представители Болгарии – в составе турецкой делегации), четыре азиатских (Япония, Китай, Сиам и Персия) и два американских (Соединенные Штаты и Мексика).

Гаагская мирная конференция заседала с 18 (6) мая по 29 (17) июля 1899 г. под председательством русского посла в Лондоне, барона Стааля.

Борьба велась на ней вокруг двух пунктов – ограничения вооружений и обязательного арбитража. По первому вопросу прения состоялись в пленарном заседании первой комиссии (23, 26 и 30 июня).

«Ограничения военного бюджета и вооружений – главная цель конференции, – говорил русский делегат барон Стааль. – Мы не говорим об утопиях, мы не предлагаем разоружение. Мы хотим ограничения, остановки роста вооружений». Военный представитель России, полковник Жилинский, предложил:

1) обязаться не увеличивать в течение пяти лет прежнего количества войск мирного времени;

2) точно установить это число (без колониальных войск);²⁵

3) обязаться в течение того же срока не увеличивать военные бюджеты. Капитан Шеин предложил на трехлетний срок ограничить морские бюджеты, а также опубликовать все данные о флотах.

Несколько государств (в том числе Япония) сразу заявили, что еще не получили инструкций по этим вопросам. Непопулярную роль официального оппонента взял на себя германский делегат, полковник Гросс фон Шварцгоф. Он иронически возражал тем, кто говорил о непосильных тяготах вооружения. «Позволю себе рассеять благожелательные опасения, – говорил он, – германский народ не изнемогает под бременем налогов; он не стоит на краю пропасти. Он богатеет, уровень его жизни повышается. Всеобщая воинская повинность для немцев не бремя, а священный долг. Кроме того, сила армий – не только в численности. Что касается войск в колониях, то для некоторых стран это значительная величина, для других – ничтожная; получается неравенство. Я утверждаю, что страна может увеличить свою боевую мощь, не увеличивая численности армии».

Вопрос был передан в подкомиссию из восьми военных (представителей Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, России, Румынии, Франции и Швеции), которая, за исключением русского делегата Жилинского, *единогласно* признала, что: 1) трудно даже на пять лет закрепить численность войск, не регулируя одновременно другие элементы национальной обороны; 2) не менее трудно урегулировать международным соглашением другие элементы, разные в разных странах. Поэтому, к сожалению, русского предложения принять нельзя.

Эту точку зрения разделили и первая комиссия, и общее собрание конференции. Французский делегат Леон Буржуа, соглашаясь с техническими доводами германского делегата, предложил только добавить следующее, чисто платоническое, заявление: «Конференция полагает, что ограничение военных тягот, представляющих ныне тяжелое бремя для мира, *крайне желательно* для морального и материального преуспевания человечества».

Что касается морских вооружений, то делегации сослались на отсутствие инструкций. «Вряд ли инструкции придут до конца конференции, – заметил тогда председатель первой комиссии ван Карнебеек. – Поступим с морскими вооружениями как с сухопутными».

Страстные споры возбудил еще только вопрос об арбитражном суде. Германская делегация заняла в этом вопросе непримиримую позицию. Она стояла на точке зрения, отчетливо сформулированной закулисным руководителем германского министерства иностранных дел, советником фон Гольштейном: «Малые государства в качестве субъектов, мелкие вопросы в качестве объектов арбитражного разбирательства можно себе представить; большие государства и важные вопросы – никогда. Чем государство больше, тем оно более рассматри-

²⁵ Полковник Жилинский разъяснил, что для России к этой категории относятся войска в Средней Азии и в Амурском военном округе.

вает себя как самоцель, а не как средство для достижения высших, вне его лежащих целей. Для государства нет более важной цели, нежели защита своих интересов. Но таковые для великой державы не обязательно тождественны с сохранением мира; они могут состоять в преодолении врага и конкурента при помощи умело составленной более могущественной группировки».

Компромисс был найден путем отказа от обязательности арбитража (даже в вопросах, не затрагивающих чести или жизненных интересов отдельных стран). Германская делегация согласилась, в свою очередь, на учреждение постоянного суда. Вильгельм II, впрочем, считал и это большой уступкой, сделанной им государю. «Чтобы он не оскандалился перед Европой, – написал германский император на докладе Бюлова об итогах Гаагской конференции, – я соглашаюсь на эту глупость. Но в своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч. И ... мне на все эти постановления!» В менее резкой форме то же высказали и государственные деятели других стран.

Правда, из той программы, которая была выдвинута в ноте 30 декабря, только первый пункт был отвергнут целиком. Были приняты декларации о запрещении: 1) разрывных пуль (дум-дум); 2) метания взрывчатых снарядов с воздушных шаров; 3) употребления снарядов, распространяющих удушливые газы. Утверждены были соглашения о применении Женевской конвенции к морской войне (в нее входил и вопрос о судах-госпиталях), о пересмотре декларации о законах и обычаях войны и о мирном разрешении международных споров путем посредничества и третейского разбирательства. Плодом этой последней конвенции, разработанной русским делегатом профессором Ф. Ф. Мартенсом, явилось учреждение действующего и поныне Гаагского международного суда. Это, однако, было весьма мало по сравнению с первоначальным замыслом государя.

Русское общественное мнение в течение всего периода от ноты 12 августа до окончания Гаагской конференции проявляло довольно слабый интерес к этому вопросу. Преобладало, в общем, сочувственное отношение с примесью скептицизма и некоторой иронии. В кругах интеллигенции были удивлены этим шагом, резко расходившимся с ходячими представлениями об «империализме» и «милитаризме» русской власти. Старались как-нибудь объяснить ноту 12 августа практическими, мелочными соображениями, говорили об ее «неискренности». А к тому времени, когда конференция собралась, внимание русского общества было настолько поглощено событиями внутренней политики, что работа в Гааге не вызывала уже особого интереса.

Нота 12 августа 1898 г. и Гаагская конференция 1899 г. сыграли, однако, свою роль в мировой истории. Они показали, насколько далеко в тот момент было до общего замирения, насколько непрочно было международное затишье. Они в то же время поставили на очередь вопрос о возможности и желательности международных соглашений для обеспечения мира. Отсюда проистекли и все дальнейшие попытки – не только Вторая Гаагская конференция 1907 г., но и Женевские учреждения. «Идея эта пустила ростки», – сказал граф М. Н. Муравьев, передавая послам держав циркулярную ноту 12 августа. Это предсказание, во всяком случае, оправдалось.

Те, кто считает войны неизбежными, необходимыми – а то и полезными, – назовут, быть может, эту попытку благородной, но бесплодной утопией, бесполезным, если не вредным, начинанием, только порождающим обманчивые иллюзии; те же, кто верит в возможность международного мира на основе взаимного соглашения всех стран, все те, кто затем приветствовал идею Лиги Наций и конференцию по разоружению, не могут не признать, что первый почин в постановке на очередь этого вопроса бесспорно принадлежит императору Николаю II; и этого не могли стереть со страниц истории ни войны, ни революции нашего времени.

Когда собралась 9 ноября 1921 г. Вашингтонская конференция по вопросу о морских вооружениях, североамериканский президент Гардинг в своей вступительной речи вспомнил, кому принадлежал первый почин в этом деле. «Предложение ограничить вооружение путем соглашения между державами – не ново, – сказал американский президент. – При этом случае, быть может, уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в императорском рескрипте Его Величества императора Всероссийского». И, процитировав почти целиком «ясные и выразительные» слова русской ноты 12 августа, президент Гардинг добавил: «С таким сознанием своего долга Его Величество император Всероссийский предложил созыв конференции, которая должна была заняться этой важной проблемой».

Глава 5

«Будущее России – в Азии». – Идеи князя Э. Э. Ухтомского. – «Желтая опасность». – Резолюция государя от 2 апреля 1895 г. – Договоры 1896 г. с Китаем (о железной дороге) и с Японией (о Корее). – Притязания Германии на Киао-Чао; занятие этой бухты. – Размолвка государя с Вильгельмом II. – Занятие Порт-Артура. – Договор об аренде Ляодунского полуострова. – Россия и Англо-бурская война. Беседа государя с князем Бюловым в ноябре 1899 г. – Восстание «боксеров». – Отправка международного отряда в Китай. – Особая позиция России. – Занятие Маньчжурии русскими войсками. – Итоги первых лет азиатской политики. – Отмена ссылки в Сибирь

Любивший эффектные краткие формулы германский император Вильгельм II провозгласил, что «будущее Германии – на морях». Император Николай II, если бы он не отличался особой нелюбовью к громким словам и театральным жестам, мог бы сказать, в то же время выражая основную мысль своей политики: «Будущее России – в Азии».

Много было причин, указывавших России этот новый (в сущности, очень старый) путь. Целей, поставленных в XIX в., – балканских, австрийских и турецких – можно было достичь только в результате огромных общеевропейских войн. Притом даже в лучшем случае обладание проливами открывало для России только возможность участвовать в новой дальнейшей борьбе за преобладание в Средиземном море, которое, в свою очередь, было крепко заперто английскими засовами; а объединение западных и южных славян вокруг «старшего северного брата», этих форпостов, выдвинутых в Европу, не давало русскому народу такой несокрушимой, недоступной для внешних ударов основы, того неиссякаемого источника сил и средств, которые Россия могла приобрести, опираясь на преобладание в Азии.

Другие государства завладевали колониями во всех концах земного шара; для их защиты они создавали себе флоты; они вступали друг с другом в соревнование из-за клочков земли, расположенных у антиподов. Россия, продолжая дело первых завоевателей Сибири, создавала себе нечто много лучшее, нежели колонии; она сама вращалась в Азию, раздвигая свои пределы. Это был органический рост, увеличение *русской* территории, а не завоевание далеких чужих земель. Этот рост продолжался и в последние царствования: Уссурийский край с Владивостоком были присоединены к России только в 1859 г., южная часть Сахалина – в 1873 г., среднеазиатские владения на рубежах английской Индии – уже в 1880-х гг., при императоре Александре III.

Но Азия была не Африкой, там существовали большие государства с древней, по-своему глубокой культурой; и Россия, завладевая северной каймою Азии (широкой, в сущности, только по карте из-за необитаемых пространств северной тайги и тундры), должна была найти свое решение для основного вопроса в Азии – китайского вопроса.

«Недвижный Китай» (который был так назван Пушкиным в 1831 г.) с середины XIX в. сотрясаясь внутренними взрывами. За 50, 60, 70-е гг. гражданская война, не затихая, свирепствовала – почти тридцать лет! – вспыхивая то в самом сердце Китая, в долине Голубой реки (тайпинги), то на крайнем западе (дунганское восстание в Китайском Туркестане), то на крайнем юге (в Юннани, у границ Индокитая). Европейцы уже начали использовать ослабление Небесной империи, и в 1860 г., в разгар гражданской войны, международный отряд дошел до Пекина и добился открытия 25 портов для иностранной торговли (за эти годы Россия без войны присоединила к себе Уссурийский край).

Маньчжурская династия теряла власть и влияние; но волею судеб среди ее представителей нашлась энергичная женщина, вдова императора Сян Фына, «железная» императрица Циси, которая в течение двух последующих царствований, с 1861 по 1908 г., была фактиче-

ской правительницей Китая и восстановила если не внешнюю мощь Небесной империи, то, по крайней мере, ее внутреннее единство.

Россия, во время дунганского восстания в Китайском Туркестане занявшая в 1871 г. Кульджинский округ, чтобы предохранить его от разгрома и разорения, в 1880 г. вернула его Китаю, оставив себе «в награду» только небольшую часть его. В то время как другие державы строили свои расчеты на распаде и разделе Китая, политика России была в общем направлена на его сохранение, и это не только не противоречило «большой азиатской программе», а было прямым выводом из нее.

Постройка Сибирской железной дороги, решенная и начатая еще при императоре Александре III, показывала, что планы преобладания в Азии не были чужды и отцу государя, установление прямых сообщений с редко населенной окраиной едва ли оправдывало бы само по себе такие огромные затраты и усилия, но только при императоре Николае II азиатская «миссия» России была выдвинута с полной отчетливостью на первый план.

Князь Э. Э. Ухтомский, спутник государя при его поездке вокруг Азии, знаток и любитель буддийского Востока, собиратель ценных коллекций предметов восточного искусства, не играл, правда, *решающей* роли в русской внешней политике; но он, несомненно, оставался близок государю, которому его мнения были хорошо известны. Идеи, выражавшиеся в печати князем Э. Э. Ухтомским, сыграли свою роль в событиях на Дальнем Востоке.

Князь Ухтомский исходил из представления о глубоком духовном сродстве России и Азии. Между Западной Европой и азиатскими народами, говорил он, лежит пропасть; и чем они ближе соприкасаются, тем эта пропасть очевиднее; только между русскими и азиатами такой пропасти нет. «Там, за Алтаем и за Памиром, та же неоглядная, неисследованная, никакими мыслителями еще не осознанная допетровская Русь, с ее непочатой ширью предания и неиссякаемой любовью к чудесному, с ее смиренной покорностью посылаемым за греховность стихийным и прочим бедствиям, с отпечатком строгого величия на всем своем духовном облике».

«Чингизы и Тамерланы, вожди необозримых вооруженных масс, создатели непобедимых царств и крепких духом, широкодумных правительств, — писал князь Ухтомский, — все это закаливало и оплодотворяло государственными замыслами долгополую, по-китайски консервативную змиемудрую допетровскую Русь, образовавшую обратное переселению восточных народов течение западных элементов в глубь Азии, где мы — дома, где жатва давно нас ждет, но не пришли еще желанные жнецы».

Иные говорят: «К чему нам это? У нас и так земли много». Князь Ухтомский на это отвечал: «Для Всероссийской державы нет другого исхода: или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы будут еще опаснее, чем западные иноплеменники».

Но на Азию был и другой взгляд, имевший не менее влиятельных сторонников. Еще в 1895 г. император Вильгельм II прислал государю свою известную символическую картину, где изображались народы Европы, с тревогой смотрящие на кровавое зарево на востоке, в лучах которого виднеется буддийский идол. «Народы Европы, оберегайте свое священное достояние» — стояло под этой картиной. Та же мысль тревожила русского философа и мыслителя В. С. Соловьева, которому представлялось новое нашествие монголов на Европу, первой жертвой которого опять должна была стать Россия. (В. С. Соловьев в своем известном стихотворении «Панмонголизм» в ту пору пророчествовал: «О Русь, забудь былую славу — / Орел двуглавый сокрушен, / И желтым детям на забаву / Даны клочки твоих знамен...»)

Французскому мыслителю графу Гобино, теория которого оказала такое влияние на развитие «расовой» идеи в Германии, грезилась, наоборот, царская Россия, ведущая народы Азии на приступ «арийской» Европы...

Но как ни смотреть на Азию – как на грозную опасность или как на источник русской мощи, основу нашего будущего, – несомненно было одно: Россия должна была быть сильной в Азии. Сибирская дорога была для этого необходимым условием, но еще недостаточным.

Еще в 1895 г., когда Россия вместе с Германией и Францией вмешалась в японо-китайскую борьбу и не дала Японии утвердиться на материке, государь начертал на докладе министра иностранных дел (2 апреля 1895 г.): «России безусловно необходим свободный в течение круглого года и открытый порт. Этот порт должен быть на материке (юго-восток Кореи) и обязательно связан с нашими прежними владениями полосой земли».

Обстановка момента не давала возможности немедленно достигнуть этой цели: русские силы на Дальнем Востоке были недостаточны, приходилось действовать совместно с другими державами. «Теперь-то представляется удобный случай разом и без хлопот покончить с Китаем, разделив его между главными заинтересованными державами», – писали в то время либеральные «Новости». Но русская политика была сложнее.

Россия *не желала* раздела Китая. Она стремилась сохранить его в целости, с тем чтобы утвердить в нем свое первенствующее влияние. Для этой цели с 1895 г., с Симоносекского мира, был взят курс дружбы с Китаем.

Во время коронационных торжеств китайская делегация во главе с Ли Хун Чаном пользовалась особым вниманием. С Китаем был заключен договор, по которому Россия обещала ему свою поддержку, а Китай разрешил провести Великий сибирский путь через Маньчжурию, вотчину китайского императорского дома (в то время еще почти незаселенную).

Еще более близкие отношения установились у России с Кореей. После японо-китайской войны японцы получили там преобладание и содействовали так называемой «партии реформ». Встречая сопротивление со стороны двора, особенно королевы, сторонники Японии 9 октября 1895 г. ворвались во дворец, убили королеву и захватили в плен короля. Но это вызвало в стране национальное движение протеста; «партия реформ» утратила популярность. Достаточно было того, что русский консул вызвал двести моряков для защиты здания миссии в Сеуле, чтобы в Корее – в конце января 1896 г. – произошел резкий поворот: король бежал из плена, укрылся в русской миссии и оттуда отдал приказ – казнить премьера и других министров-японофилов, – что и было сделано. Считая русских своими защитниками и покровителями, корейский король был готов согласиться на все их пожелания; но Россия не могла в то время – без флота, без Сибирской дороги – до конца использовать этот случайный успех. Она пошла на компромисс с Японией на основе признания независимости Кореи и суверенной власти корейского короля: Россия и Япония взаимно обязались держать в корейских пределах одинаковое число войск (около тысячи для охраны своих миссий и своих торговых интересов).²⁶

Рост русского влияния на Дальнем Востоке беспокоил не только Японию, но и западные державы. Сибирская дорога, каждый год продвигаясь на несколько сот верст, была выстроена примерно на треть (около 2300 верст за Челябинск), когда в конце 1897 г. произошли события, сильно изменившие положение.

Когда император Вильгельм II гостил в Петергофе летом 1897 г., он поднял вопрос о предоставлении Германии стоянки для судов и угольной станции в Китае и спросил государя, не возражает ли он против того, чтобы для этой цели была избрана бухта Киао-Чао (Циндао), где русские суда имели право зимовать по соглашению с китайским правительством. Согласно записи Бюлова, сопровождавшего Вильгельма II, государь ответил, что

²⁶ Соглашение в Сеуле 2 (14) мая, подтвержденное в Москве 23 мая (9 июня) 1896 г.

«русские заинтересованы в сохранении доступа в эту бухту, пока они не заручились более северным портом...». На вопрос германского императора о том, не возражает ли император Николай II против того, чтобы германские суда в случае надобности, с разрешения русских властей, заходили в эту бухту, государь ответил отрицательно.

Осенью того же года два германских миссионера были убиты китайцами в провинции Шандунь, недалеко от Киао-Чао. Германия не замедлила воспользоваться этим поводом для активного выступления в Китае. Император Вильгельм потребовал отправки военных судов в Киао-Чао; канцлер Гогенлоэ посоветовал раньше запросить Россию. Вильгельм II телеграфировал непосредственно государю, спрашивал разрешения послать суда в Киао-Чао, чтобы покарать убийц двух миссионеров, «так как это единственный пункт, откуда можно достать до этих мародеров».

Государь ответил (7 ноября): «Не мне одобрять или осуждать отставку судов в Киао-Чао. Наши суда только временно пользовались этой бухтой. Опасаюсь, что суровые кары могут только углубить пропасть между китайцами и христианами».

Смысл этой телеграммы был ясен: государь не мог «разреши~~ть~~» Германии посылать свои суда в порт суверенного государства – Китая; и он не советовал этого делать, чтобы не углублять вражды между белыми и китайцами. Министр иностранных дел Муравьев в дополнение к этой телеграмме указал, что советовал Китаю удовлетворить требования о наказании убийц, после чего отправка эскадры станет уже излишней.

При помощи «нажима на тексты» германское правительство истолковало телеграмму государя не только как разрешение отправить эскадру в Киао-Чао, но заодно и как согласие устроить там постоянную стоянку для германских судов!

Это вызвало первую крупную размолвку между государем и Вильгельмом II. Государь был возмущен превратным истолкованием телеграммы; русское правительство указало, что если уж говорить о правах на бухту, то Россия имеет на нее «право первой стоянки»; если она им сейчас не пользуется, это не значит, что она уступает его другим.

Но Германия решила действовать – независимо от желаний России. «Россия с Францией могут подстрекнуть Китай на сопротивление, и потребуются большие силы и затраты», – доносил из Лондона германский посол Гатцфельдт, – но эта перспектива Германии, видимо, не смущала. И хотя Китай согласился на все требования в инциденте с убийством миссионеров, германские суда заняли бухту Киао-Чао и высадили отряд на берегу. Это был «новый факт» огромного значения. Россия должна была определить свое отношение к этому факту. Крайним, быть может, наиболее последовательным решением (с точки зрения русско-китайской дружбы) была бы война с Германией за права Китая. Война с Германией означала бы притом войну со всем Тройственным союзом, при враждебном отношении Англии и Японии – едва ли и Францию могла прельщать перспектива войны в *таких* условиях. Такая возможность имелась в виду весьма недолго: уже 18 (30) ноября, после беседы с русским послом Остен-Сакеном, Бюлов писал: «По моему впечатлению, русские не нападут на нас из-за Киао-Чао и не захотят с нами в данный момент ссориться».

Сторонники китайской дружбы, как князь Ухтомский, предлагали выжидать и поддерживать Китай в пассивном сопротивлении. Через несколько лет, говорили они, когда Сибирская дорога будет готова, такая политика принесет свои плоды. Той же точки зрения, по-видимому, держался в то время и министр финансов Витте.

Но такая политика имела и оборотную сторону. Время – существенный фактор в международной жизни; где была гарантия, что оно будет работать *в пользу* России? Раздел Китая мог далеко подвинуться вперед за эти годы; маньчжурская династия, на дружбу с которой делалась ставка, легко могла оказаться свергнутой за эти годы; и Россия в борьбе за китайское наследство оказалась бы где-то далеко на севере, без незамерзающей базы для флота.

Уравновешивалось ли это китайскими симпатиями? Да и существовало ли как реальная политическая величина это русско-китайское «сродство душ»?

Из этих противоречивых тенденций вытекло в итоге решение: заручиться в Китае опорным пунктом, по возможности не порывая дружбы с китайским правительством. Даже для защиты Китая от дальнейшего раздела такое решение представлялось целесообразным.

3 (15) декабря 1897 г. русские военные суда вошли в Порт-Артур и Талиенван, те самые гавани на Ляодунском полуострове, которые были отняты у Японии два с половиной года перед тем.

В течение двух-трех месяцев после этого велась сложная дипломатическая игра. Германский император с большой торжественностью напутствовал в Киле своего брата, принца Генриха, отправлявшегося с эскадрой на Дальний Восток. Англия неожиданным жестом предложила России вступить с ней в переговоры о разделе Турции и Китая. Государь, придерживаясь соглашения с Австрией насчет сохранения status quo на Балканах, уполномочил графа Муравьева вести переговоры только о Дальнем Востоке, и то в особой пометке указал, что «нельзя делить существующее независимое государство (Китай) на сферы влияния».²⁷

В интересной статье китайского публициста в одной пекинской газете от конца декабря 1897 г.²⁸ доказывалось, что при самых лучших намерениях Россия будет владеть Порт-Артуром и Талиенваном, пока Китай не станет достаточно силен, чтобы защитить их без чужой помощи: «При таких условиях я опасюсь, что никогда не наступит день возвращения их Китаю. Приняв на себя это тяжелое бремя, Россия даже если бы пожелала избавиться от него, то не могла бы это сделать... От этих двух бухт за Китаем останется одно только пустое имя».

Предсказывая мрачное будущее своей стране, китайский публицист далее писал: «Наше положение совершенно тождественно с тем, когда при вторжении разбойников в дом вся семья, сложив руки, ждет поголовного истребления. Конечно, пассивная ли смерть от рук злодеев, или же смерть после взаимной борьбы с ними, будет та же смерть, но смерть неодинаковая... Связанное животное и то борется, а тем более человек. В настоящее время Китай хуже всякого животного». И в заключение в этой статье Китаю предлагалось оказать Германии сопротивление: Германии, а не России, так как занятие Порт-Артура всеми рассматривалось только как ответный шахматный ход на десант в Киао-Чао.

Если бы в Китае нашлось достаточно энергии и решимости на борьбу, если бы он в тот момент не продолжал «быть хуже связанного животного», русские друзья Китая, вроде князя Ухтомского, могли бы в этом найти опору для своей политики. Но Китай пока оставался мертвым телом, и не без помощи крупных «комиссионных» руководящим китайским политикам во главе с Ли Хунчаном, 15 (27) марта 1898 г. в Пекине было подписано новое русско-китайское соглашение. В нем официально подтверждалась неизменность русско-китайской дружбы, и в качестве нового ее доказательства России предоставлялись на 25 лет в аренду «порты Артур, Талиенван, с соответствующими территориию и водным пространством, а равно предоставлена постройка железнодорожной ветви на соединение этих портов с великой сибирской магистралью».

«Обусловленное дипломатическим актом 15 марта мирное занятие русскою военно-морскою силою портов и территории дружественного государства как нельзя лучше свидетельствует, что правительство богдыхана вполне верно оценило значение состоявшегося между нами соглашения», – говорилось в правительственном сообщении по этому поводу.

Занятие Ляодунского полуострова было сочтено естественным и неизбежным не только в Западной Европе, но и в значительной части русского общества. «Нельзя отрицать, –

²⁷ Это было то самое предложение, о котором упоминал государь в своем ответе императору Вильгельму (см. выше).

²⁸ Статья приведена в «Вестнике Европы» (1898. № 3).

писал либеральный «Вестник Европы», – что момент для сделанного нами шага выбран удачно. Приобретение нами Порт-Артура и Талиенвана ни в чем не нарушает установившейся международной практики, а, напротив, вполне соответствует ей... Если Россия удовлетворяет свою действительную потребность в удобном и незамерзающем порте на берегах Тихого океана, она только исполняет свой долг великой державы».

Разумеется, более левые течения, хотя бы «Русское богатство» (осуждавшее и французскую колониальную политику в Индокитае), хранили по этому вопросу несочувственное молчание.

Протестующие, хотя и в осторожной форме, голоса раздавались только со стороны «китаефилов». В беседе с германским публицистом Рорбахом князь Э. Э. Ухтомский весной 1898 г. говорил: «Я сейчас в оппозиции нашему Министерству иностранных дел. Я против занятия Порт-Артура. Я осуждал занятие немцами Киао-Чао. Мы должны делать все возможное для укрепления престижа пекинского правительства. Если в Китае разразятся беспорядки, маньчжурская династия будет свергнута, и ей на смену явится фанатичная национальная реакция... В сущности, – продолжал князь Ухтомский, – в Пекине уже нет правительства. При таких условиях можно без сопротивления добиться заключения на бумаге любых договоров. Но когда династия падет – иностранцев вырежут».

Заключая договор об аренде Порт-Артура, Россия в то же время сделала некоторую уступку Японии в корейских делах: в марте 1898 г. были отозваны из Кореи русские военные инструкторы и финансовый советник. «Россия может отныне воздерживаться от всякого деятельного участия в делах Кореи в надежде, что окрепшее благодаря ее поддержке юное государство будет способно самостоятельно охранять как внутренний порядок, так и внешнюю независимость», – стояло в правительственном сообщении по этому поводу. Тут же, впрочем, добавлялось: «В противном случае императорское правительство примет меры к ограждению интересов и прав, присущих России как сопредельной с Кореей великой державе».

В Японии занятие Порт-Артура – так недавно у нее отобранного – вызвало большое озлобление. Впрочем, Япония уже с 1895 г., со своей легкой победы над Китаем, преследовала цели, несовместимые с русской политикой первенства в Азии, и конфликт уже с этого времени представлялся неизбежным – разве только Россия была бы настолько сильнее, что Япония не решилась бы на нее напасть.

Сибирская дорога строилась одновременно на нескольких отрезках, но к тому времени, как на Дальнем Востоке развернулись новые события, сплошное движение было открыто по ней только до Байкала. Вслед за Германией и Россией Англия также заручилась морской базой в Китае, переняв от Японии порт Вей-Ха-Вей (который японцы занимали в качестве залога для обеспечения уплаты китайской контрибуции за войну 1894–1895 гг.). Английское правительство всячески добивалось от России признания принципа сфер влияния в Китае; оно заключило соглашение с Германией о принципе открытых дверей в долине Янцеканга; с Россией после двух переговоров было подписано в конце 1899 г. соглашение, по которому Россия обещала не добиваться железнодорожных концессий на юг от Янцеканга, а Англия обещала то же насчет Северного Китая. Вопрос об уже начавшей строиться на английские деньги железной дороге Пекин – Мукден остался при этом открытым.

После того как Гагская конференция – и в особенности отношение держав к русской ноте 12 августа – наглядно показала, что при данном международном положении нельзя рассчитывать на упразднение войны, Россия, как и другие державы, должна была принять меры для утверждения своего положения в мире – таком, как он есть. И это не только не стояло в противоречии с инициативой государя – как инсинуировали потом враги русской власти (вплоть до графа Витте), – это было *логическим выводом* из неуспеха Гагской конференции: в мире, где все строится на силе, где вопрос об ограничении вооружений встречается только

недоверие и вражду, Россия должна была быть сильной – и для сохранения мира, и на случай войны. Но государь, считаясь с тем, что на Дальнем Востоке борьба почти неизбежна, в то же время сохранял неизменное миролюбие и с точки зрения поклонников «превентивных войн», быть может, даже упустил «удобный момент» для нанесения удара Англии.

Со второй половины 1899 г. Англия ввязалась в южноафриканскую войну, которая оказалась много труднее, чем думали все. Народ в несколько сот тысяч человек, почти без артиллерии, оказался в состоянии связать почти на три года военные силы Британской империи. Непопулярность Англии во всех европейских государствах была так велика, что отовсюду к бурам стремились десятки, сотни добровольцев. Государь разделял общее отношение к этой борьбе «Давида с Голиафом», как тогда говорили, – то отношение, которое побудило гласного Московской городской думы А. И. Гучкова отправиться добровольцем в Южную Африку. В письмах к близким он не скрывал своих чувств и писал великой княгине Ксении Александровне, насколько ему приятна мысль о том, что он бы мог решить исход этой борьбы, двинув войска на Индию. Но государь сознавал, что это было бы трудным и рискованным начинанием, которое могло бы вылиться в общеевропейскую войну. Дальше замечаний в частных письмах он не пошел, хотя некоторые министры и склонялись к желательности использовать английские затруднения.

Англия, со своей стороны, делала некоторые шаги навстречу России и (31 августа 1899 г.) впервые согласилась на учреждение должности русского консула в Бомбее, в той Индии, которую так старательно оберегали от русских влияний.

В ноябре 1899 г. германский статс-секретарь по иностранным делам Бюлов (который вскоре после этого был назначен канцлером) имел с государем крайне знаменательную беседу в Потсдаме, где государь на шестом году своего царствования в первый раз остановился проездом из Гессена.

Государь говорил с Бюловым прямо и определенно. Отозвавшись с сочувствием о бурах, он сказал, что Россия не будет вмешиваться в африканские дела. Россия хочет мира. Она не желает и конфликта между Англией и Францией. *Если бы она этого хотела, конфликт бы разразился уже год назад* (государь этими словами подтвердил распространенное мнение о роли русской дипломатии при разрешении англо-французского конфликта из-за Фашоды).

«Нет никакого вопроса, – сказал далее государь, – в котором интересы Германии и России находились бы в противоречии. Есть только один пункт, в котором вы должны считаться с русскими традициями и бережно к ним относиться, – а именно на Ближнем Востоке. Вы не должны создавать впечатления, будто вы хотите вытеснить Россию, в политическом или экономическом отношении, с того Востока, с которым она веками связана многими узами национального и религиозного характера. Даже если бы я сам относился к этим вопросам более скептически или равнодушнее, я бы должен был все-таки поддерживать русские традиции на Востоке. В этом отношении я не могу вступить в противоречие с заветами и чаяниями моего народа».

Эти предостерегающие слова – полная сила которых сказалась через без малого пятнадцать лет в 1914 г. – были произнесены в момент, когда русско-германские отношения были вполне дружественными, когда русский министр иностранных дел, отрицая приписанные ему слова о желательности возвращения Эльзаса к Франции, воскликнул: «За дурака меня, что ли, считают?» Беседа с Бюловым показывает, что государь, занятый в то время дальневосточными планами, не забывал и о русских интересах на Ближнем Востоке и не хотел идти дальше русско-австрийского соглашения о временном сохранении status quo.

Первые два года после занятия Порт-Артура и Киао-Чао (начало 1898 г. – начало 1900 г.) прошли на Дальнем Востоке без заметных событий. Китай, казалось, продолжал «дремать»; Россия сохраняла прежний политический курс, поддерживая добрые отношения

с китайским правительством. Появление Америки на Дальнем Востоке (заявление Филиппин) прошло почти незамеченным, а между тем оно имело большое значение, так как закрыло Японии путь к расширению на юг, к созданию островной империи. Присоединение «нижних» Гавайских островов к Соединенным Штатам (в 1899 г.) не вызвало протестов ни с чьей стороны.

Россия усиленно развивала строительство своего военного флота. Франко-русские отношения стали несколько более прохладными, чем во времена Ганота. Франция не особенно сочувствовала русским дальневосточным планам, успех которых сделал бы Россию независимой от каких-либо западноевропейских влияний. Дело Дрейфуса выдвигало к тому же на первый план левые круги, менее увлеченные надеждами на русскую поддержку. Ни с той ни с другой стороны, однако, не появлялось и мысли о расторжении союза.

Весною 1900 г. в Китае начала усиливаться агитация против иностранцев; но державы, привыкшие к полной пассивности китайцев, мало обращали на это внимания. Смутные слухи о Союзе большого кулака, руководившем агитацией против «заморских чертей», стяжали этому движению ироническое прозвище «боксеров».

Восстание, однако, разразилось повсеместно и с огромной силой, точно из-под почвы всюду хлынула вода. Пекинский дипломатический корпус был застигнут врасплох стихийной силой движения. Еще 8 (21) мая китайскому правительству была предъявлена нота, требовавшая ареста всех членов общества «боксеров» и всех домовладельцев, допускающих у себя их собрания, а также казни лиц, виновных в покушении на жизнь и имущество, и казни «лиц, руководящих действиями боксеров и снабжающих их денежными средствами». Еще 13 (25) мая русский посланник М. Н. Гирс сообщал в Санкт-Петербург, что иностранные представители «не видят оснований считать центральное правительство бессильным подавить восстание «боксеров», и распорядился отослать обратно в Порт-Артур присланную оттуда в Таку русскую канонерку. Для защиты миссий были все же вызваны десанты, но только по 75 человек на миссию. Еще 31 (18) мая 1900 г. Бюлов запрашивал германского посланника в Пекине, не означает ли возникающая смута начало окончательного раздела Китая; в восстании видели только один элемент: ослабление власти маньчжурской династии!

Еще 20 мая (2 июня) русский посланник сообщал, что с приходом десантов в Пекине стало спокойнее... Но уже «не далее как через неделю д[ействительный] с[татский] с[оветник] Гирс телеграфировал не без тревоги (говорится в правительственном сообщении от 25 июня), что роль посланников окончена и дело должно перейти в руки адмиралов. Только быстрый приход сильного отряда может спасти иностранцев в Пекине». Но было уже поздно: Пекин оказался отрезанным от моря, а посольский квартал – осажденным китайскими войсками. Когда посланники предъявляли требования о «наказании виновных», когда они еще чего-то добивались у китайского правительства – извне уже было ясно, что власть в данном случае заодно с «восставшими». Китай, так долго молчавший и покорявшийся, перестал быть «мертвым телом», «связанным животным»: он восстал на иностранцев; и правительство, хотя и не вполне убежденное в целесообразности этого восстания, поддалось народному движению. Говорили – наверное, никто этого не знал, – что принц Туан, родственник императора, захватил власть, что вдовствующая императрица Циси бежала... Говорили тоже, что она сама отдала приказ истреблять иностранцев... Молва, как обычно, умножала «китайские зверства»; но несомненно, что сотни белых, в том числе немало женщин и детей, мелкими группами разбросанных по Китаю, погибли при этом внезапном пробуждении китайского национализма.

Сообщение с Пекином было прервано – беспроволочного телеграфа тогда еще не существовало, – и в Европе были получены известия о том, что все дипломаты с их семьями погибли в страшных мучениях...

В то же время китайцы, обычно столь мало воинственные – даже презиравшие военное ремесло, – вдруг оказались бесстрашными; шли на смерть почти безоружные, и английский отряд адмирала Сеймура, двинувшийся на выручку миссий, не только не пробился до Пекина, но еле-еле при поддержке русских моряков отступил обратно к Тяньцзиню.

В самый разгар этих событий, 8 (21) июня 1900 г., скорпостижно скончался министр иностранных дел граф М. Н. Муравьев; его преемником был назначен товарищ министра граф В. Ю. Ламздорф; это, впрочем, ни в каком отношении не повлияло на курс русской внешней политики.

Все, кто предсказывал «желтую опасность», громко заговорили, что она уже стоит у ворот. Западные державы, перед угрозой их миссиям, сплотились и решили послать в Китай свои войска, и прежде всего обратились к наиболее близким державам – России и Японии – с просьбой об оказании вооруженной поддержки.

Опять Россия стояла перед трудным выбором: стать ли ей в ряды европейских держав и вместе с ними взяться за сокрушение и раздел Китая – или же не отступать от плана дружбы с Китаем и по мере возможности тормозить выступления других держав?

Китайцы в своем движении против иностранцев не делали различия между русскими и «прочими». Но сторонники дружбы с Китаем объясняли это тем, что Россия, заняв Порт-Артур, приобщила к политике раздела Китая. Они по-прежнему верили, что русско-китайское сотрудничество было бы возможно. Князь Э. Э. Ухтомский издал книгу «К событиям в Китае».

«Мы стоим, – писал он в предисловии к этой книге (в июле 1900 г.), – накануне великих катастроф. Движение, пока охватившее лишь часть Китая и, конечно, всю тяжестью обрушивающееся сейчас на Россию за ее, надо надеяться, временное и случайное отождествление своих интересов с интересами других, хищнически настроенных и лукаво действующих держав, – это движение грозит разрастись до небывалых размеров... Нам необходимо лишь держаться исторического пути и ни на одно мгновение не терять из виду своих прямых задач в родной и близкой нам по духу Азии». Князь Ухтомский не скрывал своего сочувствия к китайскому национальному движению и говорил даже, что китайцы «дают Западу хороший урок».

В том же духе составил свою записку «Европа и Китай» один из главных русских деятелей Гаагской конференции, профессор международного права Ф. Ф. Мартенс (в том же июле 1900 г.). В ней стояло: «Китайцы будут побеждены, но никакая победа не уничтожит народа в 430 миллионов. Это восстание против всех иностранцев имеет глубокие корни. В 1880 г. я писал: «Чем китайское правительство слабее, чем оно более имеет врагов в своей стране, тем более цивилизованные державы должны помнить, что всякая неуместная пропаганда, равно и всякое вмешательство в дела внутреннего управления могут привести только к двум результатам: или вызвать падение нынешнего правительства в Пекине, или принудить последнее открыто примкнуть к народу для истребления всех иностранцев. При первой гипотезе нет никакой гарантии, чтобы новая династия более благоприятствовала сношениям с внешним миром. При второй – в случае истребления или изгнания иностранцев – будет весьма трудно обратно завоевать утраченное положение».

Профессор Мартенс следующим образом формулировал принципы русской политики в Китае: 1) совершенно особое преобладающее положение России; 2) неприкосновенность Китая; 3) за избиения иностранцев можно требовать только морального и денежного возмещения; 4) необходимо существование устойчивого китайского правительства. («Если ныне царствующая маньчжурская династия оказалась негодною, необходимо поставить другого китайского императора и в случае надобности поддерживать его».)

Между тем китайское национальное движение захватило и редко населенную Маньчжурию, там начались нападения на русских инженеров и рабочих вдоль линии строящейся

железной дороги. Это движение явно поддерживалось местными китайскими властями. Сообщение по суше между Порт-Артуром и Сибирью было прервано.

На Западе под впечатлением вестей о резне иностранцев разрасталась кампания против Китая. Император Вильгельм II, провожая отряд, отправляющийся на Дальний Восток, с обычной экспансивностью произнес речь, в которой пестрели слова о «бронированном кулаке» и о том, что «пощады не давать». На эту речь откликнулся своим предсмертным стихотворением Владимир Соловьев, живший под нараставшим кошмаром «желтой опасности». «Христов огонь в твоём булате, и речь грозящая свята, – писал он. – ...Перед пастью дракона – ты понял – крест и меч – одно!»²⁹

Русское общество сравнительно слабо откликнулось на китайские события, не сочувствуя ни Вл. Соловьеву, ни князю Ухтомскому («От прогрессирующей безличности и некультурности нашего живущего миражами интеллигентного слоя мы теряем политическое чутье в восточных делах», – писал по этому поводу автор «К событиям в Китае»).

Но русское правительство старалось выдержать среднюю линию. Оно не могло не принимать участия в действиях против «боксеров» – хотя бы уже потому, что русские дипломаты вместе с другими были осаждены в Пекине, что в Маньчжурии удары китайцев непосредственно падали на русские начинания. Но в то же время Россия отстаивала в дипломатическом отношении несколько искусственную позицию: движение – это мятеж, а с китайским правительством мы хотим оставаться в дружбе.

Япония, со своей стороны, поспешила предложить европейским державам свои услуги в деле подавления китайского восстания. В районе Тяньцзиня в июле стал формироваться большой международный отряд: 12 000 японцев, 8000 русских (переброшенных по морю из района Порт-Артура); по 2000–3000 других. Командование над этими отрядами после долгих дипломатических переговоров решено было поручить германскому фельдмаршалу графу Вальдерзее: Германия была наиболее обиженной стороной – подтвердились к тому времени слухи об убийстве германского посланника в Пекине; а Россия сама не пожелала возглавлять карательную экспедицию против Китая.

В это время на самой русско-китайской границе возникла паника. Русский пограничный город Благовещенск подвергся продолжительному ружейному обстрелу с китайского берега Амура; стреляли, несомненно, китайские «регулярные» солдаты. Русские войска были ненадолго перед тем уведены вниз по Амуру. Благовещенск был почти без защиты, и паника, охватившая местных жителей и местные власти, выразилась в жестокой расправе с местными китайцами: боясь, что проживающие в городе китайцы устроят восстание в тылу, наслышавшись о зверствах, происходящих в Китае, благовещенские власти собрали всех «желтых» на берег Амура и велели им вплавь переправляться на маньчжурский берег. Только меньшинству удалось переплыть широкую реку, несколько сот китайцев потонуло. Этот трагический инцидент, понятный в тревожной атмосфере момента (местная интеллигенция – с возмущением отмечала либеральная печать более отдаленных от границ мест – одобряла эти панические репрессии), показывал, насколько трудно было выдерживать на практике линию «русско-китайской дружбы».

Еще задолго до прибытия фельдмаршала Вальдерзее международное войско, выдержавшее в течение месяца встречные бои у Тяньцзиня, двинулось (5 августа н. ст.) вперед, и уже 15 (2) августа русские войска под командой генерала Линеви́ча заняли столицу Китая. В то же время русский отряд генерала Ренненкампа походным порядком пересекал Маньчжурию с севера на юг, почти не встречая сопротивления.

²⁹ В. С. Соловьев скончался 31.VII.1900. Стихотворение «Дракон (Зигфриду)» написано в июле.

Посольский квартал в Пекине оказался нетронутым: он был, в сущности, только блокирован китайскими войсками в течение двух месяцев. Тотчас же Россия, возвращаясь к политике доброжелательства к Китаю, поспешила отмежеваться от остальных держав.

8–21 августа государь, считая военную экспедицию оконченной, распорядился приостановить дальнейшую отставку русских войск в Китай. 12–25 августа Россия обратилась к державам с циркулярной нотой, рекомендуя не только увести из Пекина международное войско, но и переселить миссии в более безопасный Тяньцзинь: в Пекине сейчас все равно нет китайского правительства, указывалось в ноте. Больше того – оно и не может вернуться в Пекин, пока в нем стоят иностранные войска; и даже если бы оно и вернулось, его бы не стали слушаться в стране, считая его пленным.

Германия особенно резко восстала против этой точки зрения. Россию обвинили в том, что она нарушает единый фронт держав. Однако вскоре и другие государства убедились в том, что русская точка зрения при создавшихся условиях была обоснованной.

С кем вести переговоры? Китайское правительство было неизвестно где; не знали в точности, из кого оно состоит. Международный отряд, опиравшийся на линию Пекин – Тяньцзинь – Таку, занимал китайскую столицу; европейские мародеры грабили дворцы запретного города; но это был только маленький островок во враждебном желтом море. Китай не сдался. Державы предъявили китайцам (15 сентября) требование о выдаче «виновников восстания», в том числе принца Туана; в ответ пришло известие, что 25 сентября тот же принц Туан назначен председателем Государственного совета!.. Отчаянное предложение тяньцзиньского консульского корпуса – угроза разрушить в виде наказания могилы предков маньчжурской династии – не встретило сочувствия и у западных правительств. Русские войска между тем заняли всю Маньчжурию от русской границы до Ляодунского полуострова. Работы по постройке железной дороги возобновились.

Державы стали разрабатывать проект условий ликвидации «боксерского инцидента» (в конце концов была принята фикция, что с Китаем не было войны). Россия в этих переговорах старалась отстоять возможно более выгодные условия для Китая. В частности, она упорно боролась против требования о выдаче и о предании смертной казни высших китайских сановников, считавшихся сторонниками движения против иностранцев. В конце года нота была наконец вручена отыскавшемуся китайскому правительству, которое не замедлило на все согласиться; и международный отряд покинул Пекин.³⁰

В результате двух событий, вызванных не Россией, – занятия Киао-Чао немцами и восстания «боксеров» – Россия таким образом получила в руки незамерзающий порт на Тихом океане и полосу – широкую полосу – территории, соединяющей этот порт с прежними русскими владениями, о чем писал государь в своей резолюции от 2 апреля 1895 г. Эти цели были достигнуты, хотя владение территорией было еще не оформлено; однако обстановка во многом осложнилась. Авторитет китайского правительства, на добрых отношениях с которым основывалась первоначальная «большая азиатская программа», был сильно подорван; оно еще могло поддерживать внутреннее единство государства, но во внешней политике вынуждено было все время оглядываться на весьма ревнивое национальное движение, для которого все иностранцы были равны, и всякая уступка им казалась государственной изменой.

Следует, впрочем, отметить, что не действия России ослабили этот авторитет маньчжурской династии: поражение в войне с Японией, беспрепятственное занятие немцами Киао-Чао, а для некоторой части интеллигенции, начинавшей «европеизироваться», также решительный отказ от внутренних реформ – все это создавало китайской власти растущее

³⁰ Окончательное соглашение о размерах контрибуции, обеспеченной доходом от китайских таможен, состоялось только 7.IX.1901; Тяньцзинь и Шанхай были очищены от европейских войск только в 1902 г.

число врагов совершенно независимо от занятия русскими Порт-Артура. Если бы Россия окончательно отстранилась от китайских событий и не закрепила за собой соседних областей – это едва ли бы создало для нее лучшее исходное положение при борьбе за преобладание на Дальнем Востоке: весьма вероятно, что это было бы только сочтено признаком слабости; китайский народ все равно не стал бы выделять русских из общей массы «белых чертей», а благоволение слабеющей маньчжурской династии весило уже весьма немного.

Маньчжурия в ту пору была весьма редко населена – на ее огромном пространстве около миллиона квадратных верст было всего 3–4 миллиона жителей. Эта провинция, вотчина китайского императорского дома, была тогда еще закрыта для поселенцев. Во многих местностях вдоль строящейся Восточно-Китайской дороги китайское население почти отсутствовало. Маньчжурия была как бы прямым продолжением Сибири – в лучших, наиболее плодородных ее частях.

* * *

На Дальнем Востоке Россия встречала наступление XX в. при благоприятной обстановке. Сибирь находилась в периоде быстрого роста. Организованное в начале царствования императора Николая II Переселенческое управление направляло широкие потоки «ходоков» и переселенцев из Европейской России в наиболее пригодные для ведения сельского хозяйства местности. Сибирская дорога доходила непрерывной колеей до Иркутска и действовала на нескольких других участках (например, в Уссурийском крае). Население Сибири за 5–6 лет увеличивалось с возрастающей быстротой. На сибирские губернии еще в 1896 г. было распространено действие судебных уставов 1864 г.

Указом 12 июня 1900 г. государь провел важную реформу – об отмене ссылки на поселение в Сибирь. Мера эта, упразднявшая так хорошо – понаслышке – известную всюду за границей «сибирскую ссылку», отнюдь не была отменой жестокой системы репрессий, которую в таких мрачных красках представляли себе в Западной Европе под «страшным» именем Сибири: это была мера предохранения ценной русской окраины против ее «засорения» нежелательными элементами. Не Сибирь была слишком плоха для ссыльных – ссыльные были недостаточно «хороши» для Сибири! Государь, как говорится в указе, решил «снять с Сибири тяжелое бремя местности, в течение веков наполненной людьми порочными».³¹

В качестве места ссылки был оставлен только остров Сахалин; кроме того, разумеется, не были упразднены существовавшие в Сибири (и не только в Сибири) каторжные тюрьмы. «Вестник Европы» вполне основательно сопоставлял отмену ссылки в Сибирь с развитием событий в Китае: «В будущем, более или менее близком, следует ожидать или действительного преобразования Китая, или соперничества держав на его развалинах. И в том и в другом предположении такая обширная часть нашей империи, как Сибирь, непосредственно примыкающая к древнему Китаю, не должна являться только узкою железнодорожной полосой, служащей к соединению Европейской России с берегами Тихого океана; надобно желать Сибири быстрого и широкого развития местных сил, что, в свою очередь, будет иметь последствием привлечение в нее из метрополии всего, что в ней есть лучшего и предприимчивого, – в противность тому, чем европейская Россия награждала Сибирь до настоящего времени и чему теперь, весьма и весьма своевременно, положен конец».

³¹ Ссылка на поселение в Сибирь применялась как по судебным приговорам, так и в административном порядке, чаще всего – по постановлениям сельских обществ «за порочное поведение». С 1887 по 1899 г. в Сибирь было выслано 100 000 человек – 52 000 в административном порядке (из них 47 000 – по решению сельских сходов) и 48 000 – по суду. Одновременно с отменой ссылки в Сибирь было отменено и наказание розгами, применявшееся по решениям сельских обществ.

Глава 6

Русская литература и искусство к концу XIX в. – Организация революционных сил. – Вопрос о продолжении земской реформы 1864 г. – Манифест 3 февраля 1899 г. о Финляндии. Студенческие волнения 1899 г.; события 8 февраля; комиссия Ванновского; временные правила 29 июля. – Poleмика князя С. Н. Трубецкого с князем Д. Н. Цертовым. «Самодержавие и земство». – Правый курс; назначение Д. С. Сипягина. – Кончина наследника; болезнь государя. – Отъезд духоборов в Канаду и отлучение графа Л. Н. Толстого. «Россия накануне XX столетия». – Убийство Н. П. Боголепова. – Демонстрация 4 марта 1901 г. – Назначение генерала Ванновского министром народного просвещения

Конец XIX в. – «чеховские годы» в русской литературе. Один за другим сошли в могилу А. Н. Майков (1897), Я. П. Полонский (1898), Д. В. Григорович (1899). На первое место выдвинулся А. П. Чехов, этот тонкий психолог и меткий наблюдатель, которому радикальная критика прощает «отсутствие положительных общественных взглядов» за его «тоску по идеалу», выражающуюся в изображении серости и скуки русской провинциальной жизни. Среди новых имен выделился в эти годы Максим Горький, ставший знаменитым почти вдруг (1898); его рассказы о «босях», у которых ничего нет, но которым ничего и не надо, казались чем-то новым на фоне перепевов «гражданской скорби».

«Северный вестник», отражавший новые течения в литературе, закрылся, но «декадентство», как называли тогда представителей символизма и духовных исканий, нашло ряд новых представителей: Д. С. Мережковский создал свою трилогию «Христос и Антихрист»; З. Н. Гиппиус – книги рассказов и стихов, Федор Сологуб – первые книги стихов и роман «Тяжелые сны»; стал выдвигаться К. Д. Бальмонт; Валерий Брюсов выпустил свои первые сборники, жестоко осмеянные Вл. Соловьевым.

Новые течения еще ярче проявлялись в живописи, чем в литературе. Стараниями группы художников, объединенных вокруг С. П. Дягилева, возникли (в конце 1898 г.) сначала выставки, а потом и журнал «Мир искусства». В нем участвовали Александр Н. Бенуа, К. Сомов, М. Добужинский, Л. Бакст, К. Коровин, В. А. Серов (получивший на Парижской всемирной выставке 1900 г. первый приз за портрет великого князя Павла Александровича). Левый шаблон в живописи начинал приедаться; выставки передвижников казались тусклыми и меньше привлекали публику. «Мир искусства» вступил в борьбу с толстыми журналами, защищая чистое искусство.

«Нас назвали детьми упадка, – писал С. П. Дягилев, – и мы хладнокровно и согбенно выносим бессмысленное и оскорбительное прозвище декадентов. Что должны мы считать нашим расцветом? Где наши Софоклы, Леонардо, Расины, которые могут презрительно видеть в нас лишь немощное извращение созданного ими искусства? У нас модно царили такие силы, как Чернышевский, Писарев, Добролюбов». И, презрительно отозвавшись об учениях, «отводивших искусству роль послушных школьников на помочах у противохудожественной теории социализма», редактор «Мира искусства» писал: «Великая сила искусства заключается в том, что оно самоцельно, самополезно, а главное – свободно».

Примечательно, что лозунг «свобода искусств» в России был направлен не против царской власти, отнюдь на него не посягавшей, а против морального гнета радикальной интеллигентской критики. Русская императорская власть, следуя лучшим монархическим традициям всех времен, оказывала широкую поддержку изобразительным искусствам: А. Н. Бенуа заведовал художественной частью Нижегородской выставки; Л. Бакст и др. работали в императорских театрах или художественном издательстве при Красном Кресте (Община святой Евгении); среди произведений В. А. Серова видное место занимают портреты царской семьи, в особенности лучший и наиболее известный из портретов государя, написан-

ный в 1900 г. для императрицы Александры Феодоровны.³² Ему же принадлежат картины коронационных торжеств.

7 марта 1898 г. был открыт в Санкт-Петербурге, в помещении Михайловского дворца, Русский музей имени императора Александра III; туда были перенесены произведения русских художников и скульпторов из Эрмитажа; музей далее неизменно пополнялся новыми приобретениями лучших картин с современных русских художественных выставок.

В области театра, кроме расцвета императорского балета, наблюдались новые искания: в Москве открыли в 1897 г. Художественный театр, который, под руководством К. С. Станиславского, создал себе затем громкое имя в России и за границей. В. Ф. Комиссаржевская, появившаяся в конце 90-х гг. на сцене, быстро завоевала горячую симпатию публики.

Быстро распространилась «живая фотография» – в то время далекая от искусства. Уже в 1898 г. было издано распоряжение, запрещающее показывать на экране Спасителя, Богоматерь или святых угодников.

Неизменно, из года в год, росли ассигнования на народное образование; особенно быстро развивалась сеть церковно-приходских школ; Министерство финансов, в свою очередь, создало свой особый тип средней школы «коммерческие училища» и готовило открытие Политехнического института в Санкт-Петербурге.

В экономическом отношении два неурожайных года (1897 и 1898), а также кризис, распространившийся по всей Европе, несколько замедлили быстрый темп роста русского хозяйства; но самый рост промышленности и развитие железнодорожной сети продолжались, несмотря на эти затруднения. Поступление косвенных налогов и сбора с увеселений и зрелищ неуклонно возрастало. «Как видите, нам живется веселее», – иронизировал, сообщая этот факт, либеральный журнал.

* * *

За этот же период росли и «нелегально» организовывались также и силы противников существующего строя. Вслед за Польской социалистической партией, возникшей в начале 90-х гг. (среди ее учредителей стоит отметить Иосифа Пилсудского), за еврейским Бундом на съезде в Минске (в 1898 г.) была учреждена Российская социал-демократическая рабочая партия, в которую влились Союз освобождения рабочего класса и несколько других групп. Съезд был застигнут полицией; большинство участников арестовано; но все же эту дату как «день рождения» своей партии празднуют и большевики, и меньшевики. Много позже организационно объединились революционные элементы народнического направления (социалисты-революционеры), но отдельные их группы, ведущие свою «родословную» от пресловутой «Народной воли», действовали вместе с «марксистами». Вообще в эту раннюю пору между революционными и даже оппозиционными элементами, при всяческих теоретических разногласиях, на деле царило значительное единодушие.

«В свирепой трудной борьбе с самодержавием, – провозглашал заграничный нелегальный орган,³³ – необходимы все наличные силы, несмотря на то, какого цвета или формы их отличительные ярлыки и какую именно кличку они для себя почему-либо выбрали. Единственным символом веры, единственным условием *sine qua non* мы признаем только враждебность принципу самодержавия. Вы – наш союзник, раз Вы искренне верите в этот тезис; а как Вы считаете наилучшим уязвить и уничтожить его – это дело Вашей собственной совести и понимания».

³² Портрет этот был исполнен самим художником в двух экземплярах: один был изувечен при взятии большевиками Зимнего дворца, другой находится в Москве.

³³ Современник. Лондон, 1897.

Тайные революционные организации были наиболее распространены в студенческой среде. В частности, в Киевском университете были сильные группы Бунда и польских социалистов. Конечно, только незначительное меньшинство входило в эти организации; но другие направления оставались вовсе неорганизованными.

Последовательный консерватор «аристократического» толка, князь В. П. Мещерский, писал на новый 1898 г.: «Раздаются новые голоса, рождаются новые мысли, являются новые желания и стремления, чуются новые воли; из мутной тины осадков давнего прошлого встают какие-то новые государственные допросы... из всей этой мути слагается нечто вроде настроения... Наружность, платья такие же, и вид один и тот же, но дорожащие только этим сходством настоящего с прошлым не замечают, что платье это понемногу расползается по швам... Наши друзья французы нередко говорят в беседах с нами: «Вы, вы счастливее нас, у нас 500 волей распоряжаются Францией, а у вас одна воля управляет Россией; у вас Бог есть главная жизненная потребность, у нас Он только роскошь...» Признаюсь, я предпочел бы, чтобы не французы нам это говорили с завистью, а чтобы мы это говорили французам с гордостью...»

Государь знал, разумеется, что городская интеллигенция относится враждебно к существующему порядку; но он глубоко верил, что отношение народных масс – совершенно иное. В беседе с московским губернским предводителем дворянства князем П. Н. Трубецким (летом 1898 г.) государь коснулся вопроса об ограничении самодержавия и сказал, что он готов был бы поделиться с народом властью, но сделать этого не может: ограничение царской власти было бы понято как насилие интеллигенции над царем, и тогда народ стер бы с лица земли верхние слои общества. (Судьба интеллигенции и «буржуазии» после свержения царской власти показала, что в этом представлении было немало верного.)

Не желая непрестанно ломать и строить сызнова, государь в то же время продолжал «достройку» и «ремонт» здания Российской империи и постепенно окружил себя сотрудниками по своему выбору. К концу века восемь (из двенадцати) министров, которых государь застал при своем восшествии на престол, были уже заменены другими (трое вследствие смерти).³⁴ Из министров эпохи императора Александра III оставались только К. П. Победоносцев, С. Ю. Витте и назначенные в последний год царствования Н. В. Муравьев (юстиции) и А. С. Ермолов (земледелия).

На место скончавшегося на 79-м году жизни министра народного просвещения графа И. Д. Делянова (занимавшего этот пост свыше 16 лет) был назначен в начале 1898 г. профессор римского права Н. П. Боголепов. «Я сознаю, – сказал он в речи к чинам своего ведомства при вступлении в должность, – что во всех областях народного образования жизнь выставила требования усовершенствований и нововведений. Но я держусь того мнения, что и те и другие должно производить с большой осторожностью и постепенностью. Я не сторонник радикальной ломки».

Министерство внутренних дел, в котором с 1897 г. к И. Л. Горемыкину присоединился товарищ министра князь Алексей Дмитриевич Оболенский, включило в список мер, соответствующих принципу «достройки и ремонта», распространение земских учреждений на те губернии, где их еще не было. Прецедентом служила такая же мера, принятая в отношении судебных уставов 1864 г.

Этот проект вызвал сразу же неодобрение правой печати. «Московские ведомости» сначала даже опровергли слух о нем. «Гражданин» как раз вел резкую кампанию против земства, доказывая, что оно и бесполезно, и не по силам земским плательщикам. «До десяти земств проворовалось», – сказал мне мой знакомый (писал князь Мещерский). «Слава Тебе

³⁴ Приводим даты смены министров: путей сообщения – 1894 г.; иностранных дел и внутренних дел – 1896 г.; морского – 1896 г.; императорского двора – 1897 г.; военного и народного просвещения – 1898 г.; государственного контролера – 1899 г.

Господи», – сказал я с просиявшей физиономией и перекрестился. Об одном грущу, что не все 34 провинциализировались. Теперь не будут вводить земства там, где их нет, не будут топить дворянство в земской луже...»

Тем не менее И. Л. Горемыкин, с одобрения государя, внес в Государственный совет проект введения земства в девяти губерниях Западного края и в Архангельской, Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губернии. (В стороне были пока оставлены три Прибалтийские губернии и Область войска Донского.) В то же время тифлисское дворянство ходатайствовало о введении земства в Закавказье. Внесению проекта предшествовал опрос губернаторов и губернских предводителей дворянства; все они высказались в пользу введения земств. Ввиду особых местных условий – преобладания польского элемента среди землевладельцев Западного края – существовали опасения, что земство может быть использовано в антирусских целях. Поэтому предполагалось было на первых порах не создавать выборных *уездных* учреждений и в губернские собрания ввести некоторое число назначенных гласных (от четверти до трети общего числа). Тут же указывалось, впрочем, что в некоторых уездах, где имеется достаточное число русских землевладельцев, могут быть введены теперь же и уездные земства.

Параллельно с этим проектом, но независимо от него в Министерстве внутренних дел обсуждался вопрос объединения всего учебного дела в руках государства, с тем чтобы впредь не было особых земских школ. Но считалось необходимым, прежде чем проводить эту меру, значительно усилить кредиты на народное образование, чтобы реформа эта сопровождалась общим подъемом школьного дела; а Министерство финансов не находило возможным значительно увеличить кредиты, особенно ввиду неурожайных годов и промышленного кризиса.

* * *

Вопрос о «достройке» сети земских учреждений был, однако, оттеснен на задний план общественного внимания новыми осложнениями, возникшими в начале 1899 г. Одно из них, в сущности, относилось формально к той же области – установлению большего единообразия учреждений Российской империи; только, в отличие от земского проекта, расширявшего пределы самоуправления, в этом случае речь шла о его ограничении.

Вопрос о пределах компетенции Финляндского сейма был унаследован государем от его отца, учредившего по этому поводу особую комиссию. Император Александр III поручил этой комиссии разработку проекта приведения закона о воинской повинности в Финляндии в соответствие с русским законодательством. Спорным представлялся вопрос о том, требовалось ли для этого согласие Финляндского сейма.

Финские юристы, с ссылками на слова императора Александра I на сейме в Борго и на ряд заявлений императора Александра II, доказывали, что основные законы Великого княжества Финляндского, торжественно подтвержденные государем при его восшествии на престол, не допускают проведения нового проекта воинской повинности без согласия местного сейма. Видные русские ученые, как профессора Н. М. Коркунов и Н. С. Таганцев, полагали, что общеимперская власть сохраняет за собою учредительные права и может отменять решения, принятые ею ранее.

Когда генерал-губернатором Финляндии, на место графа Ф. Л. Гейдена, летом 1898 г. был назначен генерал Н. И. Бобриков, финское общество насторожилось, и пошли слухи о предстоящей отмене финской конституции (в этом вопросе из русских газет умеренное «Новое время» было настроено гораздо решительнее «Гражданина»).

Финляндский сейм собрался в январе 1899 г.; ему был представлен законопроект, распространяющий на Финляндию, с некоторыми видоизменениями, русский воинский устав.

Финляндское войско насчитывало около 10 000 человек и по местным законам должно было служить только в пределах края; по новому проекту численность войска увеличивалась примерно в полтора раза, и финские граждане могли быть отправлены к отбыванию воинской повинности в другие части империи (в России, как, впрочем, и во Франции, было принято, чтобы призывные отбывали воинскую повинность не в тех губерниях, из коих они родом). Сейм передал проект в комиссию.

Вопрос об увеличении численности имперских вооруженных сил на 5000–6000 человек не представлял сам по себе чрезвычайной важности. На этом вопросе, однако, столкнулись два различных юридических воззрения на природу отношений между Россией и Финляндией.

Государь не отрицал того, что по прежнему установленному порядку согласие Финляндского сейма считалось необходимым, но он полагал, что обладает учредительной властью, дающей ему право изменить этот порядок. «Получили мы с Вами наследство в виде уродливого, криво выросшего дома, – писал государь генералу Н. И. Бобрикову, – и вот выпала на нас тяжелая работа – перестроить это здание или, скорее, флигель его, для чего, очевидно, нужно решить вопрос: не рухнет ли он (флигель) при перестройке? Мне думается, что нет, не рухнет, лишь бы были применены правильные способы по замене некоторых устаревших частей новыми, по укреплению всех основ надежным образом».

3 (15) февраля 1899 г. был издан высочайший манифест. «Независимо от предметов местного законодательства, вытекающих из особенностей ее общественного строя, – говорилось в нем, – в порядке государственного управления возникают по сему краю и другие законодательные вопросы, каковые по тесной связи с общегосударственными потребностями не могут подлежать исключительному действию учреждений Великого княжества... Оставляя в силе существующие правила об издании местных узаконений, исключительно до нужд Финляндского края относящихся, Мы почли необходимым предоставить Нашему усмотрению ближайшее указание предметов общеимперского законодательства».

Одновременно с манифестом были изданы «Основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для Империи с включением В. К. Финляндского». Законы эти должны были издаваться императорской властью, причем, в отличие от законов, к Финляндии не относящихся, требовались предварительные заключения высших административных органов Финляндии, а также и Финляндского сейма; эти заключения носили, однако, лишь *совещательный* характер. Разграничение сферы общегосударственного законодательства и местных узаконений, требующих *согласия* сейма, предоставлялось также императорской власти.

«Новое время», приветствуя издание манифеста, писало: «Новый закон при всей своей многообъемливости не коснулся автономии края и ни на одну йоту не уменьшил так называемой финляндской *конституции*. Что в вопросах общеимперских местный сейм не может иметь решающего голоса – это должны понять самые притязательные из финляндских *государственников*...»

В Финляндии этот манифест вызвал, однако, чрезвычайное волнение. Даже сенат, состоящий из лиц, назначенных государем, едва не отказался распубликовать его – 10 голосов было против, 10 голосов за, и только голос председателя дал перевес в пользу распубликования. В то же время и сенат, и сейм постановили обратиться к государю с ходатайством об отмене манифеста 3 февраля.

«Финский народ, – говорилось в обращении сейма, – без различия, как высшие, так и низшие, вынужден видеть в этом пренебрежение его конституционными правами, которого, насколько известно народу, он не заслужил какими-либо действиями».

Среди финского населения тотчас же начался сбор подписей под массовой петицией государю с тою же просьбой. В несколько дней было собрано свыше 500 000 подписей. Депу-

тация в пятьсот человек должна была отвезти петицию в Санкт-Петербург; для участия в ней были выбраны большею частью старики пасторы или крестьяне. В Гельсингфорсе и других городах происходили демонстрации протеста, принявшие форму поклонения памяти императора Александра I: его портреты в траурных рамках выставлялись в окнах; у подножия его статуи на площади перед Сенатом в Гельсингфорсе нагромождались горы венков.

Сейм, которому было предложено, по новому закону, дать свой отзыв о воинском уставе, поручил своим комиссиям продолжать его обсуждение на основе прежних законов, внося поправки в правительственный проект.

Государь был возмущен проявленной оппозицией и счел сперва, что, как и в России, протесты исходили только от «политиканствующего меньшинства».

«Объявите участникам депутации в 500 человек, – писал он (5 марта) статс-секретарю по делам Финляндии, Прокопе, – что Я их, разумеется, не приму, хотя и не сердит на них, потому что они не виноваты. . . Я вижу в этом недобрые поползновения со стороны высших кругов Финляндии посеять недоверие между добрым народом Моим и Мною».

В своих инструкциях Н. И. Бобрикову государь указывал, что не предполагает никакой ломки местного уклада жизни; нужно некоторое расширение власти генерал-губернатора, переустройство жандармерии и полиции: «Разрешив эти дела – покончив с военным законом, – мне кажется, можно будет удовлетвориться достигнутыми результатами: Финляндия будет достаточно закреплена за Россией».

Но конфликт получил принципиальный характер; дело было не в том, какие законы будут изданы, а в порядке их издания: население Финляндии привыкло за несколько десятилетий считать законным определенный порядок вещей; этот порядок был подтвержден тремя последними императорами – даже если отрешиться от первоначальных обещаний императора Александра I (при императоре Николае I сейм не был ни разу созван). Государь, быть может, впервые почувствовал трагичность этого конфликта, когда статс-секретарь Прокопе (в личной преданности которого он не сомневался) разрыдался в его кабинете и стал умолять, чтобы государь не запрещал финляндскому населению присылать петиции на высочайшее имя. Государь внял этой просьбе Прокопе, но общее направление политики в финляндском вопросе осталось прежним.

Дальнейший ход событий показал, что попытка установить более тесное единство между Россией и Финляндией при помощи внешнего сближения учреждений на практике привела к обратным результатам: она создала единение между финскими и шведскими элементами края и породила сепаратизм, которого ранее не было. Если юридическая сторона вопроса осталась спорной, и отмена конституции, дарованной свыше, едва ли может считаться незаконным актом в случае возникшей государственной необходимости, – то со стороны целесообразности этот шаг, во всяком случае, оказался пагубным и вместо закрепления Финляндии за Россией способствовал ее отчуждению.

Финляндский вопрос явился за границею поводом для газетной кампании против России, причем иные даже утверждали, что проект увеличения финского войска (на 5000) противоречит принципам ноты 12 августа о сокращении вооружений. В царстве Польском, где возникали после приезда государя в Варшаву некоторые надежды на самоуправление по образцу Финляндии, манифест 3 февраля также произвел расхолаживающее впечатление.

Русское общество, по своему обыкновению, стало и в финляндском вопросе на оппозиционную точку зрения. Но эти события весьма скоро отступили для него на задний план перед внезапно вспыхнувшими студенческими волнениями до сих пор еще невиданной силы и длительности.

По своему составу русское студенчество было всегда гораздо «демократичнее», нежели в демократиях Западной Европы. В университеты поступали тысячами представители несостоятельных кругов. Государство широко этому содействовало. Так, произведен-

ное в 1899–1900 гг. обследование материального положения студенчества Московского университета, наиболее многолюдного и едва ли беднейшего по составу слушателей, показало, что на 4000 студентов здесь было около 2000 неимущих, которые освобождены от платы за учение, а около 1000 человек из них, кроме того, получает стипендию различного размера; всего в год на это тратилось около полумиллиона рублей.³⁵

В других университетах картина была примерно та же. Такой состав студенчества, с преобладанием «интеллигентного пролетариата» (а то и полуинтеллигентного), отличался природной склонностью к радикальным течениям, и никакие внешние меры, вроде свидетельства о благонадежности или строгого надзора со стороны полиции, не изменяли этого основного факта. Отсутствие легальных студенческих организаций только оставляло свободную почву для нелегальных, а развитое в учащейся молодежи естественное чувство товарищества создавало значительные затруднения для власти при борьбе с революционными элементами в университетах.

После вспышки осенью 1896 г. пять семестров прошли в университетах спокойно, и только в Киеве к концу 1898 г. происходили небольшие волнения в связи с протестами польских студентов против торжеств открытия памятника в Вильне М. Н. Муравьеву, подавившему Польское восстание 1863 г. в Западном крае (тому самому, которого интеллигенция с польских слов называла «вешателем» и о ком великий русский поэт Ф. И. Тютчев написал: «Не много было б у него врагов – когда бы не твои, Россия»). Но ничто вовне не предвещало тех событий, которые внезапно разразились по случайному поводу.

8 февраля 1899 г. в Санкт-Петербургском университете происходил обычный торжественный акт. Ректор, профессор В. И. Сергеевич, вывесил перед тем объявление, в котором указывалось, что в другие годы студенты несколько раз по окончании акта учиняли беспорядки, врываясь группами в рестораны, в театры и т. д., нередко в пьяном виде; ректор ставил студентам на вид, что такие поступки недопустимы, и предупреждал их, что полиция прекратит всякое нарушение порядка «во что бы то ни стало». Многие студенты сочли это воззвание оскорбительным. В то же время ходили смутные слухи о готовящихся демонстрациях.

Во время акта студенты освистали ректора, не дав ему говорить, а затем стали расходиться. Полиция заградила проходы к Биржевому и к Дворцовому мосту, и студенты, волею-неволей, направились толпой по набережной к Николаевскому мосту. Когда конные полицейские хотели разделить толпу, студенты их не пропустили и стали в них бросать снежками и разными случайными предметами; один снежок попал прямо в лицо полицейскому офицеру. Тогда полицейские двинулись на толпу и рассеяли ее ударами нагаек. Сколько-нибудь серьезно пострадавших при этом столкновении не было.

Не только среди студентов, но и у многих очевидцев получилось впечатление, что весь инцидент был создан неумелыми полицейскими распоряжениями, вызвавшими то самое скопление студентов, которое затем пришлось рассеивать силой. Для революционных организаций возникшее по этому поводу возмущение было желанным предлогом для начала серьезной борьбы. Вечер 8 февраля и состоявшиеся в тот день студенческие вечеринки прошли спокойно. Но со следующего дня в Университете стала развиваться усиленная агитация. Доказывали, что студенчеству нанесено оскорбление; приравнивали разгон толпы на улице к телесному наказанию (к которому русское общество питало болезненное отвращение); говорили о необходимости протеста. На сходке, затянувшейся на два дня (9–10 февраля), присутствовало около половины всех студентов (до 2000 человек). Отвергнуты были

³⁵ Вот точные цифры: на 4017 студентов 1957 освобождены от платы, а 874 получают стипендии. На оказание помощи отпущено 419 070 рублей, не считая стоимости содержания студентов в Ляпинском общежитии и других «сумм, не поддающихся учету» (Доклад комиссии профессоров Московского университета о причинах студенческих волнений, 1901 г.).

предложения о принесении жалобы в суд на действия полиции, а также о подаче петиции на высочайшее имя: эти решения не давали бы дальнейшей пищи для беспорядков. Восторжествовало предложение о прекращении занятий. В резолюции говорилось о «насилии, унижающем достоинство, которое преступно даже в применении к самому темному и безгласному слою населения». «Мы объявляем, – заявлялось далее, – Санкт-Петербургский Университет закрытым и прекращаем хождение на лекции, и, присутствуя в Университете, препятствуем кому бы то ни было их посещать. Мы продолжаем этот способ обструкции, пока не будут удовлетворены наши требования: 1) опубликование во всеобщее сведение всех инструкций, которыми руководствовались полиция и администрация в отношении студентов, и 2) гарантии физической неприкосновенности нашей личности». Эти требования были составлены весьма умело: в них как будто не было ничего «политического», и в то же время всегда было возможно сказать, что они не выполнены. Ибо что могла значить «гарантия?» Если речь шла о неосновательном, незаконном насилии – оно запрещалось и без того; против него надлежало обращаться в суд. Если же речь шла о противодействии запрещенным деяниям – какое правительство могло бы дать гарантию, что полиция впредь будет стоять пассивно под градом – уже не снежков, а, скажем, камней?

Ректор В. И. Сергеевич мужественно явился 10 февраля на сходку. «Я буду обвинять вас, – говорил он, – перед вашим здравым смыслом. Действовать можно только надеясь на успех. Требовать можно чего угодно – хотя бы райских птиц, только они не выживут в нашем климате. Вы объявили, что будете мешать чтению лекций. Начальство, таким образом, упраздняется. В университете создается временное правительство. Все возмущены этим поводом. Случается, что полиция перехватит через край в своем служебном усердии. Но революция в закрытом помещении – нелепость. Вы читали правила при поступлении в университет, вы дали слово их исполнять».

На слова ректора внимания не обратили. 11 февраля в университете началась обструкция на лекциях некоторых профессоров, не пожелавших подчиниться постановлению сходки. На следующий день, 12 февраля, движение перекинулось на другие учебные заведения. Был брошен лозунг: «Студентов, ваших товарищей, избивают!» В один день забастовали Высшие женские курсы, Военно-медицинская академия, Горный, Лесной, Электротехнический институты, Академия художеств, и только в недавно открытом Женском медицинском институте нашлось смелое меньшинство, не пожелавшее подчиниться насилию. Всюду выставлялось то же туманное, но эффективное требование «гарантий». Создан был организационный комитет для руководства забастовкой. 15 февраля движение распространилось на Москву, где прекратились занятия во всех высших учебных заведениях, 17-го – Киев, Харьков, – движение захватило все русские университеты. Быстрота распространения забастовки была тем более примечательна, что в печати до 21 февраля об этом не появилось ни строки. Газеты писали о скоростной кончине президента Ф. Фора, о попытке Деруледа вызвать военный переворот, но о забастовке писать не разрешалось.

Местами не обходилось без борьбы. «В Киеве, – сообщалось в бюллетенях Организационного комитета, – обструкция приняла резкий характер благодаря упорному противодействию меньшинства»...³⁶

Общество в большинстве стало на точку зрения студентов. Ряд видных профессоров Санкт-Петербургского университета обратился к министру народного просвещения с протестом против действий полиции в день 8 февраля. Но и в правительственной среде царили разногласия. Действия полиции даже некоторые министры называли «не вполне тактичными».

³⁶ Какими приемами добивались единодушия, рассказывает в своих воспоминаниях В. В. Шульгин, в то время – правый студент Киевского университета: раздавались фотографии, изображавшие «зверства полиции», причем сколько-нибудь опытный глаз мог сразу различить, что фотографии эти сняты с рисунков!

Академики А. С. Фаминцын и Н. Н. Бекетов (старый учитель государя) добились высочайшей аудиенции и осведомили императора, со своей точки зрения, о причинах возмущения студентов, утверждая, что политика тут ни при чем. Государь запросил мнения министров, и большинство высказалось в пользу создания особой следственной комиссии. Возражали, впрочем, как раз наиболее заинтересованные министры – Н. П. Боголепов, И. Л. Горемыкин, А. Н. Куропаткин. Военный министр, который лично беседовал со студентами Военно-медицинской академии, говорил им, что забастовку проводит «та темная, чуждая науке политическая сила, которая, сама оставаясь в стороне, быть может, руководит всем».

21 февраля в газетах появилось сообщение: «Государь император повелеть соизволил генерал-адъютанту Ванновскому произвести всестороннее обследование причин и обстоятельств беспорядков, начавшихся 8 февраля в императорском Санкт-Петербургском университете и затем распространившихся на другие учебные заведения, и о результатах сего исследования представить на Высочайшее благоволение. Вместе с тем Его императорскому Величеству благоугодно было указать, что принятие мер к восстановлению в упомянутых учебных заведениях обыденного порядка остается на обязанности главных начальников сих заведений».

Значение этого шага еще увеличивалось тем, что генералу Ванновскому, бывшему военному министру, молва приписывала весьма резкие отзывы о действиях полиции в деле 8 февраля. Государь пожелал отнестись к учащейся молодежи с доверием, поручил расположенному к ней человеку разбор причин ее недовольства и возлагал восстановление порядка в высшей школе на учебное начальство, обычно более мягкое, а не на внешние административные органы.

Казалось бы, студенты добились большего, чем сами могли ждать. Организационный комитет тем не менее решил продолжать забастовку, заявляя, что назначение расследования «не дает еще никаких гарантий». В Киевском университете бастующие студенты обратились с воззванием к рабочим, заявляя, что уже «добились уступок», но будут продолжать борьбу.

Общество никак не отозвалось на примиряющий шаг государя. Забастовке продолжали сочувствовать. Против нее отважился выступить только редактор «Нового времени» А. С. Суворин, написавший: «Если бы правительство предоставило настоящую стачку молодежи ее естественному течению, то есть сказало бы «не хотите учиться – не учитесь», то оно не себе бы повредило и не своей высшей школе, а поставило бы учащуюся молодежь в печальное положение, оставив ее без образования и без того поприща общественной деятельности, на которое она рассчитывала». На «Новое время» за эти строки обрушились чуть не все прочие органы печати; многолетние подписчики газеты отказались от ее получения; не без гордости А. С. Суворин потом писал, что отвлек на себя все громы общества.

Забастовка вступила в новую фазу. В учебных заведениях велась внутренняя борьба за ее прекращение. Администрация, ввиду перемены обстановки, разрешила вернуться почти всем высланным за участие в беспорядках. Военно-медицинская академия с 21 февраля действительно приступила к занятиям и более их не прерывала. Когда после масленичных каникул университеты снова открылись, в Санкт-Петербурге, в Москве, в Одессе большинством голосов было решено прекратить забастовку. В Харькове и Казани забастовка также окончилась. Но в Киеве «союзный совет» постановил в резких выражениях выразить порицание петербургским студентам; обструкция продолжалась; во главе борьбы с нею стала организованная русскими студентами «партия националистов». Крайние элементы, раздраженные сопротивлением, прибегли к физическому насилию. 9 марта в Киевском университете произошло настоящее побоище; сражались мебелью и лабораторными принадлежностями. Тогда 10 марта было решено уволить всех студентов и принимать их обратно с известным разбором (принято было 2181 человек из 2425).

Киевские события и воззвания «союзного совета» дали новый толчок забастовке. Крайние снова апеллировали к чувству товарищеской солидарности – «товарищей избивают, товарищей исключают». В Санкт-Петербурге 18 марта собралась сходка, постановившая возобновить обструкцию. То же произошло в Москве, в Одессе. Этот последний период забастовки был самым острым и озлобленным. Обструкция принимала резкие формы. Ее сторонники не считались с волей большинства: в Горном институте, например, большинство на сходке высказалось против обструкции, но она все-таки применялась. В столовой Санкт-Петербургского университета обосновался забастовочный центр, дававший инструкции и печатавший бюллетени о ходе забастовки.

К концу марта выяснилось, что учебное начальство и умеренные элементы студенчества совершенно бессильны перед организованной обструкцией. Полиция в дело не вмешивалась. Движение распространилось на Варшавский и Рижский политехнические институты. Увольнение и обратный прием по прошениям ни к чему не приводили: забастовочный комитет дал приказ подписывать все что угодно, но продолжать обструкцию. К концу марта почти все высшие учебные заведения были закрыты до осени, и только экзамены – также объявленные под бойкотом – кое-где все-таки производились. Правительственное сообщение 2 апреля подвело итоги этих бурных двух месяцев.

Опыт этой забастовки произвел большое впечатление на государя. Он начал с того, что пошел студентам навстречу, но должен был убедиться в наличии злой воли, в бесспорно политической подкладке движения. Комиссия генерала Ванновского, возникшая на предпосылке законных требований студенчества, продолжала свои работы – но окончила она их уже в совершенно новой обстановке. Она признала, что полиция действовала правильно 8 февраля; но этот повод был теперь почти забыт; она вынесла ряд предложений о предоставлении студентам большей свободы – но университеты были закрыты вследствие насилия радикальных элементов и пассивности умеренных.

24 мая было опубликовано правительственное сообщение, отчасти основанное на работах комиссии генерала Ванновского. В ней указывалось, что события 8 февраля – столкновение, сопровождавшееся обоюдными насильственными действиями, начатыми студентами и вызвавшими отпор небольшого отряда конной полиции (38 человек) «посредством применения без особой необходимости одной из крайних мер воздействия на толпу». Объясняя дальнейшие беспорядки влиянием крайних, на сходках увлекших за собой толпу, сообщение далее гласило: «Исследование показало, что и в самом строе высших учебных заведений существуют общие причины, содействующие развитию беспорядков». Причины эти перечислялись: разобщенность студентов между собою и с профессорами, скученность студентов в одном и том же учебном заведении, отсутствие надзора за учебными занятиями.

Но в резолютивной части уже проявлялись выводы из второго периода забастовки: государь соизволил 1) объявить неудовольствие ближайшему начальству и учебному персоналу; министры должны принять меры внушения и, если нужно, – строгости; 2) чинам полиции – поставить на вид неумелые и несоответственные предварительные распоряжения; 3) «не подлежит извинению поведение студентов и слушателей, забывших о долге повиновения и соблюдения предписанного порядка... Никто из них не может и не должен уклоняться от обязанности трудиться и приобретать познания, нужные для пользы отечества».

«К прискорбию, – говорилось в заключение, – во время происходивших смут местное общество не только не оказало содействия усилиям правительственных властей, но во многих случаях само содействовало беспорядкам, возбуждая одобрением взволнованное юношество и дозволяя себе неуместное вмешательство в сферу правительственных распоряжений. Подобные смуты на будущее время не могут быть терпимы и должны быть подавлены без всякого послабления строгими мерами правительства».

Чествование 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина – состоявшееся как раз на следующий день после опубликования этого сообщения – много проиграло если не во внешнем блеске, то в задушевности и искренности оттого, что оно попало в момент такого острого политического расхождения между властью и обществом. «Почему на празднике почти отсутствовала литература и почему общество проявило недостаточно много воодушевления? – спрашивала «Русская мысль» и дипломатично отвечала: – Ответ – в условиях развития общественности за последнее двадцатилетие».

По случаю пушкинского юбилея был учрежден разряд изящной словесности при Императорской Академии наук, имевший право избирать почетных академиков из числа выдающихся русских писателей.³⁷

Летом 1899 г., в глухое каникулярное время, были опубликованы те меры, которые возвещались правительственным сообщением 24 мая. Были приняты во внимание и предложения комиссии генерала Ванновского – но также и выводы из упорной обструкции. Циркуляром министра народного просвещения от 21 июля для устранения разобщенности студентов рекомендовалось общение на почве учебных потребностей, устройство практических занятий на всех факультетах, учреждение научных и литературных кружков под руководством преподавателей и открытие студенческих общежитий; наоборот, всякие реформы студенческого представительства – курсовые или факультетские старосты – признавались не только излишними, но и вредными.

В то же время совещание шести министров³⁸ выработало «временные правила» об отбывании воинской повинности студентами, исключенными из учебных заведений за участие в беспорядках. Эта мера была выдвинута С. Ю. Витте; в защиту ее указывалось, что воинская дисциплина должна оказать воспитывающее действие на студентов. Всего энергичнее возражал А. Н. Куропаткин: ему не нравилась мысль о том, что армия как бы превращалась в арестантские роты.

Согласно этим «временным правилам» особые совещания под председательством попечителя учебного округа должны были решать вопрос о том, кто из студентов должен быть исключен, на какой срок (один, два или три года). На это время исключенные определялись в войска, хотя бы они и не подлежали призыву; физически непригодные зачислялись на нестроевые должности. За исправную службу в рядах войск срок ее мог быть сокращен; студенты затем могли вернуться в свое учебное заведение.

Принимая во внимание указания комиссии генерала Ванновского о переполнении некоторых университетов, для первого курса всех университетов и факультетов были установлены комплекты, сверх которых студенты не могли приниматься. Комплекты эти были исчислены в соответствии со средней цифрой общего числа поступлений; увеличивалось число вакансий в провинциальных университетах за счет столичных.

Наконец, министр народного просвещения отрешил от преподавания в Санкт-Петербургском университете нескольких профессоров, оказавших, по его мнению, попустительское студенческим волнениям. Во всех этих мерах отразилось глубокое разочарование, вызванное у государя отношением студенчества и общества к его великодушному жесту, назначению комиссии генерала Ванновского.

³⁷ Первыми почетными академиками (в январе 1900 г.) были избраны: «К. Р.», граф Л. Н. Толстой, А. А. Потехин, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, А. М. Жемчужников, граф А. А. Голенищев-Кутузов, В. С. Соловьев и А. Ф. Кони. Избран был в 1902 г. и М. Горький, но избрание его было аннулировано, так как он состоял под следствием по делу о революционной пропаганде.

³⁸ Народного просвещения (Н. П. Боголепов), внутренних дел (И. Л. Горемыкин), земледелия (А. С. Ермолов), финансов (С. Ю. Витте), военный (А. Н. Куропаткин) и управляющий Министерством юстиции (П. М. Бутковский).

* * *

Считая, что обсуждение этого вопроса в печати только разжигает страсти, правительство строго следило за периодической печатью, и только консервативные органы имели возможность более открыто высказать свое мнение. Это вызвало со стороны князя С. Н. Трубецкого своеобразный отклик в философском журнале. Князь приводил цитату из Книги пророка Исаии о запустении в земле Эдемской³⁹ и заключал: «Завывание шакалов и цыркание коршунов, крики филинов и диких кошек, карканье ворон и змеиное шипение – вот что сплошь да рядом заменяет разумное человеческое слово. Мнение этих зверей по вопросам внутренней политики достаточно известно... Они говорят о тишине и порядке, как будто та распушенная звериная вольница, в которой шакалы и дикие кошки перестают бояться человека и бросаются на случайных прохожих, есть порядок и как будто тишина пустыни, населенной зверьми, есть спокойствие благоустроенного общества».

На эту статью в «Санкт-Петербургских ведомостях», игравших в ту пору трудную роль «центра», отозвался поэт-философ князь Д. Н. Цертелев. «Печать, – писал он, – давно перестала быть орудием просвещения и превратилась в способ наживы и неразборчивой борьбы политических партий... Много ли слышится во французской печати человеческих голосов среди концерта шакалов и диких кошек? Полная свобода печати была бы гарантией против цензурного произвола, но искать в ней возможности слышать человеческие голоса вместо звериной какофонии – все равно что из страха дождя бросаться в реку. Никакой Демосфен не в силах перекричать ни дикой кошки, ни домашнего осла, когда они находят публику, желающую их слушать».

Слова князя С. Н. Трубецкого о «шакалах и диких кошках» с одобрительными примечаниями обошли всю русскую печать.

В этой быстро изменившейся обстановке суждено было выпасть решению по важному вопросу русской внутренней политики об отношении власти к земскому самоуправлению. Проект введения земства в Западном крае и других четырех губерниях, выдвинутый Министерством внутренних дел, был взят «под усиленный обстрел» в высших правительственных кругах.

Было естественно, что отрицательный отзыв о проекте дал К. П. Победоносцев, написавший: «Нетрудно представить себе, какой отсюда последует вред для русского дела и для существенных интересов русской власти в Северо-Западном и Юго-Западном крае». Но не менее определенным образом против проекта высказался и министр финансов С. Ю. Витте, роль которого в этом вопросе представляется несколько загадочной.

Этот принципиальный спор, эта «тяжба перед престолом», арбитром которой явился государь, заслуживает серьезного внимания. Она показывает, на каком высоком государственном уровне велась эта историческая полемика; она интересна и по существу.

Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, в соответствии с общим направлением политики первых годов царствования императора Николая II, считал, что «надлежит, не торопясь и не увлекаясь внешней логичностью той или иной предлагаемой системы, идти прежним, хотя и медленным, но несравненно более верным путем постепенного совершенствования существующих учреждений». В ряду «существующего» не последнее место занимало и земство, хорошо знакомое И. Л. Горемыкину по личному опыту.

«Сомнения в соответствии начал местного самоуправления основаниям государственного уклада России, краеугольным камнем коего является политическое самодержавие, сосредоточенное в лице царя, ни с кем не разделяющего полноты своей власти, равносильно

³⁹ Книга пророка Исаии, XXXIV: 11–15.

сомнению в правомерности всего почти административного строя России», – писал министр внутренних дел. Ссылаясь на русских мыслителей-славянофилов и на иностранные авторитеты, он доказывал, что местное самоуправление вполне совместимо с неограниченной монархической властью, что Россия искони привыкла к различным видам самоуправления, от сельских сходов до инородческих учреждений, что противоречия между властью и органами местного самоуправления могут быть устраняемы в порядке частных поправок; в отношении земств уже многое было сделано законом 1890 г., а для Западного края возможны и дальнейшие поправки.

Но по существу И. Л. Горемыкин открыто исповедовал идею полезности земских учреждений. Самоуправление, писал он, развивает в народе самостоятельность, дает ему «навык и инстинкт организации, который является единственно следствием долгой привычки к самоуправлению и самоопределению»; полное же подавление в обществе самостоятельности, полное упразднение всех видов самоуправления обратит его в «обезличенные и бессвязные толпы населения», в «людскую пыль».

В ответ на эту записку С. Ю. Витте летом 1899 г. представил свой известный трактат о «Самодержавии и земстве».⁴⁰ В нем он стремился доказать, что никакое выборное местное самоуправление несовместимо с самодержавным строем. Уже очень рано было замечено, что доводы Витте представляются обоюдоострыми и что, доказывая несовместимость общественной самостоятельности с неограниченной монархической властью, он давал сильный довод в руки оппозиционным кругам: недаром записка Витте была впервые опубликована в Штутгарте редакцией «Освобождения», заграничного органа конституционалистов.

Но записка, во всяком случае, построена так, точно догмат незыблемости самодержавия стоит вне спора, и с этой точки зрения доказывается, что всеобщие органы самоуправления во всех странах сочетаются с народным представительством. С. Ю. Витте было нетрудно найти в истории русского земства от первых его дней по данный момент целый ряд примеров, свидетельствующих о неизменном желании земства расширить свои права, о последовательной борьбе правительства с этой тенденцией.

«Я не составляю обвинительного акта против земств на основании собранных против них улик и доказательств», – писал С. Ю. Витте, но в дальнейшем приводил целый ряд земских адресов с конституционными пожеланиями – в 1878, в 1880 гг.; конституцию Лорис-Меликова; отказ самарского земства поднести императору Александру III адрес по случаю его восшествия на престол, неудачу славянофильских проектов графа Игнатьева и, наконец, те земские адреса 1895 г., на которые государь ответил своей речью 17 января.

«Если даже просто подсчитать все те земства, которыми прямо или косвенно заявлялись ходатайства о допущении их к участию в законодательстве, то получится не несколько уездов, а не менее половины всех земских губерний... Земское движение в пользу земского собора много серьезнее «пустой, шумливой оппозиции губернскому начальству. Во главе движения шли, конечно, вожаки (крикуны и политиканы, как их характеризует Ваша записка), но если за этими «политиканами» так дружно шло огромное большинство самых благородных, самых благонамеренных земцев, то не служит ли уже это одно доказательством, что в самой постановке земского дела что-то неладно, что в нем есть какая-то несообразность, какое-то политическое несоответствие всему государственному строю?»

В заключение С. Ю. Витте переходит в наступление. «Вы и сами, – говорил он министру внутренних дел, – ведете с земством борьбу, вы урезываете его права, вы его «выхолащиваете». Зачем же тогда его не только охранять, но и распространять на новые губернии? Лучше вместо этого провести административную реформу. «Как республиканский, так и

⁴⁰ Насколько известно, составление этой записки было поручено А. Н. Гурьеву, ближайшему сотруднику Витте, молодому экономисту, уже игравшему роль при проведении валютной реформы.

монархический режим, как правительственная администрация, так и органы самоуправления могут быть и хорошим, и плохим средством управления. Каждое учреждение хорошо в строе, ему соответствующем, и непригодно в строе, ему не отвечающем. В конституционном государстве земства могут быть превосходным средством управления: там они составляют звено в цепи, скованной из одного металла... Совершенно в ином положении стоит и всегда будет стоять земство в государстве самодержавном.

Не следует ставить свою ставку одновременно на черный и красный квадрат, не следует с одной стороны говорить о развитии самодеятельности общества и начале самоуправления, проектировать территориальное его расширение, а с другой – подавлять всякую самодеятельность, ограничивать самоуправление. Нельзя создавать либеральные формы, не наполняя их соответствующим содержанием». Это только ведет к запрещениям и репрессиям, заканчивал С. Ю. Витте, а «ничто в такой мере не подрывает престижа власти, как частое и широкое принятие репрессивных мер».

С. Ю. Витте препроводил свою записку К. П. Победоносцеву, указывая, что хотел изобличить «положение, основанное на неискренности и на желании согласить несогласимое – и популярность приобрести, и невинность соблюсти». Обер-прокурор Синода в ответ указал, что критика Витте основательна, но что министр финансов не делает из нее надлежащих выводов. «Какое там искоренять, когда желают наградить им всю Россию? – оправдывался С. Ю. Витте. – Откровенно говоря, укажите мне наверху хотя одно лицо, которое по тем или иным соображениям не питает сердечное влечение к самоуправлению. Большинство льнет к земству, уверившись, что, где есть земство, хозяйственная жизнь идет лучше, а меньшинство, может быть, полагает, что, идя по пути самоуправления земского, можно заставить государя незаметно перейти заветную черту от самодержавия к самоуправлению».

Слухи о кампании против земства проникли в общество и в печать; в толстых журналах появился ряд статей о заслугах земства; профессор Б. Н. Чичерин в «Санкт-Петербургских ведомостях» выступил на его защиту, доказывая, что «Россия, более нежели какое-либо другое государство, нуждается в бережном отношении к общественным силам, ибо это ее самая слабая сторона... Подобное направление со стороны властвующей бюрократии может только поселить неисцелимую рознь между правительством и обществом. Врагам государства такая политика идет совершенно на руку; но отечеству она сулит смуту и раздор».

Принять решение предстояло государю. Убедившись во враждебности общества, интеллигенции, на примере студенческих волнений, на примере Финляндии увидев, как трудно отменить однажды предоставленные права, признавая основательность обвинений Витте против земства, – государь не считал возможным в данный момент продолжать завершение земской реформы 1864 г. После пяти лет внутренней политики, совмещавшей традиции двух последних царствований, государь в 1899 г. вернулся на путь своего отца. Для проведения «большой азиатской программы» было необходимо сохранить свободу решений и престиж неограниченной власти. Все шаги навстречу обществу были либо отвергнуты, как комиссия генерала Ванновского, либо неминуемо были бы истолкованы как обещания более решительных перемен, которых государь не желал.

Проект распространения земства на дальнейшие губернии был оставлен. Более того, его автор, министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, указом 20 октября был назначен членом Государственного совета – почетная форма отставки, – а управляющим министерством был назначен Д. С. Сипягин, заведующий канцелярией по приему прошений на высочайшее имя.

Министерство внутренних дел, ведающее, в числе прочих дел, и полицией, не пользовалось симпатией общества; этой непопулярности «по должности» не избежал и Горемыкин, отставка которого была встречена с некоторым сдержанным злорадством.

Что значили эти смены? – спрашивали в то же время газеты. «Новое время» писало, что «министры у нас не делают политики» и «совершившаяся перемена не дает оснований

говорить о ее программной подкладке». Наоборот, «Гражданин» вкладывал в произошедшую перемену большой политический смысл: «Тот факт, что назначение обнародовано в день кончины покойного государя, придает этому назначению весьма важное политическое значение: оно является как бы свидетельством того, что минувшие 5 лет царствования убедили государя в необходимости прочнее и тверже, чем когда-либо, закрепить связь своего царствования с заветом царствования своего возлюбленного всею Россией Родителя».

«Гражданин» был в этом прав: в лице Д. С. Сипягина министром внутренних дел стал идейный консерватор, преданный идее неограниченной власти, человек редкий в те времена, и его назначение имело определенный охранительный смысл. С. Ю. Витте, старавшийся в эту эпоху принять на себя роль блюстителя заветов императора Александра III, мог показаться либералом по сравнению с новым министром; ему приходилось вступать с ним в принципиальную полемику по вопросу о формах осуществления царской власти.

«Вы говорите, – писал Витте Д. С. Сипягину, – царь самодержавен – Он создает законы для подданных, а не для себя; я – ничто, я только докладчик. Царь будет решать, ergo никаких правил не нужно; тот, кто требует правил, желает ограничить царя; тот, кто сомневается, что царь, а не я, будет решать, полагает, что, значит, царь сам не может решать; тот, кто хочет ограничить число и форму решений, хочет отделить царя от подданных... Ваша теория, дорогой, милый, крепко любимый Дмитрий Сергеевич, имеет много общего с непогрешимостью папы...»

Не только министр внутренних дел всецело и сознательно подчинялся воле царя; граф Ламздорф, назначенный министром иностранных дел в середине 1900 г., так определял свои задачи: «Моя обязанность заключается в том, чтобы сказать государю, что я о каждом предмете думаю, а затем, когда государь решит, – я должен безусловно подчиниться и стараться, чтобы решение государя было выполнено».

В противоположность весьма распространенному мнению о том, что на государя было легко влиять, факты свидетельствуют о том, что все главные решения принимались им самим, а министры, в том числе и Витте, сами так или иначе приспосаблились к его воззрениям.

* * *

В том же знаменательном 1899 г., видевшем поворот вправо курса внутренней политики и неудачу Гаагской конференции, скончался брат государя, великий князь Георгий Александрович, и наследником был объявлен великий князь Михаил Александрович. Когда год спустя государь перенес тяжелый недуг – тиф – единственную серьезную болезнь за время царствования, в высших правящих кругах был поднят вопрос о том, не дают ли основные законы возможность объявить наследницей престола великую княжну Ольгу Николаевну. Выздоровление государя сделало эти споры ненужными.

* * *

В конце XIX в. среди духоборов, секты, распространенной главным образом среди русского населения Кавказа, воспреобладали крайние течения, требовавшие между прочим отказа от выполнения воинской повинности. Это привело к естественному конфликту с властями: какое правительство могло невозбранно допустить проповедь уклонения от исполнения обязанностей перед государством? На положение духоборов обратили внимание родственные им по взглядам толстовцы, и при их заграничных связях им удалось найти выход из положения: Канада согласилась принять духоборов к себе, освободив их от воинской повинности и отведя им земли в пустынных пространствах своей западной части.

Русское правительство не ставило препятствий для эмиграции. Духоборы получили возможность ликвидировать свои хозяйства; для них были собраны в России и за границей крупные суммы денег. Граф Л. Н. Толстой в этом случае отступил от своего решения – не брать денег за опубликование им новых своих писаний – и продал право на издание своего нового романа «Воскресение» в России журналу «Нива»; за границей тот же роман появился в ином, несокращенном издании; всю выручку Толстой отдал духоборам на отъезд их в Америку.

За 1899 г. несколько партий духоборов отбыло в Канаду; общее число выселившихся достигло примерно 15 000 человек.

В заграничном издании «Воскресения» содержались глумления над православными церковными таинствами; это побудило Синод принять свое столь нашумевшее решение об отлучении графа Л. Н. Толстого от церкви. «Известный всему миру писатель, – говорилось в определении от 22 февраля 1901 г., – русский по рождению, православный по крещению граф Толстой, в пресыщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и Христа Его и на святое Его достояние... В своих сочинениях и писаниях, во множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской... Он... не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию... Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею».

Это решение, разумеется, явилось поводом для новых нападков на русскую власть и на русскую церковь со стороны всех ее обычных противников. Никаких репрессий со стороны светской власти за этим, однако, не последовало, а едва ли возможно отрицать за церковью право определять свое отношение к фактам явного поношения ее святынь. Положение графа Л. Н. Толстого в дореволюционной России вообще свидетельствует о таком умении самодержавной власти проявить широкую терпимость, которое едва ли присуще многим современным правительствам.

* * *

1900 г. – если не считать событий в Китае – прошел в общем спокойно, без какого-либо изменения общего положения в России. Закон о воинской повинности в Финляндии был проведен на основе манифеста 3 февраля. При открытии очередной сессии Финляндского сейма Н. И. Бобриковым были сказаны предостерегающие слова о том, что действия предыдущего сейма «внесли в умы населения тягостные и напрасные опасения; повторение их поселит сомнения относительно соответствия сеймового законодательства современным обстоятельствам».

В порядке общегосударственного законодательства был издан указ 7 июня 1900 г. о постепенном введении русского языка в делопроизводство Великого княжества Финляндского (полностью эта мера должна была войти в силу с 1 октября 1905 г.).

Что касается вопроса о воинской повинности, явившегося поводом конфликта с населением Финляндии, то законопроект, не принятый сеймом, был издан в порядке общегосударственного законодательства только летом 1901 г. В то же время, ввиду оппозиции в стране и в войсках, решено было постепенно расформировать финские войсковые части (сначала – стрелков, а потом и драгунский полк). «Мы признали за благо облегчить финскому народу переход к иному порядку отбывания воинской повинности», – говорилось в манифесте 29 июня. Первый призыв по новому закону был назначен на осень 1903 г. Фактически население Финляндии было освобождено от военной службы, если не считать нескольких сот человек, служивших в гвардейском финском батальоне. Государь надеялся, что с течением времени

финляндцы примирятся с новым порядком вещей, и не желал на первых порах прибегать к резким репрессивным мерам.

Между Францией и Россией замечалось растущее охлаждение. Приход к власти левых, избрание президентом Лубе, кабинет Вальдека-Руссо и правый курс в России – все это относилось, конечно, к области внутренней политики, но не могло не влиять на тон отношений. Государь не приехал на Парижскую всемирную выставку 1900 г. и на открытие моста Александра III, при закладке которого он присутствовал. Это сильно огорчило французов. Причин было несколько: участвовавшие в Западной Европе выступления анархистов (убийство короля Гумберта, австрийской императрицы Елизаветы, покушение на Вильгельма II), состояние здоровья государя, наконец, выпады некоторых органов парижской печати, показывавшие, что французские левые элементы весьма мало считаются с франко-русским союзом.

Между тем враждебные правительству настроения, всегда существовавшие в обществе, начинают проявляться более активно. «У нас на сотню либеральных изданий едва шесть консервативных, и на одного консерватора в земстве – двадцать либералов, – писал князь В. П. Мещерский. – Для блага России, для спасения ее будущности от страшных катастроф монархическая власть призвана, чтобы обеспечить государству в его ходе вперед главное – равновесие, – принимать на себя роль консервативного элемента, так как либеральный элемент, с его неразлучным контингентом равнодушных, слишком велик, а консервативный элемент в людях слишком мал...» Власть с 1899 г. приняла снова на себя роль консервативного начала; но это, с другой стороны, углубило рознь между нею и умеренными элементами общества.

Такой далекий от революционных кругов человек, как Б. Н. Чичерин, издал в 1900 г. *за границей* анонимный памфлет «Россия накануне двадцатого столетия». Самый этот факт был значительнее, чем содержание этой книги, придирчиво критиковавшей все главнейшие акты царствования императора Николая II: «легальная оппозиция» становилась на нелегальный путь! По этой книге видно, что написана она человеком по существу умеренным, решительным врагом социализма. «Многие доселе причисляют, – стояло в ней, – Чернышевского, Добролюбова и К° к деятелям эпохи преобразования. Их можно считать деятелями разве только наподобие мух, которые гадят картину великого художника. Но следы мух смываются легко, тогда как социалистическая пропаганда, ведущая свое начало от петербургской журналистики, отравляла и доселе отравляет значительную часть русского юношества».

Автор обращает внимание на своеобразный факт, характерный для цензуры того времени: «Более или менее значительной свободой пользовались социалисты. Либерализм казался правительству опасным; но социализм, пока он являлся в теоретической форме, представлялся безвредным. Вследствие этого учение Маркса в книгах и брошюрах получило широкое распространение среди учащейся молодежи».

Б. Н. Чичерин считал, что перед императором Николаем II не было таких крупных задач, как перед императором Александром II: «Величайшие преобразования были уже совершены. Нужно было прежде всего восстановить их в полной силе, сделать их истиной... Это не было бы неуважением к памяти отца, а просто сознанием того, что разные времена и царствования имеют разные задачи... Если бы молодой царь, даже не делая шага вперед, пошел по пути, указанному дедом, то благоразумные русские люди были бы довольны». Однако первое пятилетие царствования государя, к неудовольствию таких последовательных консерваторов, как К. П. Победоносцев или князь В. П. Мещерский, именно соответствовало этим условиям Чичерина, – но «благоразумные русские люди» либо оказались бессильными, либо гораздо более требовательными, чем известный ученый, писавший от их имени...

Все же государь, приостановив «достройку» реформ императора Александра II, не пошел и на их ломку; и наиболее существенной мерой, ограничивающей права земства, был закон 12 июня 1900 г. о предельности земского обложения. Считая, что налогоплательщики и так переобременены, власть ограничила повышение ставок Земского сбора с недвижимых имуществ тремя процентами в год (если налоги несколько лет не повышались, можно было затем повысить их сразу – после пяти лет на 15 процентов и т. д.). Если земство желало более значительного повышения налога, оно должно было получить разрешение правительства. Эта весьма скромная мера (вызванная главным образом тяжелым положением сельского хозяйства) произвела некоторое впечатление только на фоне толков о предстоящем полном упразднении земства.

Пропаганда врагов строя между тем усиливалась. «Революционная партия, – писал в 1899 г. одесский градоначальник граф Шувалов, – построила свои дальнейшие планы на привлечении к движению рабочих... С целью заручиться сочувствием масс она построила свою пропаганду на изучении и указании ему недочетов в средствах удовлетворения его духовных и материальных нужд...»

«В последние три-четыре года, – констатировал весной 1901 г. виленский генерал-губернатор князь П. Д. Святополк-Мирский, – из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать семью и религию, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней... Эта ничтожная горсть террористически руководит всей остальной инертной массой рабочих».

В высшей школе, после массовых исключений и зачисления исключенных на военную службу, три семестра прошли спокойно. Волнения возникли снова в конце 1900 г. – опять началось с Киевского университета. Повод был самый нелепый: два студента попались в уголовном деле (они вымогали деньги у танцовщиц). По этому поводу была собрана сходка (таковая по закону не допускалась), и ораторы доказывали, что для борьбы с «подобными явлениями» необходимо ввести автономию университетов. Вместе с протестом студентов против не угодившего им профессора Эйхельмана (который заменял уехавшего в отпуск князя Е. Н. Трубецкого) это привело к новым столкновениям с учебной администрацией.

Но революционная сила готовила на этот раз выступление в новой форме: его ареной должна была явиться улица. Полиция знала о готовящемся выступлении, но срок его оставался неопределенным.

14 февраля бывший студент П. Карпович, дважды исключавшийся из университета за участие в беспорядках, выстрелом из револьвера смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Боголепова. Это был первый террористический акт после многих лет. Он знаменовал переход к новой тактике революционных кругов. Жертвою ее стал министр, никакой личной неприязни никому не внушавший: выстрел был направлен против императорского правительства как такового.

Н. П. Боголепов еще боролся со смертью, когда – 19 февраля, в день сорокалетия освобождения крестьян, – произошла первая уличная демонстрация на площади перед Казанским собором. Но полиция приняла своевременные меры; большого скопления народа не оказалось; толпу человек в двести – триста, двинувшуюся по Невскому с пением революционных песен, оттеснили во двор городской думы и там переписали: в ней на 244 человека оказалось 148 женщин, в большинстве курсисток.

В тот же день в Харькове происходили уличные демонстрации, повторившиеся вечером. Полиция разогнала толпу. «Было подано восемь заявлений о нанесенных ударах, медицинское освидетельствование подтвердило только одно из них», – говорилось по этому поводу в правительственном сообщении.

Более серьезные волнения возникли в Москве, где они продолжались пять дней (22–26 февраля). Уличная толпа пыталась освободить задержанных студентов; на Большой Никитской и Страстном бульваре разбивали фонари. Но наиболее серьезный характер имела демонстрация 4 марта перед Казанским собором в Санкт-Петербурге. Собралась толпа в несколько тысяч человек. Полиция на этот раз не предотвратила этого скопления (за что ее потом обвиняли в «провокации»). Толпа встречала конную полицию враждебными возгласами, бросала в нее всевозможные предметы; один офицер был ранен молотком в голову. Когда толпу начали разгонять, часть ее хлынула в собор. Участников демонстрации оцепили и группами уводили в участки. В течение нескольких часов движение по Невскому между Садовой и Мойкой было остановлено. Из демонстрантов было задержано 760 человек, в том числе около половины женщин. В свалке между толпой и силами порядка было ранено, согласно правительственному сообщению, два офицера, 20 полицейских, четыре казака и 32 демонстранта. Убитых не было.

Разгон толпы конными отрядами – всегда удручающая картина; для России это было явлением новым; на Невском и на площади Казанского собора было много любопытных, много случайных прохожих; это создавало благоприятную почву для агитации революционных элементов, изображавших участников демонстрации как невинных «жертв полицейского произвола». Эта агитация впервые по этому поводу проявилась во всей полноте. Союз писателей опубликовал пламенный протест, призывая на помощь русское и иностранное общественное мнение. Среди подписавшихся, правда, было всего два писателя, создавшие себе имя в литературе (М. Горький и Е. Чириков); остальные были либо профессора, либо более или менее известные сотрудники радикальных журналов. Но за границей это воззвание наделало немало шума; французская левая печать занялась этим делом, и в *Ауготе*, газете Клемансо, начали печататься заявления виднейших писателей Западной Европы, присоединяющихся к «воззванию русских писателей» и протестующих против «смертоубийственного безумия» русского «царизма». (Примечательно, что все это писалось по поводу столкновения, в котором убитых вообще не было, а полиция имела почти столько же раненых, как демонстранты!)

Государь, однако, не ответил на эти выступления новым усилением репрессий. Конечно, министр внутренних дел издал циркуляр, запрещающий скопление на улицах и указывающий полиции, что необходимо *предотвращать*, а не только прекращать беспорядки. Союз писателей, выступивший с упомянутым воззванием, был закрыт; некоторые организаторы выступления были арестованы.

В то же время министром народного просвещения на место Н. П. Боголепова (скончавшегося 2 марта) был назначен генерал П. С. Ванновский, самое имя которого после работ его комиссии в 1899 г. стало символом примирительного отношения к требованиям студентов. «Опыт последних лет указал, – говорилось в высочайшем рескрипте 25 марта, – на столь существенные недостатки нашего учебного строя, что Я признал благовременным безотлагательно приступить к коренному его пересмотру и исправлению... Твердо уверен, что Вы строго и неуклонно будете идти к намеченной Мною цели и в дело воспитания русского юношества внесете умудренный опытом разум и сердечное о том попечение».

И хотя правые газеты приветствовали его как «человека военной дисциплины», удовлетворение либеральных органов было более обоснованным. Генерал П. Ванновский (ему было 78 лет) продолжал питать симпатии к учащейся молодежи и верил, что с нею можно «поладить добром». Одним из первых актов генерала Ванновского было разрешение сходки в Санкт-Петербургском университете. Эта легальная сходка состоялась 9 апреля и прошла совершенно мирно.

В то время как Министерство внутренних дел выдерживало «твердый курс» в борьбе с беспорядками и строго применяло цензуру печати («Было раньше равенство в молчании, а

теперь писать по университетскому вопросу могут только правые», – жаловался либеральный «Вестник Европы»), Министерство народного просвещения делало новую политику умиротворения. Были смягчены кары для студентов, участвовавших в волнениях последних лет. Советам профессоров было предложено обсудить меры для оздоровления университетской жизни, и некоторые из них принялись за устройство обстоятельных анкет по этому вопросу. Наконец, ввиду значения связи между средней и высшей школой, был поставлен вопрос о реформе средней школы (намеченной еще покойным Н. П. Боголеповым), о некотором сокращении гимназического курса (главным образом за счет древних языков). Это была попытка излечить высшую школу, выделяя чисто *политические* причины беспорядков и по мере возможности устраняя все остальные причины.

Трудность была в том, что именно политические причины были основой студенческих волнений; та «темная, чуждая науке политическая сила», о которой говорил А. Н. Куропаткин, та «тайная организация студенчества», существование которой признала комиссия профессоров Московского университета, преследовала чисто политическую цель борьбы с существующим строем. Однако, писал князь Е. Н. Трубецкой, ничем нельзя прекратить пропаганду известного сорта, но можно сделать студенчество менее к ней восприимчивым. Назначив генерала Ванновского, государь предпринял еще раз попытку в этом направлении. Он не переоценивал могущества революционных сил и желал бороться с ними не только одними репрессиями.

Та же политика – отделения политических требований, посильного удовлетворения остальных – была применена и в отношении рабочих. Эту попытку враги правительства затем окрестили «зубатовщиной» по имени начальника московской тайной полиции Зубатова, игравшего видную роль в организации легальных «аполитичных» профессиональных союзов среди рабочих – «русских тред-юнионов».⁴¹

⁴¹ О рабочих организациях см. ниже, гл. 8.

Глава 7

Кризис сельского хозяйства; его причины. – Упадок дворянского землевладения. – Комиссия В. И. Ковалевского об оскудении центральных губерний. – Вторая комиссия (В. Н. Коковцова). – Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – Местные комитеты. – Убийство Д. С. Сипягина. – Крестьянские волнения в Полтавской и Харьковской губерниях. – Слово государя к дворянам и крестьянам в Курске. – Выводы местных комитетов: против общины, против неотчуждаемости крестьянских земель. – Манифест 26 февраля 1903 г. – Отмена круговой поруки. – Письмо графа Л. Н. Толстого к государю. – Конец работы «коковцовской» комиссии о центре

Экономическое положение России на рубеже XX в. могло бы считаться в общем удовлетворительным, если бы к тому времени не начал проявляться все отчетливее глубокий внутренний недуг, подтачивавший сельское хозяйство, которым жило свыше четырех пятых населения страны. Промышленность, хотя и переживала кризис после периода бурного роста, продолжала развиваться; доходы государства увеличивались; железнодорожная сеть разрасталась, Сибирская дорога строилась с исключительной быстротой. Но все громче раздавались голоса, указывавшие на угрожающее положение русской деревни.

Россия считалась житницей Европы. Широкая полоса ее земли – черноземная область – отличалась исключительным плодородием. Русское хозяйство в целом сделало за последнее десятилетие огромные шаги вперед. И тем не менее в центральных областях России, в самой сердцевине государства, каждый неурожай грозил вызвать голод, требующий широкой помощи от государства. В Западной Европе таких явлений не было уже давно; а если в Индии, в Китае бывало много хуже, – это не могло никак служить «утешением»: ведь во всех других отношениях Россия стояла неизмеримо выше «азиатских» условий.

За границей зачастую были склонны приписывать эти угрожающие явления русским земельным порядкам, причем упорно держалась легенда о том, будто в России вся земля принадлежит помещикам, которые, мол, отбирают у крестьян чуть ли не весь урожай! На самом деле картина была совершенно иная – едва ли не прямо противоположная.

В 50 губерниях Европейской России – где проживало свыше 3/4 населения империи – было огромное преобладание крестьянского землевладения и землепользования. На бумаге крестьяне имели около 40 процентов всей площади; в действительности их доля была еще несравненно больше, так как казне принадлежали главным образом леса и неудобные земли, и, если их отбросить, у казны оставалось всего несколько миллионов десятин удобной земли. Удельные земли составляли заметную величину только в одной губернии (Симбирской). Уже при отмене крепостного права к крестьянам отошло более половины всех удобных земель; за сорок лет неуклонно продолжался переход земель от дворян к крестьянам и лицам других сословий. В начале XX в. крестьянам принадлежало свыше 160 миллионов десятин земли – более чем на три четверти удобной; дворяне имели 52 миллиона (около половины – леса и неудобные земли); а все другие владельцы (купцы, иностранцы, города, акционерные компании и т. д.) – около 30 миллионов (преимущественно удобных земель).

В 22 губерниях – почти во всей черноземной полосе – более половины всей земельной площади принадлежало крестьянам, местами до 80 процентов. К этому надо еще прибавить, что казенные и удельные удобные земли и значительная доля частновладельческих находились в аренде у крестьян. Подобного преобладания мелкого крестьянского хозяйства над крупным не было ни в Англии, ни в Германии, ни даже в послереволюционной Франции. *Россия была страной мелкого крестьянского хозяйства.* Большие имения были островками в крестьянском море. Только в царстве Польском, в Прибалтийском крае (и в Минской губернии) дворянское землевладение преобладало над крестьянским.

Государственная власть оберегала крестьянское землевладение путем целого ряда законодательных мер. Земли, попадавшие в руки крестьянских обществ, становились их неотчуждаемой собственностью: крестьянские владения могли только расти, и действительно росли из года в год. Существовал даже особый государственный орган, Крестьянский банк, целью которого была скупка земель у частных владельцев для перепродажи их крестьянам на льготных условиях платежа.

Между тем крестьянское землевладение было в хозяйственном отношении *наименее* производительным. Даже средний уровень урожайности на частновладельческих землях был примерно на 1/3 выше, чем на крестьянских; в отдельных, более культурных имениях урожайность была еще много выше. Во время диспута о «влиянии урожаев и хлебных ценах» указывалось, что огромное большинство крестьянских хозяйств (говорили о 91 проценте, но эта цифра была преувеличена) не имеет хлеба для продажи; следовательно, прокормление городов, фабрик и даже крестьянства тех губерний, где своего хлеба не хватает, зависело преимущественно от частновладельческих земель; эти же земли давали тот избыток, который вывозился за границу и являлся главной статьей русского торгового баланса; из того же избытка в голодные годы кормилось крестьянство пострадавших от неурожая местностей.

Заслуживает внимания, что в общем наиболее страдали от неурожая как раз те губернии, где был наибольший процент крестьянского землевладения: Казанская, Самарская, Уфимская, Воронежская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская и т. д. Все это были плодороднейшие, обильные земли; и тем не менее все яснее становилось, что сельское хозяйство в этих местностях переживает тягчайший кризис.

Сами крестьяне обычно усматривали причину этого кризиса в малоземелье или в переобременении налогами. Но и соляной налог, и подушная подать были отменены еще в 1880-х гг.; земельный налог составлял ничтожную величину, и, собственно, единственным серьезным прямым налогом, лежавшим на крестьянстве, были выкупные платежи за землю, полученную при освобождении.⁴²

Основная причина сельскохозяйственного кризиса была в условиях крестьянского хозяйства и прежде всего в условиях землепользования. Огромное большинство крестьянских земель принадлежало общинам. Крестьяне владели землею не единолично, а коллективно — земля считалась принадлежащей «миру», который не только мог перераспределять ее между своими членами, но и устанавливать правила и порядок обработки земель.

Община господствовала во всей Центральной, Северной, Восточной и Южной России и на Северном Кавказе, тогда как лишь в Западном крае (главным образом в губерниях, принадлежавших Польше до конца XVIII в.) преобладала крестьянская *частная* собственность на землю в виде подворного владения. (К востоку от Днепра подворное владение господствовало только в Полтавской губернии и в частях Черниговской и Курской губерний.)

Знаменательным был тот факт, что ни одна из западных губерний с подворным владением не знала того голода вследствие неурожая, который становился периодическим бедствием Центральной и Восточной России, — хотя крестьянские наделы в западных губерниях были много меньше, а процент крестьянского владения много ниже, чем в остальных частях России.

Власть «мира» в общине заменила собою при освобождении крестьян власть помещика. Община имела много сторонников; ее отстаивали при этом не столько по экономическим, сколько по *социальным* соображениям; ее считали особым русским способом разрешения социальных вопросов. Указывали, что благодаря общине, связь с которой даже при уходе в город не то что легко было сохранить, но и при желании было трудно порвать, в рус-

⁴² Выкупные платежи за 1894–1903 гг. составляли в среднем 92–93 миллиона рублей в год при общем государственном бюджете от 1145 миллионов (1894) до 2032 миллионов (1903).

ской деревне почти не было безземельного пролетариата. Каждый крестьянин был совладельцем наделной земли. Когда семья увеличивалась, она могла рассчитывать на прирезку за счет других, менее многочисленных семей. Крестьянин, ушедший на фабрику, мог оттуда вернуться домой и снова приняться обрабатывать землю. Община имела несомненные преимущества и для казны: она коллективно отвечала за уплату налогов благодаря круговой поруке; поэтому-то она неохотно отпускала своих членов «на волю»: каждый уход увеличивал налоговое бремя для оставшихся.

Поклонники социалистических форм хозяйства долго считали общину «своей», рассматривая ее как выработанное жизнью практическое приложение социалистических принципов к русской деревне. Правда, их не могло не смущать, что при этом хозяйство велось все же на единоличных началах; артельная обработка земли была исключением. Все же социалисты-народники и вслед за ними либеральная интеллигенция горой стояли за общину; за нее же высказывались и славянофилы, и представители того «демофильского» направления русских правящих сфер, наиболее ярким представителем которого был К. П. Победоносцев. Из левых течений против общины высказывались только марксисты, считавшие, что она тормозит развитие капитализма – необходимой предпосылки социалистического строя.

Но недостатки общины становились все очевиднее с течением времени: община, спасавшая слабых, тормозила деятельность крепких, хозяйственных крестьян; она способствовала уравниванию, но препятствовала повышению общего благосостояния деревни. Численность населения росла несравненно быстрее, чем доходность наделных земель, и этот процесс уже сам по себе, помимо каких-либо других причин, приводил к понижению экономического уровня. 90-е гг. в этом отношении были переломными: сельское хозяйство стало явно отставать от общего хозяйственного роста страны; застой местами превращался в упадок.

Еще в середине 90-х гг. это многими оспаривалось; и народники даже могли утверждать, что крестьянство, пребывающее на уровне натурального хозяйства, тем самым избавляется от бедствий сельскохозяйственного кризиса. Этот кризис – выразившийся главным образом в резком падении хлебных цен – действительно сперва наиболее резко отразился на *частновладельческих* имениях.

Конкуренция заморского хлеба на европейских рынках нанесла тяжелый удар и без того пошатнувшемуся дворянскому землевладению. Только самые крупные владения могли выдержать это новое испытание. Задолженность землевладельцев Дворянскому банку перевалила далеко за миллиард рублей. Характерным проявлением упадка духа, который в то время обозначился среди поместного дворянства, было выступление Екатеринославского губернского предводителя дворянства А. П. Струкова (еще в 1896 г.) с предложением о *временном секвестре задолженных дворянских имений*.

Указывая, что в одной Екатеринославской губернии дворянские владения за 35 лет сократились с 2,9 миллиона десятин до 1,4 миллиона, А. П. Струков писал, что доходы от имений сплошь и рядом не покрывают процентов по долгам, и предлагал, чтобы Дворянский банк взял такие имения в управление, разрешив владельцам остаться жить в усадьбах и выдавая им пособие на воспитание детей. Такой проект, конечно, был порожден крайним отчаянием, и против него резонно возражали, что едва ли чиновник управляющий, назначенный Дворянским банком, извлечет из имения больший доход, нежели его исконный владелец...

Весною 1897 г. было учреждено, указом на имя председателя Комитета министров И. Н. Дурново, особое совещание о нуждах поместного дворянства. Оно существовало почти пять лет, но почти никаких реальных мер содействия дворянству не придумало. На основании его работ был издан в 1899 г. закон о временно-заповедных имениях: дворяне получали право на два поколения объявлять свое имение неделимым и неотчуждаемым и завещать

его любому из своих сыновей. Летом 1901 г. был издан закон, разрешающий частным лицам покупать (а дворянам – и арендовать) на льготных условиях казенные земли в Сибири. Но этим и ограничились меры в пользу поместного дворянства. Государственная власть, руководясь исключительно соображениями о пользе целого, не сочла возможным оказать дворянству сколько-нибудь широкую поддержку из общих средств.

Интеллигенция смотрела на тяжелое положение дворянского землевладения с нескрываемым злорадством. Противопоставляя друг другу интересы крестьян и помещиков, интеллигенция искренно воображала, что ухудшение положения дворян в какой-то мере должно было принести улучшение крестьянам. И когда падение хлебных цен больно ударило по сельскому хозяйству, значительная часть общества легко успокаивалась на мысли о том, что страдают только помещики и «кулаки», а крестьянская масса чуть ли не в выигрыше от низкого уровня цен! Между тем упадок крупного землевладения еще более понижал общий хозяйственный уровень деревни; он лишал землевладельцев возможности подавать пример более совершенных форм хозяйства; лишал крестьянство побочных заработков; наконец, понемногу иссушал те «резервуары хлеба», из которых в неурожайные годы могли на месте, без подвоза издалека, получать пропитание крестьяне, пострадавшие от неурожая. Оскудение дворянского землевладения, наряду с влиянием общинного землепользования, только способствовало нарастанию сельскохозяйственного кризиса в деревне.

Когда вслед за грозным предостережением 1891 г. неурожай, со всеми его пагубными последствиями, постиг снова (хотя и в меньшей степени) те же пострадавшие местности в 1897 и 1898 гг., оптимистические голоса умолкли, и понемногу стало общепризнанным, что во всем русском сельском хозяйстве нечто серьезно неблагополучно.

Тот государственный деятель, который в первые годы царствования императора Николая II играл роль министра народного хозяйства, – С. Ю. Витте – при всем его разностороннем уме имел весьма слабое ощущение потребностей сельского хозяйства и питал определенное нерасположение к поместному дворянству. С. Ю. Витте проводил с большой энергией план «индустриализации» русского народного хозяйства; его симпатии принадлежали скорее городу и фабрике, нежели деревне. И если ему случалось провозглашать: «По моему глубокому убеждению, нет на Руси более важного экономического вопроса, более охватывающего все стороны нашей хозяйственной жизни, как именно вопрос о коренном улучшении хозяйственного быта нашего сельского населения в строгом смысле этого слова»⁴³ – это было для министра финансов только доводом в пользу протекционизма и развития промышленности как рынка для русского сельского хозяйства. Эту политику – сперва промышленность, потом сельское хозяйство – критиковал И. В. Гурко, писавший в «Новом времени»,⁴⁴ что везде промышленность вырастала на почве спроса: «Неужели же мы в состоянии опрокинуть этот порядок: сначала создать промышленность, а лишь затем обеспечить сбыт ее произведений путем повышения благосостояния народных масс?»

Сам государь, хотя и принимал близко к сердцу интересы деревни (как он это высказал, между прочим, при коронации, обращаясь к депутациям дворян и крестьян), за первые годы своего правления почти не вмешивался в сложные и спорные вопросы экономики.

Голоса, свидетельствовавшие об упадке деревни, раздавались громче всего из дворянской среды. Известный деятель саратовского дворянства Н. А. Павлов, князь В. Кудашев (в «Новом времени»), Н. А. Энгельгардт и другие выступали уже в 90-х гг. с указанием на оскудение центральных губерний России, на падение количества скота и т. д. «Нет, – говорил еще в 1897 г. граф А. А. Бобринский, петербургский предводитель дворянства, – мы не «известная группа землевладельцев»! Мы – представители интересов землевладения всей России,

⁴³ Речь в комиссии по упорядочению хлебной торговли в начале 1899 г.

⁴⁴ Серия статей под названием «Земледелие и забастовки» за 1901 г.

представители нужд и наших, и крестьянских, и общегосударственных!» И хотя пропитанная «классовыми» предрассудками интеллигенция этого не сознавала – помещное дворянство действительно отстаивало не столько групповые интересы, сколько интересы деревни в целом.

Интересно отметить, что по совершенно другим соображениям на кризис сельского хозяйства обращали внимание марксисты, считавшие «пролетаризацию» крестьян необходимой предпосылкой развития капитализма в России: «марксистский» журнал «Начало» отмечал (еще весной 1899 г.) «парадоксальное на первый взгляд явление»: крестьянская масса страдает больше всего в тех губерниях, где у нее больше всего земли (притом – наилучшего качества) и где господствует община...

Сознать, что налицо серьезный кризис, – еще не значило найти из него исход. Так, русская народническая интеллигенция была склонна считать, что главное – это предоставить крестьянам политические права, распространить в деревне знания, отдать крестьянам казенные, монастырские⁴⁵ и помещичьи земли, – и кризис будет устранен.

Но даже либеральные экономисты признавали, что уничтожение среднего и крупного землевладения в России может оказаться весьма пагубным хотя бы уже потому, что урожайность владельческих земель была много выше крестьянской, вследствие чего эти земли давали тот избыток хлеба для вывоза за границу, который играл столь видную роль в русском финансовом хозяйстве. Известный земский конституционалист Ф. И. Родичев еще во время спора о «влиянии урожаев и хлебных цен» говорил: «Прибавка земли крестьянам не поможет... Всякие разговоры об увеличении наделов – не более как абстрактная фантазия... Тут не в малоземелье беда, земли не мало, но она скверно обрабатывается».

Весною 1899 г. по почину товарища министра финансов В. И. Ковалевского была учреждена небольшая комиссия из сведущих лиц по вопросу об оскудении центрально-черноземных губерний. Этот факт обратил на себя внимание печати: правительство открыто признавало факт неблагополучия. Народники по этому поводу писали, что оскудение, конечно, есть, но не только в центральных губерниях, а во всей стране, из-за общих политических условий. В более правых кругах высказывали мнение, что такое положение объясняется слишком большими расходами в интересах окраин и чрезмерным обложением великорусских губерний. Против общины в тот момент высказывались почти только «марксисты». «Это – массовое крушение мелкого землевладельческого самостоятельного хозяйства, – в 1899 г. писало «Начало». – Это, во-первых, вопрос не только центра, а во-вторых – это не оскудение всего центра, а только известной части хозяйства... Снова теперь в нашей жизни производитель хлеба сам остался без хлеба. И это в той общине, над которой мы долго задумчиво останавливались, как над ребенком в колыбели, гадая об ее будущем. Теперь уже почти никто не спорит, что современная община быстро разрушается».

В то время такое мнение было одиноким. За правление императора Александра III был взят решительно курс в пользу общины; еще в последний год его царствования 14 декабря 1893 г. был издан ряд законов, укреплявших ее: раньше крестьянин, погасивший свой долг за землю, мог свободно выйти из общины; по новому закону для этого нужно было согласие двух третей ее членов. Община считалась одним из устоев государства. Ее отстаивала власть; ее защищало и большинство противников власти; на этом сходились противоположности...

Даже князь В. П. Мещерский только косвенно, как бы приводя чужое мнение, подходил к этому вопросу, когда он цитировал «голые и резкие мысли» о желательности разделения сельского населения на землевладельцев и батраков, «как во всем мире». Но для этого не было достаточно одной отмены общины; нужно было бы еще отменить также и законы, запрещающие продажу крестьянской земли «на сторону», не только крестьянам.

⁴⁵ Не многие знали, что все монастырские земли в России составляли менее полумиллиона десятин!

Особое совещание 1899–1901 гг. собрало интересный материал о положении центральных губерний, подтверждавший мнение относительно упадка сельского хозяйства в этом районе. Но оно, в сущности, не наметило никаких путей для выхода из положения. Оно признало, что одной из причин кризиса является дальнейшее дробление земли в пределах общины, но сочло, что это неизбежное зло: «Относительное уменьшение количества земли, находящейся во владении крестьян, как естественное последствие роста населения, не требует доказательств, *оно вытекает из самой природы вещей*», – фаталистически заявлялось в сводке работ особого совещания.⁴⁶

В 1901 г. – после двух благополучных годов – снова повторился неурожай, и опять в тех же центральных и восточных районах (в 42 губерниях урожай ниже среднего). Этот неурожай сделался, между прочим, предметом полемики между либеральными органами и правой печатью, так как это был первый случай применения новой организации продовольственного дела, которое, по закону 1900 г., было передано из рук земства в руки администрации. Но государственная власть сделала из этого нового бедствия вывод о необходимости принятия срочных мер для улучшения положения деревни.

«Теперь все чаще можно встретиться с мнением, – писало «Новое время» на 1902 Новый год, – что это явление – не простая случайность, а последствие во всех отношениях неудовлетворительной обстановки у нас земледелия». Но общество, поскольку оно представляло собою нечто организованное, в этом отношении не могло помочь власти. Оно рассматривало сельскохозяйственный кризис только как одно из проявлений общей несостоятельности «самодержавия»; либеральная и социалистическая печать регистрировала признаки этого кризиса, ставя их на одну доску с задержкой роста промышленности. Сами крестьяне, которые не могли учесть общих условий народного хозяйства, либо мечтали о «прирезке» земли, либо искали исход в переселении (за период 1894–1901 гг. в Сибирь переселилось свыше 1 200 000 крестьян).

Но власть знала, насколько ограниченным является земельный фонд; знала, какое большое экономическое значение для всего народного хозяйства имеют частновладельческие земли с их более высокой урожайностью. Что касается переселения, то емкость Сибири была не столь велика, как можно было думать по карте; Средняя Азия требовала огромных оросительных работ, а Маньчжурия еще не была закреплена за Россией.

12 ноября 1901 г. было объявлено об учреждении новой, более обширной комиссии «для всестороннего обсуждения вопроса об экономическом упадке центра в связи с условиями хозяйственной жизни других частей империи». В программу этой комиссии входило исследование условий землевладения и землепользования, условий податного порядка, отхожих промыслов, доходности частного и крестьянского хозяйства и т. д. Председателем этой комиссии был назначен товарищ министра финансов В. Н. Коковцов; к участию в ней были приглашены, наряду с представителями ведомств, специалисты-теоретики и земские деятели из числа сельских хозяев.

Но эта комиссия, целью которой было только всестороннее обследование *части* сельскохозяйственной проблемы, не могла дать быстрого ответа на поставленные вопросы; она занялась собиранием обширного статистического материала и только через два года – в октябре 1903 г. – собралась на пленарную сессию для подведения итогов своих работ.

В январе 1902 г. государь принял важное принципиальное решение, чтобы сдвинуть с мертвой точки аграрный вопрос. 23 января было утверждено положение об особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Это учреждение имело целью не

⁴⁶ Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды особого совещания 1899–1901 гг. / Сост. А. Д. Поленов.

только выяснить нужды сельского хозяйства, но и подготовить «меры, направленные на пользу этой отрасли народного труда».

Под председательством министра финансов С. Ю. Витте – хотя он и был всегда далек от нужд деревни, – при ближайшем участии Д. С. Сипягина и министра земледелия А. С. Ермолова, это совещание состояло из двадцати сановников, причем наряду с членами Государственного совета был привлечен и председатель Московского общества сельского хозяйства, князь А. Г. Щербатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.